ИЛЛЮМИНАТОР

Библиотека журнала «Иностранная литература»

Антонио Табукки

Утверждает Перейра

Antonio Tabucchi

Sostiene Pereira

Утверждает Перейра
Антонио Табукки

Аннотация
Антонио Табукки. Утверждает Перейра
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
Примечание

Аннотация

Антонио Табукки (р. 1945) — итальянский писатель, специалист по португальской литературе. Книга «Утверждает Перейра» принесла автору мировую известность. Роман получил четыре итальянские премии, был экранизирован (в главной роли — М. Мастрояни). Коллизия романа, но существу, близка советской истории: действие происходит в фашистской Португалии в 1938 г. Кажущаяся простота сюжета и слога повествования оттеняет изысканное композиционное построение «этих свидетельских показаний».

Антонио Табукки
Утверждает Перейра

1

Перейра, утверждает Перейра, познакомился с ним в один прекрасный летний день. День выдался и вправду чудесный. Прогретый летним солнцем и продуваемый ветром, весь Лисабон сиял. Кажется, Перейра сидел в редакции в полной растерянности: вести новую рубрику в их газете поручили ему, но что давать на страницу «Культура» в ближайший номер, он представлял себе плохо, а главный редактор «Лисабона» уехал в отпуск. И он, Перейра, сидел и размышлял о смерти. В такой погожий летний день, когда легкий бриз с Атлантики ласково треплет макушки деревьев, светит солнце и город искрится, в буквальном смысле искрится у него под окном, и синева невиданная, утверждает Перейра, синева была такой чистоты и яркости, что даже больно было смотреть, — в такой вот день он задумался о смерти. Почему? Объяснить этого Перейра не мог. Может, потому, что когда он был совсем маленьким, у отца было похоронное бюро и называлось оно «Перейра Ла Долороза», может, потому, что несколько лет назад он потерял жену, умершую

от туберкулеза, или потому, что сам он был тучным, с больным сердцем и высоким давлением и врач говорил, что если так будет продолжаться, то долго он не протянет, но факт тот, что Перейра, утверждает Перейра, стал думать о смерти.

Совершенно случайно он начал листать журнал, попавшийся под руку тоже по чистой случайности. Какой-то литературный журнальчик, в котором почему-то был и отдел философии. Журнал, скорее всего, авангардистский, точно он не берется сказать, но там было немало сотрудников-католиков. Перейра тоже был католиком или, по крайней мере, считал себя таковым на тот момент — правоверным католиком. Единственное, во что он не мог поверить, — это в воскресение плоти; в воскресение души, понятное дело, да. Безусловно. В том, что у него есть душа, он никогда не сомневался, но чтобы вся его плоть, эта мясистая толща, которая облекала его душу, это уж извините, нет, о каком возрождении здесь можно говорить и с какой, спрашивается, стати. Весь этот жир, неотвязно следующий за ним везде и всюду, этот пот и одышка, когда он поднимается по лестнице, почему они-то должны воскреснуть? Нет, лично ему, Перейре, в той, другой жизни все это было совершенно ни к чему,

он не желал такой вечности и не хотел верить в воскресение плоти. От нечего делать он начал листать, утверждает он, журнал и наткнулся на статью, где было сказано: «Из дипломной работы, защищенной в прошлом месяце в Лисабонском университете, мы публикуем здесь рассуждение о смерти. Автор этой работы, Франсишку Монтейру Росси, окончил с отличием философский факультет, и предлагаемая статья представляет собой лишь фрагмент его большого труда, но мы надеемся, что в будущем он продолжит сотрудничество с нами».

Перейра, утверждает Перейра, поначалу просматривал эту статью, не имевшую заглавия, по диагонали, потом машинально вернулся на несколько страниц назад и сделал выписку. Почему он это сделал? На этот вопрос Перейра не может дать вразумительный ответ. Возможно, потому, что этот авангардистский католический журнал его раздражал, возможно, потому, что в тот день он вообще плевать хотел и на авангард, и на католицизм, при том что сам он был глубоковерующим человеком, а может, просто потому, что в тот момент, в разгар сияющего в Лисабоне лета, ему, Перейре, придавленному весом собственного размякшего тела, идея воскресения

плоти казалась особенно отвратительной, но факт тот, что он начал переписывать статью, возможно исключительно ради того, чтобы выбросить потом журнал в корзину.

Перейра утверждает, что он не переписывал всю статью целиком, а сделал только одну выписку в несколько предложений, и это документальный факт: «Отношение, которое в самом общем виде определяет глубинный смысл нашего бытия, есть отношение жизни и смерти, и то обстоятельство, что наше существование имеет своим пределом смерть, является основополагающим для осознания ценности жизни». Потом он взял телефонную книгу и сказал себе: Росси — фамилия необычная и в справочнике наверняка будет только один Росси. Он, утверждает Перейра, набрал номер, который и сейчас хорошо помнит, и услышал, как на другом конце ответили «алло». Алло, сказал Перейра, говорит «Лисабон». Слушаю вас, ответил голос.

Понимаете, сказал, как он утверждает, Перейра, с вами говорят из газеты «Лисабон», она стала выходить всего несколько месяцев назад, не знаю, попадалась ли вам наша газета, мы вне политики, это независимая газета, но мы верим в бессмертие души, то есть, я хочу сказать, при-

держиваемся католической направленности, и я хотел бы поговорить с господином Монтейру Росси. Перейра утверждает, что на противоположном конце последовала короткая пауза, а потом голос ответил, что Монтейру Росси — это он, но что он не особенно-то думает о душе. Перейра, в свою очередь, тоже помолчал несколько секунд, потому что ему показалось странным, утверждает он, чтобы человек, чья подпись стояла под столь глубокими высказываниями о смерти, не думал о душе. И тогда он решил, что произошло какое-то недоразумение, и его мысли сразу же переключились на идею воскресения плоти, его навязчивую идею, и он сказал, что прочел статью Монтейру Росси о смерти, и еще сказал, что он, Перейра, тоже не верит в воскресение плоти, если он правильно понял то, что хотел сказать Монтейру Росси. В общем, Перейра, утверждает он, совсем запутался и начал злиться, злиться главным образом на себя, зачем нужно было звонить незнакомому человеку и тем более заводить с ним разговор о таких тонких, можно сказать сугубо личных, вопросах, как душа и воскресение плоти. Перейра, утверждает он, пожалел об этом звонке и уже собирался повесить трубку, но тут, сам не зная почему, пересилил

себя и продолжил разговор, сказав, что его зовут Перейра, доктор Перейра, что он возглавляет отдел культуры в газете «Лисабон», которая, конечно, всего-навсего вечерняя газета, словом, не может пока что тягаться с другими столичными газетами, но он уверен, что рано или поздно и она обретет свое лицо; правда, до сих пор «Лисабон» печатал только светские новости, но уже принято решение, и начиная с субботнего номера в их газете будет страница культуры; редакция пока еще не укомплектована, и ему, Перейре, нужен внештатный сотрудник, который бы занимался одной определенной темой.

Перейра утверждает, что господин Монтейру Росси сразу оживился и затараторил, что готов сегодня же явиться в редакцию, он говорил также, что работа его интересует, любая работа, потому что после окончания университета, увы, приходится обеспечивать себя самому и работа ему очень нужна, но Перейра предусмотрительно отговорил его приходить в редакцию, сказав, что пока этого делать не стоит, а лучше встретиться где-нибудь в городе. Он сказал именно так, утверждает Перейра, потому что не хотел приглашать незнакомого человека в обшарпанную комнатушку на улице Родригу да Фонсека с

хрипящим, как в приступе астмы, вентилятором и пропахшую кухонным чадом, поднимавшимся от консьержки, сущей мегеры, которая смотрела на всех с подозрением и только и делала, что стряпала. И потом, ему не хотелось, чтобы кто-то посторонний узнал, что всю редакцию отдела культуры в газете «Лисабон» составляет он один, Перейра, человек, обливающийся потом в этой конуре от жары и тесноты; короче, он предложил, утверждает Перейра, встретиться в городе, и тот, Монтейру Росси, согласился: хорошо, сегодня вечером в ресторане на Праса да Алегрия большой народный праздник, танцы, песни, гитары, меня пригласили спеть им что-нибудь неаполитанское, я, знаете ли, наполовину итальянец, хотя неаполитанского диалекта не знаю, но, так или иначе, хозяин заведения оставил для меня столик на улице, на нем будет карточка с моим именем, как вы смотрите на то, чтобы встретиться там? Перейра, утверждает Перейра, согласился, повесил трубку, вытер пот, и тут его осенила блестящая идея — открыть рубрику «Памятные даты» и, не откладывая, дать ее уже в субботний номер; и так вот, почти автоматически, может, потому, что в тот момент он думал об Италии, он вывел заголовок: «Два года назад скончался

Луиджи Пиранделло». Затем, чуть ниже, сделал врезку: «Великий драматург показал Лисабону свою пьесу „Сон, а может быть, явь?“». Было двадцать пятое июля тысяча девятьсот тридцать восьмого года, и весь Лисабон сверкал в синеве, овеваемый легким бризом с Атлантики, утверждает Перейра.

2

Перейра утверждает, что после обеда погода переменилась. Атлантический бриз внезапно прекратился, с океана сплошной стеной пошел туман, и город затянуло плотной, пропотевшей от жара пеленой. Перед тем как выйти из комнаты, Перейра посмотрел на градусник, который он купил на собственные деньги и повесил у двери. Термометр показывал тридцать восемь градусов. Перейра выключил вентилятор, столкнулся на лестнице с консьержкой, которая сказала ему «до свиданья, доктор Перейра», вдохнул напоследок кухонного чада в подъезде и наконец оказался на улице. Перед дверьми, прямо напротив, начинался рынок и стояли два пикапа Республиканской национальной гвардии. Перейра знал, что рынок взбудоражен, потому что накануне, в Алентежу полиция застрелила возницу, доставлявшего продукты на местные рынки: он был социалистом. По этой причине и стояла у ворот рынка Республиканская национальная гвардия. Но «Лисабон», вернее, зам главного редактора, потому что Сам уехал на курорт в Бусаку и отдыхал там

на водах, не решился дать сообщение об этом, да и кто бы рискнул напечатать, что возницу-социалиста расстреляли в Алентежу прямо в его телеге, так что дыни стали красными от крови? Никто. Потому что страна молчала, ей не оставалось ничего другого, как молчать, а люди тем временем гибли и полиция хозяйничала повсюду. Перейра опять вспотел, оттого что опять стал думать о смерти. И тогда он подумал: этот город пахнет смертью, вся Европа пропахла смертью. Он направился в кафе «Орхидея», оно находилось совсем рядом, сразу за еврейской мясной лавкой, и сел за столик, но не снаружи, а внутри, потому что там по крайней мере работали вентиляторы, а на улице некуда было деваться от жары. Заказав лимонад, он пошел в уборную, вымыл руки и ополоснул лицо, потом попросил принести сигару и сегодняшнюю вечернюю газету, и Мануэль, официант, принес ему именно «Лисабон». Перейра в тот день не успел посмотреть гранки и развернул «Лисабон» как свежую, нечитаную газету. На первой странице сообщалось: «Сегодня из Нью-Йорка отчалила самая роскошная яхта в мире». Перейра долго изучал заголовок, потом стал рассматривать фотографию. На снимке мужчины в соломенных шляпах и легких рубаш-

ках открывали бутылки шампанского. Перейра сильно вспотел, утверждает он, и снова стал думать о воскресении плоти. Как же так, подумал он, если я воскресну, то окажусь вместе с этими людьми в соломенных шляпах? Он ощутил вдруг себя — физически — очутившимся среди этих яхтсменов в вечности, в какой-то из ее гаваней с неуточненными координатами. И вечность представилась ему невыносимой дырой, непроглядным из-за клубящегося тумана пеклом, где говорили только по-английски, непрерывно восклицая окей, окей! Перейра попросил еще лимонаду. Он раздумывал, как лучше поступить: пойти прямо домой и принять холодную ванну или же сходить в церковь Благодарения к своему другу, священнику дону Антониу, у которого он исповедовался несколько лет назад, после смерти жены, и к которому ходил теперь раз в месяц. Он решил, что лучше пойдет к дону Антониу, вдруг от этого ему полегчает.

Так он и сделал. В тот раз, утверждает Перейра, он забыл расплатиться. Вернее, даже не подумал об этом, просто встал и ушел, небрежно оставив на столике газету и шляпу, шляпу, скорее всего, потому, что глупо было надевать ее в такую жару, или потому, что так уж он усгроен и всегда забы-

вает где-нибудь свои вещи.

Дон Антониу выглядел совершенно разбитым, утверждает Перейра. Круги под глазами на пол-лица, и вообще такой вид, как будто он не спал всю ночь. Перейра спросил, что с ним, и дон Антониу ответил: Как? Ты что, не знаешь? В Алентежу убили человека, ехавшего на своей телеге, везде забастовки, и в городе, и в провинции, послушай, на каком свете ты живешь, ведь ты же работаешь в газете, сходил бы, что ли, поинтересовался.

Перейра утверждает, что ушел расстроенным из-за того, что разговора не получилось, и что его, по сути дела, выставили. На каком свете я живу? — спросил он самого себя. И в голову пришла диковатая мысль, что, может, он и вовсе не живет, а вроде бы уже умер. Точнее: он постоянно только и делает, что думает о смерти, рассуждает о воскресении плоти, в которое не верит, и о тому подобных глупостях, и на самом деле это никакая не жизнь, а только существование, притворившееся жизнью. Перейра, утверждает Перейра, вдруг почувствовал страшную слабость. Он еле доплелся до ближайшей трамвайной остановки и сел в трамвай, который довез его до Террейру ду Пасу. По дороге он смотрел в окно. Родной Лисабон медленно разворачивал перед

ним свои улицы, он смотрел на бульвар Свободы с его великолепными дворцами, потом на Праса ду Россиу, выдержанную в английском стиле; на Террейру ду Пасу он вышел и пересел на другой трамвай, который шел на гору и делал кольцо у Замка. Он вышел, не доезжая Замка, у Собора, потому что жил рядом с этой остановкой, на Руа да Саудаде. Подъем к дому он одолел с трудом. Позвонил в дверь, потому что неохота было искать ключи от подъезда, и консьержка, она же его прислуга, открыла ему. Доктор Перейра, сказала консьержка, я сделала вам на ужин отбивную на решетке. Перейра сказал «спасибо», медленно поднялся по лестнице, достал из-под коврика ключ от квартиры, он всегда его там держал, и вошел к себе. В прихожей он остановился перед книжным шкафом, где стояла карточка жены. Этот снимок он сделал сам в тысяча девятьсот двадцать седьмом году, они ездили тогда в Мадрид, и массивный силуэт Эскориала виднелся на заднем плане. Прости, я немного задержался сегодня, сказал Перейра.

Перейра, утверждает Перейра, завел с некоторых пор привычку разговаривать с фотографическим портретом жены. Он рассказывал ему, где был, что делал, делился своими мыслями, просил

совета. Я не знаю, на каком свете я живу, сказал он жене на фотографии. То же самое говорит и дон Антониу, но в том-то и беда, что я не в состоянии думать ни о чем другом, кроме смерти, такое впечатление, что весь мир уже умер или вот-вот умрет. Потом он подумал о детях, которых у них никогда не было. Сам он, конечно, очень хотел бы ребенка, но просить об этом хрупкую, болезненную женщину, замученную бессонницей и санаториями, не смел и теперь горько сожалел об этом. Потому что, если бы у него был сын, уже большой мальчик, с которым можно было бы поговорить, сидя за одним столом, ему не пришлось бы разговаривать с фотографией, напоминающей о той давней поездке, от которой в памяти не осталось почти ничего. Ну да ладно, произнес он фразу, ставшую заключительной формулой его разговоров с женой. Потом он пошел на кухню, сел за стол и снял крышку со сковородки, на которой лежала приготовленная ему на ужин еда. Мясо давно остыло, но разогревать его было лень. Он всегда ел то, что ему было оставлено, не грея. Быстро сжевав кусок мяса, он пошел в ванную, вымыл подмышки, надел другую рубашку, повязал черный галстук и слегка побрызгал себя испанским одеколоном, который еще оста-

вался во флаконе, купленном в тысяча девятьсот двадцать седьмом году в Мадриде. Потом надел серый пиджак и вышел, чтобы идти на Праса да Алегрия, потому как было уже девять часов вечера, утверждает Перейра.

3

Перейра утверждает, что город в тот вечер казался оккупированным полицией. Она была всюду. До Террейру ду Пасу он доехал на такси; там под портиками стояли пикапы с карабинерами. Видимо, боялись манифестаций или просто скопления людей на площади и потому заранее заняли все стратегические точки в городе. Он охотно прошелся бы пешком, тем более что кардиолог велел больше двигаться, но идти мимо хмурых людей в военной форме было страшновато, и потому он сел в трамвай, который ходил по улице душ Фанкейруш и довозил его до площади Фигуейра, на площади вышел, утверждает он, там тоже была полиция. Ему предстояло пройти вдоль кордона из полицейских отрядов, и от этого становилось тоже не по себе. На ходу он услышал, как офицер говорил солдатам: помните, ребята, враг не дремлет, так что глядите в оба.

Перейра огляделся кругом, как будто наставления офицера относились к нему, но по первому впечатлению никакой необходимости глядеть в оба на самом деле не было. На бульваре Свободы

все было спокойно, в киоске торговали мороженым, и за столиками сидели, отдыхая, люди. Он тоже спокойно пошел по центральной аллее, как вдруг послышались, утверждает он, звуки музыки. Нежные, грустные переборы коимбрской гитары, и это сопряжение музыки и полиции показалось ему невероятным. Он решил, что, должно быть, играют на Праса да Алегрия, и был прав, потому что, по мере того как он все ближе и ближе подходил к площади, музыка становилась все громче и громче.

Площадь, утверждает Перейра, ничем не напоминала площадь в осажденном городе, он не увидел там полиции, а только ночной патруль; стражи порядка, похоже пьяные, мирно дремали на лавочке. Гирлянды из бумажных флажков и разноцветных лампочек, желтых и зеленых, протянутых от окна к окну, украшали площадь. На улице стояли редкие столики, и несколько пар танцевало. Потом он заметил огромный транспарант, на полотнище, натянутом между деревьями, крупными буквами было написано: «Слава Франсиско Франко!» и ниже, чуть помельче: «Слава португальским воинам в Испании!»

Перейра, утверждает Перейра, только тогда сообразил, что попал на салазаровский праздник,

чем и объяснялось отсутствие полиции здесь. И лишь потом обратил внимание, что на многих были зеленые рубашки и шейные платки. Он остановился как вкопанный и моментально подумал о нескольких вещах сразу. Подумал, что, наверное, Монтейру Росси один из этих, подумал о вознице из Алентежу, что залил кровью свои дыни, подумал, что сказал бы дон Антониу, если бы увидел его в таком месте. Подумал и опустился на лавочку, где дремали ночные стражи, занятый своими мыслями. Правильнее было бы сказать, что мысли его занимала музыка, ибо музыка, невзирая ни на что, ему нравилась. Играли два старичка, один на скрипочке, другой на гитаре, они играли надрывные мелодии Коимбры времен его молодости, когда он был студентом Коимбрского университета и думал о жизни как о светлом и безоблачном завтра. В ту пору он тоже играл на скрипке, выступая на студенческих праздниках, был легким, стройным и умел нравиться девушкам. Многие факультетские красавицы сходили по нему с ума. Но ему-то нравилась одна худенькая и бледная девчушка, которая писала стихи и часто жаловалась на головные боли. Он вспомнил и многое другое из своей жизни, но воспроизводить эти мысли

Перейра не собирается, потому что, утверждает он, это касается его, и только его, и никакого отношения ни к тому вечеру, ни к тому празднику, на котором он, к своему несчастью, оказался, не имеет. Потом Перейра, утверждает Перейра, увидел, как один молодой человек, высокий и стройный, в светлой рубашке, поднялся из-за стола, подошел к музыкантам и встал между ними. Ни с того ни с сего у него вдруг защемило сердце, возможно, оттого, что ему показалось, что он узнал себя в этом молодом человеке, встретился с самим собой тех студенческих лет в Коимбре, потому что в чем-то они были похожи, нет, не чертами лица, но манерой держаться, прической, у того тоже падала прядь волос на лоб. Молодой человек запел итальянскую песню «O со'ле мио», Перейра не понимал слов, но песня была красивой, чистой и жизнерадостной, он понимал только «солнце мое» и ничего больше, но пока тот молодой человек пел, снова поднялся легкий атлантический бриз, потянуло вечерней прохладой, и все ему показалось замечательным — и прожитая им жизнь, распространяться о которой ему совсем не хочется, и город Лисабон, и небесный свод, виднеющийся поверх разноцветных фонариков, и вдруг на него напала жуткая тоска, причину

которой, он, Перейра, раскрывать не собирается. Так или иначе, он догадался, что юноша, который пел песню, и был тем человеком, с которым он разговаривал днем по телефону, поэтому, когда тот кончил петь, Перейра встал со скамейки, потому что любопытство взяло верх над свойственной ему осмотрительностью, направился к столику и, обращаясь к молодому человеку, спросил: Вы, я полагаю, господин Монтейру Росси? Монтейру Росси хотел привстать, задел за край стола, опрокинул стоявший перед ним стакан и залил пивом свои роскошные белые брюки. Прошу прощенья, пробормотал Перейра. Ну что вы, это я такой неловкий, возразил молодой человек, со мной это происходит постоянно. А вы, я полагаю, доктор Перейра из «Лисабона». Прошу вас, присаживайтесь. И протянул ему руку.

Перейра, утверждает Перейра, сел за столик, продолжая испытывать чувство неловкости. Про себя же подумал, что оказался не на своем месте, что глупо было встречаться с неизвестным ему человеком на этом празднестве националистов и что дон Антониу не похвалил бы его за такое поведение, и еще, что ему захотелось поскорее вернуться домой, поговорить с портретом жены и попросить у нее прощения. Перебирая в голове

эти мысли, он вдруг отважился и спросил напрямик: Это что, праздник салазаровской молодежи, вы состоите в Союзе молодых салазаровцев, да? Монтейру Росси откинул прядь волос, падавшую ему на лоб, и ответил: Я окончил факультет философии и литературы, и какое дело «Лисабону» до всего остального, не понимаю? Большое дело, утверждает, что возразил на это, Перейра, потому что у нас свободная и независимая газета и мы не хотим встревать в политику.

В это время двое старых музыкантов заиграли снова, извлекая из печальных струн своих инструментов франкистскую песенку. Перейра, несмотря на внутреннюю скованность, понял в тот момент, что уже вступил в игру и обязан продолжать. И как это ни странно, но ему стало ясно, что свою игру он сыграет, что карты легли на одну руку, потому что он — доктор Перейра из газеты «Лисабон», а молодой человек, сидящий напротив, смотрит ему в рот. И тогда он сказал так: Я прочел вашу статью о смерти, и мне она показалась небезынтересной. Я писал диплом о смерти, ответил Монтейру Росси, но вам-то могу признаться, что та овчинка не совсем моей выделки и отрывок, который напечатал журнал, говорю вам как на духу, честно списан, частично

у Фейербаха, частично у одного французского философа-спиритуалиста, но даже мой руководитель ничего не заметил, профессора, знаете ли, гораздо менее образованные люди, чем принято думать. Перейра утверждает, что тщательно обдумал вопрос, который весь вечер собирался задать и наконец решился, но прежде подозвал официанта в зеленой рубашке, который обслуживал их столик, и сделал заказ. Вы меня извините, сказал он Монтейру Росси, но я не пью ничего спиртного, только лимонад, и взял себе лимонаду. Потягивая лимонад, он, перейдя вдруг на шепот, как будто кто-то мог услышать и осудить его, спросил: Простите, но я хотел вас спросить вот о чем: вы сами часто думаете о смерти?

Монтейру Росси широко улыбнулся, и Перейра, утверждает Перейра, вконец смутился. Ну что вы, доктор Перейра, воскликнул Монтейру Росси громко, я думаю только о жизни! И уже не так громко продолжал: Послушайте, доктор Перейра, смертью я сыт по горло, два года назад я похоронил мать, она была португалкой, школьной учительницей, умерла в одночасье от аневризмы головного мозга, мудреное слово, чтобы сказать, что у человека лопается в голове сосуд, в общем, умерла от удара; в прошлом году умер отец, он

был итальянец, инженер по образованию, работал на кораблях, приписанных к Лисабонскому порту, он мне кое-что оставил, но это кое-что уже кончилось; еще у меня есть бабушка, она живет в Италии, но я ее не видел с двенадцати лет, в Италию я не хочу, там ситуация почище нашей, так что извините мою откровенность, доктор Перейра, но смертью я сыт по горло, а почему вы задали этот вопрос?

Перейра отхлебнул лимонаду, вытер губы тыльной стороной кисти и сказал: Просто потому, что все газеты печатают некрологи, я имею в виду, что всякий раз, когда умирает кто-то из известных писателей, газета помещает некролог, но тексты такого рода не пишутся с ходу, их нужно иметь уже готовыми, и я ищу человека, способного сочинять такие заблаговременные некрологи, статьи на смерть великих писателей нашего времени, представьте себе на минуту, что завтра умирает Мориак,[1] и как я, по-вашему, буду выкручиваться?

Перейра утверждает, что Монтейру Росси заказал еще пива. До того как им встретиться,

---

[1] Примечания: 1

Франсуа Мориак (1885–1970) — известный французский писатель, участвовал в движении Сопротивления, лауреат Нобелевской премии (1952). (Здесь и далее прим. перев.)

молодой человек уже выпил как минимум три пива и, по его подсчетам, должен был изрядно захмелеть или по крайней мере быть навеселе. Монтейру Росси откинул прядь волос, падающую ему на лоб, и сказал: Доктор Перейра, я неплохо знаю языки и современную литературу, я люблю жизнь, но если вам угодно, чтобы я непременно писал о смерти, и вы готовы платить за это, как заплатили мне сегодня за то, что я спел им неаполитанскую песню, я могу это делать и через день принесу вам статью на смерть Гарсии Лорки, как вам Гарсиа Лорка? В сущности, он основал испанский авангард, точно как наш Песоа[2] — португальский модернизм, и художник разносторонний, занимался и поэзией, и музыкой, и живописью.

Перейра ответил, утверждает он, что Гарсиа Лорка представляется ему не самой подходящей фигурой, но попробовать можно, лишь бы выдержать правильный тон, соблюдая должную осторожность, и не касаться никаких других — при существующем положении — довольно щепетильных тем, а говорить о нем исключительно как о художнике. И тогда Монтейру Росси

---

[2] Примечания: 2
Фернанду Песоа (1888–1935) — португальский поэт.

с самым что ни на есть непринужденным видом спросил: Простите, что заговариваю об этом, статью на смерть Гарсии Лорки я, конечно, напишу, вне всякого сомнения, а вы, не могли бы вы заплатить мне вперед? Мне нужно купить себе другие брюки, эти уже нельзя надеть, а у меня свидание с девушкой, она должна зайти за мной сюда, мы вместе учились в университете, это моя подруга, она мне очень нравится, и я хотел бы сводить ее в кино.

4

Девушка, которая подошла к ним, утверждает Перейра, была в ажурной, вязанной крючком, шапочке. Она была очень хороша собой, зеленоглазая, с бледной кожей, красивыми обнаженными руками. Платье, державшееся на тоненьких бретельках, которые сходились сзади крест-накрест, выгодно подчеркивало округлые плечи и красивую спину.

Это Марта, сказал Монтейру Росси. Марта, позволь тебе представить — доктор Перейра, он только что взял меня на работу, так что с сегодняшнего вечера я журналист, как видишь, на работу все-таки устроился. Она сказала: Очень приятно — Марта. И потом, обернувшись к Монтейру Росси, сказала: И зачем я пришла на этот праздник, сама не знаю, но раз уж мы здесь, может, потанцуем, недотепа, вечер чудный да и музыка больно завлекательная.

Перейра остался один за столиком, утверждает он, заказал еще лимонаду и, отпивая его маленькими глотками, смотрел, как они танцуют, прижавшись щека к щеке. В этот момент Пе-

рейра, утверждает Перейра, снова стал думать о прожитой жизни, о детях, которых у него никогда не было, но по этому поводу Перейра не будет делать никаких дальнейших заявлений. Станцевав один танец, молодые люди вернулись за столик, и Марта как бы между прочим сказала: Я купила сегодняшний «Лисабон», но, к сожалению, о вознице из Алентежу, которого расстреляла полиция прямо в его телеге, там ничего не сообщается, пишут о какой-то американской яхте, кого сейчас интересуют такие новости, не понимаю. И Перейра, испытывая неоправданное чувство вины, ответил: Главный редактор сейчас в отпуске, на водах, а я занимаюсь только отделом культуры, вы, наверное, еще не знаете, что с будущей недели в «Лисабоне» будет страница культуры, и вести ее буду я.

Марта стянула с головы ажурную шапочку и кинула ее на стол. Густые каштановые волосы с рыжим отливом, утверждает Перейра, тяжелой волной упали ей на плечи, она выглядела несколько старше своего друга, на вид ей было лет двадцать шесть — двадцать семь, и он спросил: А чем занимаетесь вы? Веду коммерческую переписку по импорту и экспорту в одной торговой фирме. Я работаю только до полудня, а в

остальное время могу читать, гулять, встречаться с Монтейру Росси. Перейра утверждает, что его удивило, что она называет молодого человека полным именем — Монтейру Росси, как будто они всего лишь коллеги по работе, но он, разумеется, промолчал и, сменив тему, просто чтобы продолжить разговор, сказал: А я решил, что вы из Союза салазаровской молодежи. А вы? — мгновенно отреагировала Марта. Ну, знаете, ответил Перейра, моя молодость давно в прошлом, а что касается политики, то она меня не больно-то интересует, но фанатиков я не переношу, мне кажется, что на свете развелось слишком много фанатиков. Главное, не путать фанатизм и веру, ответила Марта, ведь люди могут верить в идеалы, к примеру, в то, что они свободны, равны, в то. что все люди — братья, простите, я, в сущности, цитирую лозунги французской революции, а вы верите в Великую французскую революцию? Теоретически да, ответил Перейра, и тут же пожалел об этом «теоретически», но на самом деле он говорил то, что думал. В этот момент оба музыканта, скрипка и гитара, заиграли вальс в тональности фа мажор, и Марта сказала: Доктор Перейра, мне хотелось бы станцевать этот вальс с вами. Перейра, утверждает Перейра, поднялся, подал ей руку и повел

к танцевальной площадке. Он кружился в вальсе почти самозабвенно, забыв про свой толстый живот и не ощущая веса собственного тела, как будто все это чудесным образом улетучилось. Он смотрел на небо поверх разноцветных фонариков над Праса да Алегрия и чувствовал себя крошечной частицей, слитой с космосом. Вот он, толстый пожилой мужчина, танцует с молодой девушкой на одной из площадей мироздания, а тем временем небесные светила двигаются по своим орбитам, Вселенная находится в непрерывном движении, и, может быть, в эту минуту на нас смотрят из какой-нибудь обсерватории спуда, из бесконечности. Потом они вернулись за столик, и Перейра, утверждает он, все думал: почему у него нет детей? Он заказал еще лимонаду, решив, что ему надо пить как можно больше жидкости, потому что в такую неимоверную жару, как сегодня днем, у него болит живот. Марта чувствовала себя вполне непринужденно и говорила без умолку. Монтейру Росси, говорила она, посвятил меня в свои журналистские планы, отличная идея, полно писателей, которые умрут не сегодня-завтра, слава богу, этот кошмарный Рапаньетта, называвший себя Д'Аннунцио, уже несколько месяцев как помер, потом еще этот ханжа, как

его, Клодель[3] чересчур зажился, вам не кажется? Уверена, что ваша газета с ее католической, как мне показалось, направленностью охотно напечатает его некролог; потом этот жуткий тип, подонок Маринетти, сначала он, видите ли, воспевает войну и гаубицы, а потом и сам якшается с «чернорубашечниками» Муссолини, хорошо бы и он поскорее нас оставил в покое. Перейра, утверждает Перейра, слегка вспотел и зашептал: Барышня, говорите тише, не знаю, отдаете ли вы себе отчет, где мы находимся. Тогда Марта надела свою шапочку и сказала: Это место мне порядком надоело, на нервы действует, вот увидите, сейчас они врубят свои военные марши, пожалуй, я вас оставлю здесь вдвоем с Монтейру Росси, а сама пройдусь до набережной Тахо, хоть воздухом подышу, спокойной ночи и до свиданья.

Перейра, утверждает Перейра, вдруг почувствовал прилив сил, допил лимонад и хотел заказать еще, но заколебался, потому что не знал, долго ли собирается сидеть здесь Монтейру Росси. Тогда он спросил: Как вы смотрите на то, чтобы выпить еще по стаканчику? Монтейру Росси не возражал, сказав, что весь вечер сегодня в его распоряжении

[3] Примечания: 3

Поль Клодель (1868–1955) — французский поэт-мистик, писатель и дипломат.

и он с удовольствием поговорил бы о литературе, ему редко выпадал случай поговорить о литературе, все больше о философии, потому что все его знакомые занимались исключительно философией. В ту минуту Перейре вспомнилось изречение, которое любил повторять его дядя, несостоявшийся писатель, и он привел его: «Кажется, что философия занимается поисками истины, но на самом деле она, вероятно, лишь фантазирует на сей счет, в то время как литература при помощи одной лишь фантазии, скорее всего, и открывает истину». Монтейру Росси улыбнулся и сказал, что это прекрасное определение для обеих дисциплин. Тогда Перейра спросил его: А что вы думаете о Бернаносе?[4] Монтейру Росси поначалу, казалось, слегка растерялся и спросил: Это который католический писатель? Перейра утвердительно кивнул головой, и Монтейру Росси, понизив голос, сказал: Послушайте, доктор Перейра, как я уже говорил вам по телефону, я нечасто задумываюсь о смерти, и меня не слишком волнует католическая вера, мой отец был корабельным инженером, понимаете, он был человеком дела, который верил в технический

[4] Примечания: 4

Жорж Бернанос (1888–1948) — французский писатель и публицист, проповедник католицизма.

прогресс, и меня воспитал в той же вере, он был итальянец, это правда, но воспитание я получил скорее английское и привык смотреть на мир прагматически, да, я люблю литературу, но у нас с вами разные вкусы, или — сформулируем это так — мы очень по-разному относимся к некоторым писателям, однако работа нужна мне позарез, и я готов писать заготовки для некрологов всем писателям, которые будут угодны вам или вашей редакции. Тут Перейра, утверждает Перейра, почувствовал себя задетым. Досадно было получить урок профессиональной этики от какого-то юнца, и он счел это оскорбительным. Тогда он тоже решил перейти на заносчивый тон и ответил: Что касается моих литературных предпочтений, то они никоим образом не зависят от воли главного редактора, редакцией культуры заведую я, и я сам выбираю писателей, тех, которые интересны мне, поэтому давайте договоримся так: я даю вам задание и предоставляю полную свободу действий, а Бернаноса и Мориака я посоветовал только потому, что люблю этих авторов, но окончательный выбор остается за вами, делайте то, что сочтете нужным. Перейра, утверждает Перейра, тотчас же пожалел, что поторопился и подвергает риску и себя, и главного редактора,

предоставив свободу молодому человеку, которого совершенно не знает и который откровенно признался, что списал свой диплом. На какой-то момент он почувствовал себя в ловушке и понял, что сам же поставил себя в идиотское положение. К счастью, Монтейру Росси продолжал разговор о литературе и заговорил о Бернаносе, которого знал, судя по всему, довольно неплохо. Под конец он сказал: Бернанос — мужественный человек, не боится говорить о самых потаенных глубинах своей души. При слове «душа» Перейра почувствовал, утверждает он, что снова приходит в себя, для него это было как бальзам на раны, и он несколько наивно спросил: А вы верите в воскресение плоти? Никогда не задумывался над этим, ответил Монтейру Росси, меня это мало интересует, уверяю вас, совсем не интересует, но могу хоть завтра прийти в редакцию и принести вам заблаговременный некролог Бернаносу, но, откровенно говоря, я предпочел бы написать статью на смерть Гарсии Лорки. Давайте, сказал Перейра, редакция — это я, я нахожусь на улице Родригу да Фонсека, дом шестьдесят шесть, это почти на углу с Алешандре Эркулану, в двух шагах от еврейской мясной лавки, если встретите на лестнице консьержку, ничему не удивляйтесь,

это сущая мегера, скажете, что у вас назначена встреча с доктором Перейрой, но особенно не распространяйтесь, по-моему, она стучит полиции. Перейра утверждает, что не знает, почему он так сказал, может, просто потому, что ненавидел консьержку и салазаровскую полицию, однако факт тот, что он сказал именно это, но не для того, чтобы создать впечатление, будто он берет молодого человека, которого тогда совсем не знал, себе в сообщники, вовсе не для этого, хотя точно назвать мотив Перейра не может, утверждает он.

5

Проснувшись на следующее утро, он обнаружил, утверждает Перейра, яичницу с сыром между двумя ломтями хлеба. Было уже десять часов, а служанка заходила в восемь. Совершенно очевидно, что еду ему оставила она, чтобы он взял бутерброд на работу и съел в обед, Пьедаде хорошо изучила его вкусы, а Перейра действительно обожал яичницу с сыром. Он выпил чашку кофе, принял ванну, надел пиджак, но галстук решил не надевать. Правда, сунул его в карман. Прежде чем выйти из дому, он остановился перед портретом жены и сказал ему Я познакомился с одним парнишкой, его зовут Монтейру Росси, и думаю взять его к себе внештатным сотрудником, сочинять некрологи про запас, поначалу он показался мне довольно бойким юношей, но на поверку оказался наивнее, чем я думал, он мог бы быть сверстником нашего сына, если бы у нас был сын, немножко похож на меня, такая же прядь волос, падающая на лоб, помнишь, у меня тоже всегда падала прядь волос на лоб, когда я был еще студентом в Коимбре, в общем, не знаю, что

тебе сказать, посмотрим, зайдет сегодня ко мне в редакцию, обещал принести некролог, у него красивая девушка по имени Марта, с волосами цвета меди, пожалуй, слишком непосредственная и, на мой взгляд, много болтает о политике, ну да ладно, посмотрим.

Он доехал на трамвае до улицы Алешандре Эркулану и дальше пошел пешком, с трудом поднявшись в гору до угла Родригу да Фонсека. Когда он дошел до дверей, то весь взмок: день был жаркий. В вестибюле, как всегда, он столкнулся с консьержкой, которая сказала «здравствуйте, доктор Перейра». Перейра кивнул в ответ и поднялся по лестнице. Войдя в редакцию, он сразу же снял пиджак и включил вентилятор. Он не знал, с чего начать, а был уже полдень. Подумал, не съесть ли ему свой хлеб с яичницей, но для обеда было еще рано. Тогда он вспомнил про рубрику «Памятные даты» и сел писать. «Три года назад скончался великий поэт Фернанду Песоа. Будучи человеком английской культуры, он решил писать по-португальски, утверждая, что его отечеством стал португальский язык. Он оставил прекрасные стихи, разбросанные по журналам, и небольшую поэму „Послание“, представляющую собой историю Португалии, увиденную глазами

художника, горячо любившего свою родину». Перечитав написанное, Перейра счел его отвратным. Он выкинул страницу в корзину и написал: «Прошло три года, как нас покинул Фернанду Песоа. Немногие заметили его, почти никто. Он жил в Португалии как чужестранец, возможно, потому, что и в самом деле был иностранцем. Жил один, в скромных пансионах и меблированных комнатах. О нем помнят друзья, коллеги, те, кто любит поэзию».

Потом он достал хлеб с яичницей и начал есть. Тут же раздался стук в дверь, он спрятал бутерброд в ящик письменного стола и, вытерев рот листком бумаги для пишущих машинок, сказал «войдите». Это был Монтейру Росси. Здравствуйте, доктор Перейра, сказал Монтейру Росси, извините, если я немного раньше времени, но я вам кое-что принес, в общем, вчера вечером, когда я вернулся домой, на меня нашло вдохновение, и потом, я решил, что, наверное, смогу перекусить здесь, в газете. Перейра терпеливо объяснил ему, что в этом помещении нет редакции газеты, а только комната отдела культуры И что он, Перейра, и есть редакция отдела культуры, кажется, он все это ему вчера объяснил, здесь нет ничего, кроме одной этой комнаты, письменного стола

и вентилятора, потому что «Лисабон»? — всего-навсего небольшая вечерняя газета. Монтейру Росси уселся и достал сложенный вчетверо лист бумаги. Перейра взял его и стал читать. Непроходная, утверждает Перейра, статья была абсолютно непроходная. В ней описывалась смерть Гарсии Лорки, и начиналась она так: «Два года назад, при неясных обстоятельствах, нас покинул великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка. Полагают, что в этом повинны его политические противники, потому что его нашли убитым. Весь мир до сих пор не находит ответа, как могло произойти подобное злодеяние». Перейра поднял голову от страницы и сказал: Дорогой Монтейру Росси, вы прекрасный повествователь, но моя газета не самое подходящее место для повестей, в газетах печатают правдивую или правдоподобную информацию, вам не следовало писать о том, как умер поэт, об обстоятельствах и причинах его смерти, нужно было просто сказать, что он умер, а потом перейти к его творчеству, стихам и романсам, написать некролог, да, но вместе с тем дать и критический очерк, охарактеризовать его личность и творчество, то, что написали вы, абсолютно непригодно для печати, ну, не разгадана тайна его смерти, а если бы ее разгадали,

так что?

Монтейру Росси возразил, что Перейра еще не дочитал до конца, дальше как раз и говорится о творчестве, об облике и масштабе этого человека и художника. Перейра принялся терпеливо читать дальше. Опасная, утверждает он, статья была опасная. В ней говорилось об испанском захолустье, о католичестве в Испании и о том, как поэт изобличил его в драме «Дом Бернарды Альбы», говорилось о передвижном театре «Балаган», который создал для своего народа Гарсиа Лорка, там прославлялся испанский народ, его тяга к театру и жажда культуры, которую сумел утолить Гарсиа Лорка. Перейра оторвал глаза от текста, утверждает он, пригладил волосы и, закатав рукава рубашки, сказал: Дорогой Монтейру Росси, позвольте говорить с вами начистоту. Ваша статья непроходная, в самом деле непроходная. Я не могу ее напечатать, и ни одна португальская газета не сможет напечатать ее, как — к слову сказать — и итальянская тоже, раз уж вы итальянец родом, поэтому я допускаю одно из двух: либо вы полный невежда, либо провокатор, но в португальской журналистике на сегодняшний день нет места ни невеждам, ни провокаторам, вот и все.

Перейра, утверждает Перейра, почувствовал, что, пока он произносил все это, по спине у него побежала струйка пота. Почему он начал вдруг — потеть? Кто знает? Точно он сказать не берется. Возможно, потому, что стояла страшная жара, это уж вне всякого сомнения, и вентилятора было явно недостаточно, чтобы поддерживать прохладу в таком тесном помещении. Но, возможно, еще и потому, что ему стало вдруг жаль молодого человека, который смотрел на него как обиженный ребенок и все время, что он говорил, грыз ногти. Так что у него не хватило духу сказать ему: что поделаешь, попытка не удалась, до свидания. Вместо этого он продолжал, скрестив руки, глядеть на Монтейру Росси, и Монтейру Росси сказал: Я перепишу, я к завтрашнему дню все перепишу. О нет, нашел в себе силы ответить Перейра, никакого Гарсии Лорки, ради бога, слишком многие стороны его жизни и смерти не устраивают такую газету, как «Лисабон», не знаю, отдаете ли вы себе отчет, дорогой Монтейру Росси, что в Испании идет гражданская война и что португальские власти смотрят на нее так же, как генерал Франсиско Франко, и что Гарсиа Лорка был политическим преступником, да, это именно то слово: политическим преступником.

Монтейру Росси, будто испугавшись этого слова, вскочил, стал пятиться к двери, потом остановился и, сделав шаг вперед, сказал: А я-то думал, что нашел работу. Перейра не ответил и почувствовал, как струйка пота опять побежала у него по спине. Что же мне теперь делать? — прошептал Монтейру Росси почти умоляющим голосом. Перейра, в свою очередь, тоже встал, утверждает он, и подошел к вентилятору. Несколько минут он стоял молча, подставив спину под вентилятор, чтобы просушить рубашку. Вам нужно написать некролог Мориаку или Бернаносу, на ваше усмотрение, если вы достаточно хорошо меня поняли. Но я работал всю ночь, пробормотал Монтейру Росси, и думал хоть что-то получить за это, я ведь многого не прошу, только на обед. Перейра хотел было возразить, что накануне вечером он дал ему аванс на покупку новых брюк и что он не может выдавать ему деньги каждый день на расходы, потому что он ему не отец. Ему хотелось быть твердым и жестким. Но вместо этого сказал: Если все дело в том, что вам не на что сегодня поесть, то я, разумеется, могу пригласить вас пообедать, я тоже еще не обедал и чувствую некоторый голод, охотно съел бы хорошую рыбу на решетке или эскалоп в сухарях, как вы на это смотрите?

Почему он так сказал? Потому что был одинок и эта комната его угнетала, потому что на самом деле хотелось есть, потому что вспомнил фотографию жены или по какой-либо другой причине? Этого он объяснить не может, утверждает Перейра.

6

В конце концов Перейра, утверждает Перейра, пригласил его на обед и решил повести в «Россиу». В выборе места он не сомневался, да и где они — в сущности, два интеллигентных человека — могли бы еще посидеть, как не в этом литературном кафе.

В 20-е годы кафе и ресторан «Россиу» пользовались громкой славой, все авангардистские журналы делались за его столиками, туда ходили буквально все, и не исключено, что кто-нибудь и теперь бывает там по старой памяти. До ресторана они шли молча, спускаясь по бульвару Свободы. Перейра хотел сесть в глубине зала, потому что на улице под навесом было невыносимо жарко. Оглядевшись по сторонам, он не увидел ни одного писателя, утверждает он. Все писатели отдыхают, произнес он, чтобы сказать что-нибудь, должно быть, разъехались: кто в деревню, кто на море, только мы с вами и остались в городе. Или просто сидят по домам, заметил Монтейру Росси, по теперешним временам вряд ли кому-то особенно хочется бывать на людях. Перейра при-

помнил эту фразу и почувствовал, утверждает он, как тоскливо стало у него на душе. Он осознал вдруг, что они здесь совсем одни и никого вокруг, кто бы разделял с ними то же настроение общей подавленности; в зале сидели две дамы в шляпках и четверо мужчин в углу, с мрачным видом. Перейра выбрал столик поодаль, заправил, как он всегда делал, салфетку за воротник рубашки и заказал бокал белого вина. Начну, пожалуй, с аперитива, пояснил он, обращаясь к Монтейру Росси, обычно я не пью спиртного, но сегодня мне просто необходимо выпить. Монтейру Росси попросил принести ему бочкового пива, и Перейра поинтересовался, почему тот не возьмет вина, потому что не любит? Нет, потому что предпочитаю пиво, ответил Монтейру Росси, и пьется легче, и освежает лучше, к тому же я совершенно не разбираюсь в винах. Напрасно, заметил Перейра тихим голосом, если вы хотите стать настоящим критиком, вам следует развивать свой вкус, воспитывать утонченность и умение разбираться в винах, в кушаньях, в жизни. И в литературе, заключил он. На что Монтейру Росси, смешавшись, сказал: Я все собираюсь поговорить с вами начистоту, по не хватает духу. А вы не смущайтесь — я ведь всегда могу сделать вид, что ничего не

понял. Не сейчас, сказал Монтейру Росси.

Перейра заказал печеную рыбу, орату на решетке, утверждает он, а Монтейру Росси выбрал гаспаччо на первое и еще рис с дарами моря. Рис подали в огромной глиняной миске, которую Монтейру Росси опустошил в три приема, утверждает Перейра, и доел все Дочиста, при том что порция была огромной. Потом он откинул прядь волос со лба и сказал: Наверное, я взял бы еще мороженого или на худой конец лимонный шербет. Перейра прикинул в уме, во что ему обойдется сегодняшний обед, и получалось, что большую часть недельного заработка придется оставить здесь, в ресторане, где он рассчитывал встретить маститых лисабонских писателей, а вместо этого застал только двух старушенций в шляпках да четыре темных силуэта за столиком в углу. Он снова начал потеть и освободил ворот рубашки, вынув оттуда салфетку, потом попросил минеральной воды из холодильника, чашку кофе и тогда, глядя в упор на Монтейру Росси, сказал: А теперь откройте мне то, о чем вы не захотели говорить перед обедом. Сначала Монтейру Росси, утверждает Перейра, уставился в потолок и начал его разглядывать, затем отвел глаза в сторону, прокашлялся и, покраснев, как дитя,

сказал: Мне как-то неловко, право. Нет ничего такого, чего бы следовало стыдиться в этом мире, сказал Перейра, разумеется, если ты никого не обокрал и не опозорил отца с матерью. Монтейру Росси поднес салфетку к губам, будто хотел удержать слова, подступившие к горлу, вытер рот и, откинув прядь волос со лба, сказал: Даже не знаю, с чего начать, вы, как я понимаю, человек требовательный и ждете от меня профессионализма, словом, чтобы я больше думал головой, но дело в том, что я-то склонен руководствоваться другими принципами. Какими именно, поясните, попросил Перейра, помогая ему справиться с речью. Ну, в общем, сбивчиво продолжал Монтейру Росси, в общем, говоря откровенно, суть вопроса заключается в том, что я иду от логики сердца, наверное, этого не следовало делать, возможно, я и сам того не хотел, и это получалось помимо моей воли, само собой, потому что было сильнее меня; уверяю вас, я способен писать по-научному и вполне мог бы сделать статью памяти Гарсии Лорки такую, как надо, но то, о чем я говорю, было сильнее меня. Он снова приложил салфетку к губам и добавил: И к тому же я влюблен в Марту. А это-то здесь при чем? — перебил его Перейра. Не знаю, сказал Монтейру Росси, наверное, ни при

чем, но и это — логика сердца, вы так не думаете? И в каком-то смысле — та же неразрешаемая задача. Ваша задача в том, чтобы не ломать себе голову над вопросами, которые вам заведомо не по силам, хотел было возразить Перейра. Наш мир — это один большой вопрос, но не нам пытаться ответить на него, хотел сказать Перейра. Главный же вопрос заключается в том, что вы еще молоды, слишком молоды и годитесь мне в сыновья, хотел сказать Перейра, но я решительно против того, чтобы вы почитали меня отцом: не для того я здесь, чтобы разрешать ваши противоречия. Следующий вопрос заключается в том, что между нами должны установиться нормальные профессиональные отношения, хотел сказать Перейра, вам нужно научиться писать, в противном случае, продолжая писать статьи по законам сердца, вы навлечете на себя — это уж точно — массу неприятностей.

Но ничего подобного он говорить не стал. Закурив сигару и вытерев салфеткой пот, струившийся со лба, он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и сказал: Законы сердца — самые важные из законов, и жить надо по законам сердца, о них ничего не сказано в десяти заповедях, но это говорю вам я, сердце есть сердце, согласен, но

тем не менее глаза тоже должны быть открыты, и открыты широко, дорогой Монтейру Росси, на этом обед закопчен, ближайшие два-три дня не звоните мне, даю вам время продумать все как следует, действительно как следует. Позвоните мне в редакцию в следующую субботу ближе к полудню.

Перейра встал из-за стола, протягивая на прощание руку. Почему он говорил ему совсем не то, что собирался сказать, ведь он собирался как следует отчитать его и, может быть, даже уволить, Перейра затрудняется ответить. Быть может, потому что ресторан был пуст и он не увидел там ни одного писателя, или потому, что чувствовал себя одиноким в этом городе и нуждался в сообщнике и друге? Быть может, по этим или по каким-то иным соображениям, точно он сказать не берется. Трудно держаться определенных принципов, когда речь заходит о логике сердца, утверждает Перейра.

7

В следующую пятницу, захватив, как всегда, из дому пакет с хлебом и холодной яичницей и придя в редакцию, Перейра увидел, утверждает Перейра, торчащий из почтового ящика с табличкой «Лисабон» уголок конверта. Он вытащил конверт и сунул его в карман. В вестибюле подъезда ему встретилась консьержка, которая сказала: Здравствуйте, доктор Перейра, для вас письмо срочной почтой, почтальон принес его в девять утра, и мне пришлось расписаться за вас. Перейра поблагодарил ее сквозь зубы, продолжая подниматься по лестнице. Я взяла на себя такую ответственность, продолжала консьержка, но не хотела бы иметь неприятности, ведь на конверте не указано от кого. Перейра спустился на три ступеньки вниз, утверждает он, и посмотрел ей в лицо. Послушайте, Селеста, вы работаете консьержкой и никем больше, вам платят за то, что вы работаете консьержкой, и эту плату вы получаете со съемщиков, в число которых входит также моя газета, я знаю за вами этот грех — вы любите совать нос не в свои дела, так вот,

в следующий раз, когда придет срочная почта на мое имя, вы не будете ее изучать и не будете за нее расписываться, скажете почтальону, чтобы зашел позже и вручил письмо мне лично. Консьержка отставила швабру, которой подметала пол на площадке, к стенке и уперла руки в боки. Доктор Перейра, сказала она, вы позволяете себе говорить со мной таким тоном, потому что я для вас простая уборщица, но у меня, если хотите знать, есть знакомства среди высокопоставленных лиц, так что всегда найдется кому защитить меня от ваших грубостей. Догадываюсь, вернее, знаю наверняка, ответил Перейра и утверждает, что выразился именно так, и как раз это-то мне и не нравится в вас, а теперь — все, будьте здоровы. Открывая дверь в свою комнатушку, он чувствовал себя совсем без сил и взмокшим как мышь. Включил вентилятор, сел за письменный стол, выложил хлеб с яичницей на бумагу для пишущей машинки и вынул конверт из кармана. На конверте было написано: «Доктору Перейре, „Лисабон“, улица Родригу да Фонсека, 66, Лисабон». Надпись была сделана изящным почерком, синими чернилами. Перейра положил письмо рядом с бутербродом и закурил сигару. Кардиолог запретил ему курить, но сейчас ему

захотелось сделать хотя бы пару затяжек, а потом, может, он и не станет докуривать. Он решил, что вскроет письмо позже, поскольку сначала надо было скомпоновать страницу культуры для завтрашнего номера. Он думал пробежать еще раз статью для рубрики «Памятные даты», статью, написанную им о Песоа, но решил, что и так сойдет. Тогда он стал читать рассказ Мопассана, который переводил сам, но захотел взглянуть, не нужно ли там что-нибудь править. Правки не требовалась. Перевод был блистательным, и Перейра поздравил с этим самого себя. От этого ему стало немного лучше, утверждает он. Потом он вынул из кармана пиджака портрет Мопассана, который нашел в каком-то журнале в городской библиотеке. То был рисунок карандашом неизвестного французского художника. Мопассан с всклокоченной бородой, рассеянным видом и с глазами, упертыми в пустоту, идеально, как показалось Перейре, подходил для этого рассказа. Рассказ был, в общем, о любви и смерти и в портрете должна была угадываться печать трагедии. Еще надо было сделать врезку по центру с основными биографическими данными о Мопассане. Он открыл Ларусса, которого держал на письменном столе, и начал переписывать

оттуда. Он написал: «Ги де Мопассан, 1850–1893. Как и его брат Эрве, унаследовал от отца болезнь венерического происхождения, которая стала причиной безумия, а затем и ранней смерти. В двадцать лет участвовал во Франко-прусской войне. Работал в министерстве морского флота. Талантливый писатель с сатирическим взглядом на вещи, в своих новеллах он описывал немощь и дряхление определенных кругов французского общества. Автор произведений, принесших ему большую славу, таких, как „Милый друг“ и фантастический роман „Орля“. В приступе безумия был помещен в клинику доктора Бланша, где умер нищим и всеми покинутым».

Затем он взял бутерброд с яичницей, съел меньше половины, а остальное выбросил в мусорную корзину, потому что есть ему не хотелось, было слишком жарко, утверждает он. Тогда он и вскрыл конверт. Там была статья, напечатанная на пишущей машинке, на веленевой бумаге, на титульном листе стояло: «Ушел из жизни Филиппо Томмазо Маринетти». У Перейры упало сердце, потому что прежде, чем перевернуть страницу, он догадался, кто был автором, разумеется Монтейру Росси, и потому что сразу стало ясно, что статья эта никому не нужна, бессмысленная за-

готовка, ведь он-то ждал статьи о Берна носе или о Мориаке, которые — как он полагал — верили в воскресение плоти, а тут некролог Филиппо Томмазо Маринетти, который верил в войну, и Перейра принялся читать его. Статью следовало сразу же бросить в мусорную корзину, но Перейра не выбросил ее, а почему-то сохранил и именно поэтому может привести ее доподлинно. Она начиналась так: «Вместе с Маринетти уходит из жизни насильник, потому что насилие было его музой. Он начал в 1909 году, опубликовав в одной парижской газете „Манифест футуризма“, манифест, в котором он воспевал войну и насилие. Противник демократии, воинственный и воинствующий, он воспел войну и в сборнике своих скособоченных стихов, озаглавленном „Занг-тум-тум“, который представляет собой звукопись войны в Африке, развязанной итальянским колониализмом. Будучи убежденным приверженцем колониализма, он воспел и Итальянскую кампанию в Ливии. Среди прочего ему принадлежит также гнусный девиз „Война — единственная гигиена мира“. На фотографиях мы видим человека в вызывающих позах, с закрученными усами, в мундире академика, грудь которого увешана медалями. Фашистский режим не скупился на на-

грады ему, потому что Маринетти был его ярым сторонником. Вместе с Маринетти уходит из жизни пакостная личность, поджигатель войны…».

Перейра не стал читать дальше машинописный текст и перешел к письму, потому что к статье было приложено письмо, написанное от руки. В нем говорилось: «Глубокоуважаемый доктор Перейра, я следовал законам сердца и не виноват в этом. Не Вы ли говорили мне, что законы сердца главнее всех других. Не знаю, можно ли это печатать вообще, да и Маринетти может протянуть еще лет двадцать, кто его знает. Если все же статья чего-то стоит, буду премного благодарен Вам. В настоящий момент я не могу зайти в редакцию и не стану объяснять почему. Если захотите заплатить мне небольшой гонорар по своему усмотрению, можно послать его в конверте на мое имя по адресу п/я 202, главпочтамт, Лисабон. Буду Вам звонить. С наилучшими пожеланиями Ваш Монтейру Росси».

Перейра вложил некролог и письмо в архивную папку и написал на ней: «Некрологи». Затем надел пиджак, пронумеровал страницы новеллы Мопассана, собрал все свои бумаги со стола и направился в типографию. Он сильно потел, чувствовал себя неважно и надеялся не встретить

консьержку на лестнице, утверждает он.

8

В то утро в субботу, ровно в полдень, утверждает Перейра, раздался телефонный звонок. В тот день Перейра не брал из дому бутерброд с яичницей, во-первых, потому, что старался пропускать иногда ланч, как советовал ему врач, а во-вторых, если он проголодается, то всегда сможет съесть омлет в кафе «Орхидея».

Здравствуйте, доктор Перейра, послышался в трубке голос Монтейру Росси, это Монтейру Росси. Я ждал вашего звонка, сказал Перейра, где вы? За городом, сказал Монтейру Росси. За городом где? — настаивал Перейра. За городом, ответил Монтейру Росси. Перейру начинала раздражать, утверждает он, эта манера уклончивых, формальных ответов. Он ждал от Монтейру Росси большей открытости и хотя бы благодарности, но сумел сдержаться и сказал: Я послал вам деньги на ваш почтовый ящик. Спасибо, сказал Монтейру Росси, я зайду на почту. И замолчал. Тогда Перейра спросил его: Когда вы собираетесь прийти в редакцию? Давайте обсудим это при встрече. Право, не уверен, будет ли у меня такая возможность,

ответил Монтейру Росси, откровенно говоря, я собирался написать вам и назначить свидание в любом месте, но, по возможности, не в редакции. Тогда до Перейры наконец дошло, что что-то было не так, утверждает он, и, понизив голос, как если бы, кроме Монтейру Росси, их мог слышать кто-то еще, он спросил: У вас неприятности? Монтейру Росси не ответил, и Перейра подумал, что тот не расслышал вопроса. У вас неприятности? — переспросил он. В каком-то смысле да, ответил голос Монтейру Росси, но это не телефонный разговор, я напишу вам и назначу свидание где-нибудь в середине следующей недели, вы мне действительно очень нужны, доктор Перейра, нужна ваша помощь, но об этом я скажу при встрече, а сейчас извините меня, отсюда неудобно говорить, и я должен повесть трубку, не сердитесь, доктор Перейра, поговорим при встрече. В аппарате раздался щелчок, и Перейра тоже повесил трубку. Он разволновался, утверждает он. Поразмыслив, какие у него есть дела, он принял такое решение. Сначала он пойдет в кафе «Орхидея» и выпьет лимонаду, потом воздержится от омлета. Потом, вечером, он сядет в коимбрский поезд и поедет на воды в Бусаку. Там, вероятно, не удастся избежать встречи с редактором, даже наверняка,

а у Перейры не было ни малейшего желания беседовать со своим начальником, следовательно, надо было придумать благовидный предлог, чтобы уйти от его общества, тем более что как раз сейчас там находился его друг Сильва, который проводил свой отпуск на водах и настойчиво звал его присоединиться к нему. С Сильвой они учились в Коимбрском университете, он был его сокурсником и старым другом и преподавал теперь литературу в том же университете, человек образованный, спокойный и рассудительный, холостяк — провести с ним несколько дней было бы одно удовольствие. И потом, он будет пить воду из источника, что уже хорошо, гулять по парку, может быть, начнет делать ингаляции, потому что дышать ему было трудно и, поднимаясь по лестнице, он ловил воздух открытым ртом.

Он прикрепил к двери записку: «Буду в середине следующей недели. Перейра». К счастью, консьержки не оказалось на лестнице, и это его порадовало. Он вышел на слепящий полуденный свет и направился в сторону кафе «Орхидея». Подходя к еврейской мясной лавке, он увидел столпившихся перед входом людей и остановился. Он сразу заметил, что витрина разбита, а стены вокруг исписаны и мясник замазывает их

белой краской. Протиснувшись сквозь толпу, он подошел к мяснику, с которым был едва знаком — Майеру младшему — но зато хорошо знал его отца, с ним они частенько пили лимонад в кафе на набережной. Потом старик Майер помер и оставил лавку своему сыну Давиду, коренастому молодому человеку с выступающим — несмотря на молодой возраст — животом и жизнерадостным лицом. Давид, спросил Перейра, подходя ближе, что случилось? Сами видите, ответил Давид, вытирая руки, испачканные краской, о свой фартук. Хулиганство, кругом одно хулиганство. Вы вызвали полицию? О чем вы говорите, ответил Давид, о чем говорите. И снова принялся замазывать надписи белой краской. Перейра двинулся дальше, в кафе «Орхидея» он устроился внутри, перед вентилятором. Заказал лимонад и снял пиджак. Что же это делается, доктор Перейра, а? — спросил Мануэль. Перейра широко раскрыл глаза и задал встречный вопрос: Еврейская лавка? Да что еврейская лавка, бросил Мануэль на ходу, есть дела и похуже еврейской лавки. Перейра заказал омлет с зеленью и неспешно принялся есть. «Лисабон» выйдет только в семнадцать часов, и он не успеет прочесть его, потому что к тому времени будет уже в поезде на Коимбру.

Можно, конечно, спросить утренний выпуск, но он вообще сомневался, что португальские газеты сообщат о том, о чем сокрушался официант. Все жили слухами, передавали новости из уст в уста, и, чтобы следить за ними, надо было расспрашивать в кафе, прислушиваться к разговорам, это — единственный способ быть в курсе событий, или же купить любую иностранную газету, что продавались на Руа ду Оуру, но иностранные газеты если и приходили, то приходили с опозданием в два-три дня, так что искать такую газету не имело никакого смысла и лучше всего было спросить у кого-нибудь. Но Перейра не хотел ни у кого ничего спрашивать, он хотел просто поехать на воды, спокойно пожить там денек-другой, поговорить с профессором Сильвой, его другом, и не думать о людских бедах. Он заказал еще лимонаду, попросил счет, вышел, пошел на главпочтамт и отправил две телеграммы, одну в гостиницу на водах, чтобы забронировать одноместный номер, а другую своему другу Сильве. «Приезжаю Коимбру вечерним поездом тчк Буду благодарен зпт если встретишь машине тчк Обнимаю Перейра».

Потом он пошел домой укладывать чемодан. Билет он рассчитывал купить прямо на вокзале, так что оставалось немного времени, утвержда-

ет он.

9

Когда Перейра вышел на вокзале в Коимбре, первое, что он увидел, утверждает он, — это великолепный закат. Он огляделся по сторонам, но своего друга Сильву на перроне не обнаружил. Он решил, что, наверное, телеграмму не доставили либо что тот уже уехал из санатория. Однако, войдя в здание вокзала, он сразу увидел Сильву, курящего сигарету на скамейке. Он был растроган и двинулся ему навстречу. С тех пор как они виделись в последний раз, прошло какое-то время. Сильва обнял его и подхватил чемодан. Они вышли из вокзала и пошли к машине. У Сильвы был черный «шевроле», сверкавший хромированными поверхностями, удобная и просторная машина. Дорога к горячим источникам шла через гряду холмов, густо поросших зеленью. Сплошные повороты. Перейра открыл окошко, потому что его начинало слегка укачивать, и от свежего воздуха ему полегчало, утверждает он. Дорогой они почти не разговаривали. Ну, как жизнь? — спросил Сильва. Так себе, ответил Перейра. Ты живешь один? — спросил Сильва. Один, ответил

Перейра. По-моему, это тебе не на пользу, сказал Сильва, нашел бы себе женщину, которая была бы тебе по душе и скрасила твою жизнь, я знаю, ты верен памяти своей жены, но нельзя же весь остаток дней жить одними воспоминаниями. Я старый, ответил Перейра, слишком толстый, и у меня больное сердце. Вовсе не старый, сказал Сильва, мы же с тобой ровесники, а что до остального, так нужно соблюдать диету, давать себе отдых, больше заботиться о своем здоровье. Все так, сказал Перейра.

Перейра утверждает, что гостиница на водах была роскошной — белое здание, вилла, окруженная огромным парком. Он поднялся в свой номер и переоделся. Надел светлый костюм и черный галстук. Сильва ждал его в холле, потягивая аперитив. Перейра спросил, видел ли он уже главного редактора. Сильва подмигнул. Ужинает постоянно с одной блондинкой средних лет, ответил он, она тоже остановилась в нашей гостинице, так что, похоже, он-то нашел себе компанию по душе. Вот и хорошо, сказал Перейра, по крайней мере, не станет приставать ко мне с деловыми разговорами.

Они вошли в ресторан. Это была зала девятнадцатого века, с плафоном, расписанным

гирляндами цветов. Главный редактор ужинал за центральным столиком в обществе блондинки в вечернем платье. Главный поднял глаза и, увидев его, изобразил на лице удивление и сделал знак, чтобы тот подошел.

Перейра направился к ним, а Сильва усаживался пока за другой столик. Добрый вечер, доктор Перейра, сказал редактор, не ожидал вас встретить здесь, как же вы решились оставить редакцию? Страница культуры вышла сегодня, сказал Перейра, не знаю, видели ли вы уже ее, газета, наверное, еще не пришла в Коимбру, там есть один рассказ Мопассана и рубрика «Памятные даты», которую я взялся вести, во всяком случае, я пробуду здесь всего пару дней, не больше, и в среду вернусь в Лисабон готовить следующую страницу для субботнего номера. Сеньора, прошу прощения, сказал редактор, обращаясь к своей сотрапезнице, позвольте представить вам доктора Перейру, моего сотрудника. Потом добавил: Госпожа Мария ду Вале Сантареш. Перейра поклонился. Господин редактор, сказал он, я хотел бы оговорить *с* вами одну вещь, если вы не имеете ничего против, я решил взять практиканта, который будет помогать мне готовить некрологи впрок, сообщения о великих писателях, которые

могут умереть вот-вот. Доктор Перейра, воскликнул редактор, я ужинаю в обществе любезной и чувствительной дамы, и мы толковали с ней о вещах весьма amusantes,[5] а вы вступаете вдруг со своими разговорами о смертном одре, не очень-то деликатно с вашей стороны. Прошу прощения, утверждает, что ответил на это, Перейра, я не хотел заводить этого чисто профессионального разговора, но коль скоро мы выпускаем страницу культуры, то обязаны предусмотреть, что кто-то из великих деятелей культуры может скончаться, и если он умирает внезапно, то не так-то просто дать некролог в ближайший выпуск, вы, наверное, помните, как три года назад, когда скончался Т. Э. Лоуренс,[6] ни одна португальская газета не смогла откликнуться вовремя и некрологи появились лишь неделю спустя, так что если мы хотим быть современной газетой, то и действовать должны своевременно. Главный редактор медленно дожевал кусок, который был у него во рту, и сказал: Ну, хорошо, хорошо, доктор Пе-

[5] Примечания: 5
Забавных (Фр).

[6] Примечания: 6
Томас Эдвард Лоуренс (1888–1935) — английский писатель, востоковед, археолог: в годы Первой мировой войны в качестве британского военного советника участвовал в боевых действиях на арабских территориях.

рейра, как вы, наверное, тоже помните, я отдал страницу культуры в ваше полное распоряжение, и меня интересует только одно, дорого ли нам обойдется этот ваш практикант и насколько он надежен. Если вы об этом, то у меня сложилось впечатление, что многого ему не надо, это скромный молодой человек, к тому же он защитил диплом о смерти в Лисабонском университете, и, таким образом, что такое смерть, он понимает. Редактор сделал протестующий жест рукой, отпил глоток вина и сказал: Послушайте, доктор Перейра, ни слова больше о смерти, прошу вас, иначе вы испортите нам ужин, что же касается страницы культуры, тут я полностью полагаюсь на вас, вам-то я доверяю, слава богу, тридцать лет проработали репортером, а теперь будьте здоровы и приятного вам аппетита.

Перейра направился к своему столику и сел напротив товарища. Сильва спросил, выпьет ли он бокал белого вина, но он отрицательно покачал головой. Подозвал официанта и заказал лимонад. Мне вредно пить вино, объяснил он, так сказал врач. Сильва заказал форель с миндалем, а Перейра филе из говядины с яйцом. Они приступили к еде молча, потом в какой-то момент Перейра спросил Сильву, что он обо всем этом думает. О

чем обо всем? — переспросил Сильва. Обо всем, сказал Перейра, о том, что происходит в Европе. О, тут ты можешь не волноваться, отвечал Сильва, мы с тобой не в Европе, а в Португалии. Перейра утверждает, что продолжал настаивать. Все так, сказал он, но ты читаешь газеты, слушаешь радио и, стало быть, прекрасно знаешь, что происходит в Германии и в Италии, это же фанатики, готовые весь мир выжечь огнем и мечом. Не беспокойся, ответил Сильва, они от нас далеко. Согласен, подхватил Перейра, но Испания-то недалеко, всего в двух шагах, и ты знаешь, что происходит в Испании, настоящая бойня, а ведь у них было конституционное правительство, и что? В один прекрасный день его скинул этот святоша в генеральских погонах. Испания тоже далеко, сказал Сильва, мы в Португалии. Возможно, ты прав, сказал Перейра, но и у нас все не так благополучно, всем управляет полиция, убивают людей, обыски, цензура, у нас авторитарное государство, человек ничего не стоит, общественное мнение ничего не стоит. Сильва посмотрел на него и отложил вилку. Слушай меня внимательно, Перейра, сказал Сильва, ты что, веришь в общественное мнение, так знай, что общественное мнение — это трюк, который

изобрели англосаксы, англичане и американцы, это они засирают нам мозги, прости за грубое слово, своими идеями насчет общественного мнения, у нас никогда не было такой политической системы, как у них, у нас другие традиции, мы не знаем, что такое trade unions, мы южные люди, Перейра, и слушаемся того, кто громче кричит и кто командует. Мы не являемся южной расой, возразил Перейра, в нас течет кельтская кровь. Но мы живем на юге, и наш климат не способствует вызреванию политических идей, «laissez faire, laissez passer»[7] — вот это по нас, и потом, послушай, я преподаю литературу, и в литературе я разбираюсь, готовлю сейчас критическое издание наших трубадуров, дружеские канцоны, не знаю, помнишь ли ты по университету, в общем, то было время, когда молодые люди отправлялись на войну, а женщины оставались дома проливать слезы, и трубадуры собирали их плачи, а управлял всеми тогда король, понимаешь? Начальник, нам всегда нужен был начальник, и сегодня нам тоже нужен начальник. Но ведь я журналист, возразил Перейра. И что из этого? — сказал Сильва. А то, что я должен быть свободен, возразил

[7] Примечания: 7
Пусть делают, что хотят, пусть будет, как будет (фр.)

Перейра, и должен давать людям правдивую информацию. Не вижу связи, сказал Сильва, ты же не пишешь на политические темы, а ведешь страницу культуры. Перейра, в свою очередь, отложил вилку и поставил локти на стол. А теперь ты послушай меня внимательно, заявил он, представь себе, что завтра умирает Маринетти, ты имеешь хоть какое-то представление о нем? Смутное, сказал Сильва. Так вот, сказал Перейра, Маринетти — большая сволочь, он начал с того, что стал петь о войне, стал апологетом убийства, это террорист, который приветствовал поход на Рим, Маринетти — большая сволочь, и я обязан сказать об этом. Отправляйся в Англию, там ты сможешь говорить все что тебе заблагорассудится и иметь при этом уйму читателей. Перейра доел последний кусок филе. Я отправляюсь спать, сказал Перейра, Англия слишком далеко. Как, без десерта? — спросил Сильва, а я бы съел кусочек торта. Мне вредно есть сладкое, ответил Перейра, так сказал врач, к тому же я устал с дороги, спасибо, что встретил на вокзале, спокойной ночи, до завтра.

Перейра встал из-за стола и ушел, не сказав больше ни слова. Он чувствовал себя вконец разбитым, утверждает он.

10

На следующий день Перейра встал в шесть утра. Он утверждает, что выпил чашку черного кофе, настояв, чтобы его принесли в номер, потому что завтраки обычно начинали разносить только с семи, и вышел погулять в парк, грязелечебница тоже начинала работать с семи, и ровно в семь часов Перейра уже стоял у ограды. Сильвы не было, главного врача не было, фактически не было вообще никого, и Перейра приободрился, утверждает он. Перейра начал с того, что выпил два стакана воды, которая отдавала тухлыми яйцами, его слегка замутило, и забурлило в животе. Он с удовольствием выпил бы холодного лимонаду, потому что, несмотря на ранний час, уже припекало, но подумал, что нехорошо мешать лечебную воду с лимонадом. Тогда он пошел в грязелечебницу, где его раздели и облачили в белый балахон. Вы на грязи или на ингаляцию? — спросила медсестра. На то и на другое, ответил Перейра. Его провели в помещение с мраморной ванной, наполненной коричневатой жижей. Перейра снял балахон и погрузился в нее. Грязь

была теплой и давала ощущение блаженства. В какой-то момент появился служитель и спросил, какой ему нужен массаж. Перейра ответил, что не хочет никакого массажа, а только ванны, но больше всего ему хотелось, чтобы его не трогали. Он вышел из ванны, принял холодный душ, снова оделся в балахон и перешел в соседнюю комнату, где были краны с паром для ингаляций. Перед каждой струйкой пара сидели люди, опершись локтями на мрамор. Перейра отыскал свободное место и устроился так же. Несколько минут он глубоко вдыхал, а потом погрузился в свои мысли. Ему вспомнились Монтейру Росси и почему-то фотография жены. Уже два дня, как он не разговаривал с портретом жены, и Перейра пожалел, что не взял его с собой, утверждает он. Затем он встал, пошел в раздевалку, переоделся, завязал узел на галстуке, вышел из грязелечебницы и вернулся в гостиницу. В обеденном зале он увидел своего друга Сильву, который плотно завтракал бриошами и кофе с молоком. Главного редактора, к счастью, не было. Перейра подошел к Сильве, поздоровался, сказал, что уже принял грязевую ванну и добавил: Около полудня есть поезд на Лисабон, буду благодарен, если ты отвезешь меня на вокзал, а если не можешь, закажу

такси из гостиницы. Как, ты уже уезжаешь? — спросил Сильва. А я-то надеялся побыть здесь с тобой пару дней. Прости меня, солгал Перейра, но я должен сегодня вечером обязательно быть в Лисабоне, нужно подготовить к завтрашнему дню одну важную статью, и потом, не люблю оставлять редакцию на нашу консьержку, так что лучше уж я поеду. Тебе виднее, сказал Сильва, на вокзал я тебя отвезу.

На обратном пути они вообще не разговаривали. Похоже было, утверждает Перейра, что Сильва на него обиделся, но он ничего не сделал, чтобы разрядить обстановку. Что тут поделаешь? — подумал он. Они приехали на вокзал в четверть двенадцатого, и поезд уже стоял. Перейра поднялся в вагон и помахал рукой из окна, Сильва замахал в ответ, высоко подняв руку, и ушел. Перейра вошел в купе, где уже сидела дама и читала книгу.

Это была привлекательная женщина, светловолосая, элегантная, с деревянной ногой. Перейра занял место рядом с проходом, чтобы не мешать даме, поскольку та сидела у окна, и успел заметить, что она читает Томаса Манна по-немецки. Это его заинтриговало, но он решил не заговаривать с ней пока, сказав только «здрав-

ствуйте, сеньора». Поезд тронулся в одиннадцать тридцать, и через несколько минут появился официант, спрашивая, кто будет заказывать обед в вагоне-ресторане. Перейра записался, утверждает он, он чувствовал какой-то дискомфорт в животе, и надо было обязательно поесть. Ехать, правда, было недолго, но все равно в Лисабон он приедет поздно, и искать ресторан по такой жаре явно не захочется. Дама с деревянной ногой тоже зарезервировала место в вагоне-ресторане. Перейра отметил, что она хорошо говорит по-португальски, с легким иностранным акцентом. Это еще больше заинтриговало его, утверждает он, и придало храбрости предложить ей пообедать вместе. Сеньора, сказал он, извините, если я покажусь вам навязчивым, но коль скоро мы оказались попутчиками и оба записались на обед, можно ли пригласить вас пообедать со мной, за столом мы сможем поговорить и не будем чувствовать себя такими одинокими, грустно есть в одиночку, особенно в поезде, позвольте вам представиться — доктор Перейра, редактор страницы культуры в газете «Лисабон», вечерней столичной газете. Дама с деревянной ногой широко улыбнулась и протянула ему руку. Очень приятно, сказала она, меня зовут Ингеборг Дельгадо, я — немка,

но португальского происхождения, вернулась в Португалию, хочу найти здесь свои корни.

По коридору прошел официант, размахивая колокольчиком и созывая на обед. Перейра встал, чтобы пропустить вперед сеньору Дельгадо. Он не решился просить разрешения взять ее под руку, утверждает он, посчитав, что этот жест может обидеть женщину, у которой была деревянная нога. Однако сеньора Дельгадо, несмотря на протез, передвигалась с большой ловкостью, идя впереди него. Вагон-ресторан оказался рядом с их вагоном, так что идти пришлось недалеко. Они сели за столик слева по ходу поезда. Перейра, заправляя салфетку за воротник рубашки, понимал, что должен извиниться. Извините, сказал он, но я обязательно заляпаю рубашку, когда ем, служанка говорит, что я хуже малого ребенка, надеюсь, вы не сочтете меня провинциалом. За окошком мелькали мягкие пейзажи средней Португалии: холмы с рощами пиний и белые домики селений. Время от времени появлялись виноградники с одинокой фигурой крестьянина, маленькой черной точкой, придающей картине законченность. Вам нравится Португалия? — спросил Перейра. Очень, ответила сеньора Дельгадо, но не думаю, что задержусь здесь надолго, я ездила в Коимб-

ру к родственникам, нашла свои корни, но эта страна не для меня и не для народа, к которому я принадлежу, я жду американскую визу и скоро уеду, во всяком случае надеюсь, что смогу уехать в Соединенные Штаты. Перейра подумал, что правильно угадал смысл ее слов и спросил: Вы еврейка? Да, еврейка, подтвердила сеньора Дельгадо, и Европа сейчас не самое подходящее место для моего народа, особенно Германия; но и здесь я не нахожу особой симпатии, если судить по газетам, может быть, газета, в которой работаете вы, исключение, даже если это прокатолическая газета, то есть слишком католическая с точки зрения того, кто не исповедует католичество. Но мы — католическая страна, утверждает, что ответил, Перейра, я тоже католик, хотя, быть может, и своеобразный, к сожалению, у нас была инквизиция, и это не делает нам чести, но я, к примеру, не верю в воскресение плоти, правда, не знаю, что бы это значило. Я тоже не знаю, что это значит, ответила сеньора Дельгадо, но думаю, что ко мне это не имеет отношения. Я заметил, что вы читаете Томаса Манна, сказал Перейра, этого писателя я очень люблю. Он тоже не в восторге от того, что происходит в Германии, сказала сеньора Дельгадо, я бы не сказала, что в восторге.

Я тоже не в восторге оттого, что происходит в Португалии, произнес Перейра. Сеньора Дельгадо отпила глоток минеральной воды и сказала: Так сделайте что-нибудь. Сделать что? — спросил Перейра. Ну, сказала сеньора Дельгадо, вы же мыслящий человек, вот и скажите о том, что происходит в Европе, выскажите свое свободное суждение, словом, сделайте что-нибудь. Перейра многое хотел бы сказать, утверждает Перейра. Он хотел бы ответить, что над ним стоит главный редактор, ставленник режима, что существует режим, у которого есть полиция и есть цензура, что все в Португалии прикусили язык и стало невозможно открыто выражать свое мнение, что он сидит целыми днями в своей жалкой комнатушке на улице Родригу да Фонсека наедине с хрипящим, как в приступе астмы, вентилятором и под присмотром консьержки, которая, по всей вероятности, является осведомительницей. Но ничего этого он, Перейра, не сказал, а сказал только: Я постараюсь, сеньора Дельгадо, но это очень непросто в такой стране, как Португалия, и для такого человека, как я, я — не Томас Манн, а безвестный редактор страницы культуры в скромной вечерней газете, я пишу статьи о знаменитых писателях по случаю их юбилея и

перевожу французские новеллы девятнадцатого века и ничего большего сделать не могу. Я все понимаю, отвечала сеньора Дельгадо, но мне кажется, что сделать можно абсолютно все, была бы только воля. Перейра отвернулся к окну и вздохнул. Они подъезжали к Вила Франка, уже был виден длинный серпантин реки Тахо. Она была прекрасна, его маленькая Португалия, омытая морем и обласканная природой, но все было так сложно, размышлял Перейра. Сеньора Дельгадо, сказал Перейра, кажется, мы скоро приедем, сейчас будет Вила Франка, город честных тружеников, рабочих, и у нас, в нашей маленькой стране, есть своя оппозиция, правда, оппозиция эта молчаливая, быть может, потому, что у нас нет своего Томаса Манна, но молчать-то мы как раз умеем, а теперь, наверное, самое время возвращаться в свое купе и заниматься багажом, рад был познакомиться с вами и скоротать дорогу, позвольте взять вас под руку, только не подумайте, что это из-за того, что вы нуждаетесь в помощи, нет, просто из учтивости, потому что мы, в Португалии, знаете ли, всегда учтивы.

11

Перейра встал и подал руку госпоже Дельгадо. Она оперлась на нее с едва заметной улыбкой, с трудом выбираясь из-за узенького стола. Перейра заплатил по счету, оставив мелочь на чай. Он вышел из вагона-ресторана под руку с сеньорой Дельгадо, преисполненный чувством гордости и в то же время смущаясь, а почему — сам не знает, утверждает Перейра.

На следующий день, во вторник, когда Перейра пришел в редакцию, утверждает Перейра, он встретил консьержку, которая вручила ему срочное письмо. Селеста протянула конверт и с ироническим видом сказала: Я передала все ваши инструкции почтальону, но он не сможет зайти еще раз, потому что должен объехать весь район, так что ваше заказное письмо он оставил мне. Перейра взял его, кивнул в знак благодарности и посмотрел, был ли указан на конверте отправитель. К счастью, никакого обратного адреса не было, и Селеста, таким образом, осталась ни с чем. Но он-то сразу узнал синие чернила Монтейру Росси и его размашистый почерк. Он

поднялся в редакцию и включил вентилятор. Потом вскрыл письмо. Там говорилось: «Глубокоуважаемый доктор Перейра, к великому несчастью, я оказался в тяжелом положении. Мне необходимо поговорить с Вами, очень срочно, но предпочитаю встретиться не в редакции. Буду ждать Вас во вторник в восемь тридцать вечера в кафе „Орхидея“, рад буду поужинать с Вами и рассказать о своих проблемах. С надеждой, Ваш Монтейру Росси».

Перейра собирался писать, утверждает Перейра, небольшую заметку в «Памятные даты», посвященную Рильке, который умер в двадцать шестом году, и скоро будет двенадцать лет со дня его смерти. Потом, он уже начал переводить один рассказ Бальзака, остановив свой выбор на «Онорине», это был рассказ о раскаянии, рассказ большой, и он хотел печатать его с продолжением, в двух или трех номерах. Он, Перейра, сам не знает почему, но ему показалось, что этот рассказ о раскаянии окажется письмом в бутылке, которую обязательно кто-нибудь да выловит. Потому что каяться было в чем, и рассказ о раскаянии был как нельзя более кстати, то был единственный способ передать сообщение тому, кто был способен уловить его подтекст. Поэтому он взял своего

Ларусса, выключил вентилятор и отправился домой. Когда он вышел из такси у Собора, пекло невыносимо, Перейра снял галстук и сунул его в карман. Он с трудом одолел подъем, ведущий к дому, открыл дверь и присел на ступеньку. У него была одышка. Он поискал по карманам таблетки, которые велел принимать врач, и проглотил одну прямо так, без воды. Вытер пот, посидел немного, передохнув от жары в полумраке подъезда, и только тогда поднялся в квартиру. Служанка не оставляла теперь еды, она поехала в Сетубал к родственникам и вернется только в сентябре, она каждый год уезжала к своим на это время. От этого ему всегда становилось как-то не по себе. Он не любил оставаться один, в полном одиночестве, когда некому даже позаботиться о тебе. Проходя мимо фотографии жены, он сказал: Через десять минут вернусь. Зашел в спальню, разделся и поспешил в ванную. Врач запретил ему принимать холодные ванны, но ему нужна была именно холодная ванна, он открыл холодный кран, подождал, пока наберется достаточно воды, и залез в ванну. Лежа в воде, он долго гладил себя по животу. Перейра, сказал он сам себе, а ведь были времена, когда у тебя была совсем другая жизнь. Он вытерся и надел пижаму. Затем вы-

шел в прихожую, остановился перед портретом жены и сказал ему: Сегодня вечером я увижусь с Монтейру Росси, не знаю, почему до сих пор не уволил его и не послал подальше, у него какие-то неприятности, и он хочет перевалить их на меня, это ясно, что ты на это скажешь, что мне делать? Жена улыбнулась ему с портрета своей далекой улыбкой. Ладно, сказал Перейра, тогда я сначала передохну, а потом послушаем, что же нужно этому молодому человеку от меня. И он пошел прилечь. Заснув в тот день, утверждает Перейра, он видел сон. Прелестный сон, из его юности. Но он не будет рассказывать, что он видел во сне, потому что сны нельзя рассказывать, утверждает он. Он заверяет только, что был счастлив, был на берегу моря чуть севернее Коимбры, в Гранже, возможно, что был он там не один, но личность того, кто с ним был, устанавливать не станет. Факт тот, что проснулся он в хорошем настроении, надел рубашку с короткими рукавами, не стал повязывать галстук, достал легкий полотняный пиджак, но не надел его, а взял на руку. Вечер был жаркий, но, к счастью, дул ветерок с моря. Он даже подумал сперва, что дойдет пешком до кафе «Орхидея», но потом понял, что это безумие. Все-таки он прошелся пешком до Террейру ду Па-

су, и прогулка пошла ему на пользу. Там он сел в трамвай и доехал до Улицы Алешандре Эркулану. Кафе «Орхидея» было практически пустым, Монтейру Росси там не было, но на самом деле это он пришел раньше назначенного времени. Перейра сел за столик в глубине, напротив вентилятора, и заказал лимонад. Когда подошел официант, он спросил: Какие новости, Мануэль? Если уж вы, доктор Перейра, ответил Мануэль, работая в газете, ничего не знаете… Я был в санатории, сказал Перейра, и не читал газет, не говоря уж о том, что из газет все равно ничего не узнаешь, так что самое лучшее — справляться о новостях у окружающих, потому я и спросил вас, Мануэль. Все покрыто мраком, доктор Перейра, ответил Мануэль, все покрыто мраком.

В этот момент вошел Монтейру Росси. Он шел со свойственным ему выражением растерянности, опасливо озираясь по сторонам. Перейра отметил, что на нем была хорошая голубая рубашка с белым воротничком. Небось купил на мои деньги, сразу подумал Перейра, но времени поразмышлять над этим не было, потому что Монтейру Росси уже увидел его и направлялся навстречу. Они пожали друг другу руки. Присаживайтесь, сказал Перейра. Монтейру Росси сел

за столик и не сказал ни слова. Ну хорошо, сказал Перейра, что вы будете есть? Здесь дают только омлет с зеленью и рыбный салат. Я бы взял два омлета с зеленью, сказал Монтейру Росси, извините за такую наглость с моей стороны, но я не сумел пообедать сегодня. Перейра заказал три омлета с зеленью и потом сказал: А теперь выкладывайте ваши проблемы, раз уж вы употребили это слово в письме. Монтейру Росси откинул прядь волос со лба, и этот жест произвел на Перейру странное впечатление, утверждает он. В общем, сказал Монтейру Росси, понизив голос, я попал в беду, доктор Перейра, и это чистая правда. Официант принес омлеты, и Монтейру Росси сменил тему. Он сказал: Ну и жарища сегодня. Пока официант их обслуживал, они говорили о погоде, и Перейра рассказывал, как он был в санатории, вот где изумительная природа, кругом холмы и огромный парк Наконец официант оставил их, и Перейра спросил: Итак? Итак, не знаю, с чего начать, сказал Монтейру Росси, я попал в беду, это факт. Перейра отрезал кусок омлета и спросил: Это связано с Мартой? Почему он, Перейра, задал этот вопрос? Потому что Перейра и в самом деле считал, что Марта может доставить молодому человеку немало хлопот, потому что она показалась

ему слишком раскованной и больно задиристой, потому что он хотел, чтобы все было по-другому и чтобы жили они во Франции или в Англии, где раскованная и задиристая молодежь может говорить все, что хочет? На этот вопрос Перейра не берется ответить, но факт тот, что он спросил: Это связано с Мартой? Отчасти, да, ответил Монтейру Росси тихим голосом, но я не виню ее за это, у нее свои убеждения, и довольно твердые. А дальше? — спросил Перейра. А дальше приехал мой двоюродный брат, ответил Монтейру Росси. Не вижу в этом никакой беды, ответил Перейра, у всех у нас есть двоюродные братья. Да, ответил Монтейру Росси, переходя почти на шепот, но мой брат приехал из Испании, он там воюет на стороне республиканцев и приехал в Португалию набирать добровольцев в интернациональные бригады, поселить его у себя я не могу, У него аргентинский паспорт, но за версту видать, что фальшивый, я не знаю, куда мне его Девать и где прятать. Перейра почувствовал, как по спине у него побежала струйка пота, по внешне сохранял спокойствие. А дальше? — спросил он, продолжая есть омлет. А дальше я подумал, хорошо бы вам, сказал Монтейру Росси, хорошо бы вам пристроить его, подыскать ему какое-нибудь жилье,

самое непритязательное, пусть даже нелегальное, лишь бы было, я не могу оставить его у себя, у полиции могут возникнуть подозрения, из-за Марты за мной, наверное, уже следят. А дальше? — опять спросил Перейра. А дальше то, что вы-то вне подозрений, сказал Монтейру Росси, он пробудет здесь всего пару дней, успеет связаться с Сопротивлением и потом сразу же уедет обратно в Испанию, вы должны мне помочь, доктор Перейра, должны найти ему жилье.

Перейра доел омлет, подозвал официанта и заказал еще лимонаду. Меня поражает ваше безрассудство, сказал он, отдаете ли вы себе отчет, о чем вы меня просите и чем это может кончиться для меня? Но ему нужна только комната, сказал Монтейру Росси, какой-нибудь пансион, где не очень смотрят на документы, вы наверняка знаете что-нибудь в этом роде, с вашими-то связями. С моими-то связями, подумал Перейра. Но из всех, с кем он был связан, он не знал никого, знал отца Антониу, но не мог обременять его подобными просьбами, знал своего друга Сильву, но тот жил в Коимбре, и на него вообще нельзя было полагаться, знал консьержку с улицы Родригу да Фонсека, которая, скорее всего, была осведомительницей. И вдруг он вспомнил про один такой пансион

здесь, в Грасе, чуть в гору от Собора, место тайных свиданий влюбленных парочек, там никогда не спрашивали никаких документов. Перейра знал этот крошечный пансион, потому что как-то раз его друг Сильва попросил забронировать для него номер в какой-нибудь заштатной гостинице: ему надо бы провести ночь с одной лисабонской дамой, а та страшно боялась огласки и скандала. Тогда он сказал: Я займусь этим завтра с утра, только не вздумайте вести своего кузена ко мне в редакцию, там эта консьержка, приводите его завтра в одиннадцать утра ко мне домой, адрес я вам скажу, но никаких предварительных звонков, прошу вас, постарайтесь прийти вместе, так, наверное, будет лучше.

Почему Перейра сказал это? Потому, что ему стало жалко Монтейру Росси? Потому, что он был в санатории и его удручил разговор с его другом Сильвой? Потому, что в поезде он встретил сеньору Дельгадо и она сказала ему, что надо что-то сделать в конце концов? Этого Перейра не знает, утверждает он. Он знает только, что понимал, в какой беде оказался, и что ему обязательно нужно поговорить с кем-нибудь. Но никого, с кем можно было бы поговорить, на примете не было, и тогда он решил, что поговорит с портретом

жены, когда вернется домой. Так он и сделал.

12

Ровно в одиннадцать утра, утверждает Перейра, в квартиру позвонили. Перейра уже позавтракал, он встал рано, и в столовой на обеденном столе стоял кувшин приготовленного им лимонада с кубиками льда. Сначала вошел Монтейру Росси с таинственным видом и пробормотал «здравствуйте». Перейра закрыл за ним дверь, слегка раздосадованный, и спросил, а где же его двоюродный брат. Он здесь, ответил Монтейру Росси, но не хочет заходить прямо с улицы и послал меня вперед посмотреть. Посмотреть что? — спросил Перейра раздраженно, вы что, играете в казаков-разбойников или решили, что здесь вас поджидает полиция? О нет, конечно, доктор Перейра, стал оправдываться Монтейру Росси, просто брат очень осторожен, понимаете, его ситуация не из простых, он здесь с довольно деликатным поручением, у него аргентинский паспорт, и совершенно негде приткнуться. Это вы мне уже говорили вчера, оборвал его Перейра, так что зовите его, пожалуйста, сюда, и хватит глупостей. Монтейру Росси открыл дверь и сделал знак,

показывая, что можно входить. Бруно, иди, сказал он по-итальянски, все в порядке. Вошел человечек, худой и низкорослый. У него были коротко стриженные волосы ежиком, и светлые усы, одет в синий пиджак. Доктор Перейра, сказал Монтейру Росси, познакомьтесь, мой двоюродный брат Бруно Росси, но по паспорту он Бруно Лугонес, так что и вам лучше называть его Лугонесом. На каком языке мы будем говорить? — спросил Перейра, ваш брат говорит по-португальски? Нет, сказал Монтейру Росси, но он знает испанский.

Перейра проводил их в столовую и предложил лимонаду. Господин Бруно Росси сидел молча и только подозрительно водил глазами по сторонам. За окном послышалась сирена «скорой помощи», господин Росси сразу напрягся и подошел к окну. Скажите ему, чтобы не нервничал, сказал Перейра, обращаясь к Монтейру Росси, мы не в Испании, и здесь вам не гражданская война. Господин Бруно Росси вернулся на свое место и сказал: Perdone la molestia, pero estoy aqui por la causa republicana.[8]

Послушайте, сеньор Лугонес, сказал Перейра по-португальски, я буду говорить медленно, так,

---

[8] Примечания: 8
Извините за беспокойство, я здесь по республиканскому делу (исп.)

чтобы вы понимали, меня не интересует ни дело республиканцев, ни дело монархистов, я возглавляю страницу культуры в вечерней газете, и все эти вещи не входят в круг моих интересов, я устрою вас в одно спокойное место, но на большее не рассчитывайте, вы же, со своей стороны, потрудитесь не искать встреч со мной, поскольку я не желаю иметь никаких дел ни с вами, ни с вашей миссией. Господин Бруно Росси повернулся к своему брату и сказал по-итальянски: Но это совсем не то, что ты мне говорил, я-то думал, что найду здесь товарища. Перейра понял и заявил: Я не являюсь ничьим товарищем, живу один, и мне нравится быть одному, мой единственный товарищ — это я сам, не знаю, достаточно ли понятно я говорю, сеньор Лутонес, раз уж по паспорту вас так теперь величать. Да, да, еле внятно забормотал Монтейру Росси, но дело в том, что нам, понимаете, не обойтись без вашей помощи и вашего сочувствия, потому что нам нужны деньги. Что это значит, поясните, сказал Перейра. Ну сказал Монтейру Росси, у него нет денег, и если в гостинице попросят заплатить вперед, мы не сможем достать их сразу, но потом я обязательно раздобуду денег, вернее, этим займется Марта, так что речь идет только о том, чтобы одолжить у вас

немного денег. При этих словах Перейра встал, утверждает он, попросил извинить его и сказал: Погодите, мне надо подумать, я вас покину на минуту. Он оставил их в столовой одних и вышел в прихожую. Остановился перед фотокарточкой жены и сказал ей: Послушай, меня беспокоит не столько этот Лутонес, сколько Марта, по-моему, это она ответственна за всю историю, Марта — это девушка Монтейру Росси, та, у которой волосы цвета меди, кажется, я тебе рассказывал про нее, так вот, это она втягивает его во всякие истории, а он позволяет втянуть себя в эти истории, потому что влюблен, по-моему, я должен как-то предостеречь его, как ты считаешь? Жена улыбалась ему с портрета своей далекой улыбкой, и Перейра не сомневался, что понял ее правильно. Он вернулся в столовую и спросил у Монтейру Росси: А почему, собственно, Марта, при чем здесь Марта? О, понимаете, забормотал Монтейру Росси, слегка покраснев, потому что у Марты есть возможности, только поэтому. Выслушайте меня внимательно, дорогой Монтейру Росси, сказал Перейра, мне кажется, что из-за одной красивой девушки вы ввязываетесь в весьма неприятную историю, так вот, имейте в виду, что я вам не отец и брать на себя эту роль не собираюсь, так

что никаких оснований рассчитывать на мое покровительство у вас нет, хочу сказать вам только одно: будьте осторожны. Да, конечно, сказал Монтейру Росси, я стараюсь быть осторожным, а вы одолжите нам денег? Что-нибудь придумаем, ответил Перейра, но почему, собственно говоря, вносить аванс должен я? Послушайте, доктор Перейра, сказал Монтейру Росси, вытаскивая из кармана листок бумаги и протягивая ему, я написал заметку и напишу вам еще две на следующей неделе, рискнул сделать статейку для «Памятных дат», писал с чувством, но и головой думал тоже, как вы меня учили, обещаю, что следующие две будут о писателях-католиках, как вы хотели.

Перейра утверждает, что начал опять выходить из себя. Послушайте, ответил он, я не настаиваю на том, чтобы это были непременно писатели-католики, но раз уж вы писали диплом о смерти, то могли бы выбирать таких писателей, которых эта проблема интересовала тоже, словом, тех, кто думал о душе, а вы мне подсовываете этого виталиста Д'Аннунцио; как поэт он, наверное, и неплох, но человеком был легкомысленным, а наши читатели, знаете, не любят людей легкомысленных, во всяком случае, я не люблю таких. Отлично, сказал Монтейру Росси, я уловил

подтекст ваги их слов. Вот и хорошо, заключил Перейра, а теперь идемте в гостиницу, я подыскал один пансиончик в Грасе, там не задают вопросов, я заплачу вперед, если понадобится, но жду от вас как минимум два некролога, дорогой Монтейру Росси, они пойдут в счет вашего двухнедельного заработка. Послушайте, доктор Перейра, сказал Монтейру Росси, я написал статью к годовщине Д'Аннунцио, потому что на прошлой неделе купил «Лисабон» и увидел там рубрику «Памятные даты», она не подписана, но я сразу догадался, что это вы, и подумал, если вам нужен помощник, то я охотно бы взялся за такую работу, мне нравится этот жанр, уйма писателей, о которых есть что сказать, и потом, поскольку рубрика анонимная, то никакого риска подставить вас. Как так? Вы можете подставить меня? — утверждает, что сказал на это, Перейра. Ну, отчасти да, вы же видите, ответил Монтейру Росси, если потребуется изменить фамилию, то я уже нашел себе псевдоним: Roxy. Как вам такая фамилия, подойдет? Придумано неплохо, сказал Перейра. Он взял со стола лимонад и поставил на лсд. затем надел пиджак и сказал: Ладно, пошли. Они вышли на улицу. На тесной площади перед домом дремал какой-то солдат, растянувшись на скамейке. Перейра поду-

мал, что не осилит пешком подъем в гору, и они решили подождать, пока не появится такси. Солнце палило нещадно, утверждает Перейра. и ветер совсем стих. Показалось такси, оно приближалось к ним на малой скорости, и Перейра остановил его, подмяв руку. По дороге они не разговаривали и высадились напротив гранитного креста, венчающего крохотную часовню. Перейра вошел в пансион, сказав, чтобы Монтейру Росси оставался на улице, а господин Врун© Росси следовал за ним и представил его портье, тщедушному старичку в очках с толстыми стеклами, который клевал носом за стойкой. Это мой друг, он аргентинец, сказал Перейра, господин Бруно Лугонес, вот его паспорт, но он хотел бы сохранить инкогнито, поскольку останавливается здесь по сентиментальным мотивам. Старичок снял очки и принялся листать журнал. Сегодня утром кто-то уже звонил и просил оставить номер, это были вы? Да, я, подтвердил Перейра. У нас есть один свободный номер с двуспальной кроватью, без удобств, сказал старичок, если сеньора это устроит. Вполне, сказал Перейра. Плата вперед, сказал старичок, сами знаете. Перейра достал бумажник и протянул две банкноты. Получите за три дня вперед, сказал он, всего доброго. Он распрощался

с господином Бруно Росси, но руки подавать не стал, считая рукопожатие знаком более близкого знакомства. Всего доброго, кивнул он. Он вышел из пансиона и подошел к Монтейру Росси, который дожидался, примостившись на скамейке перед фонтаном. Зайдите завтра в редакцию, сказал он, сегодня я прочту вашу статью, и мы все обсудим. Но, по правде говоря… сказал Монтейру Росси. По правде говоря, что? — спросил Перейра. Понимаете, сказал Монтейру Росси, я подумал, что в данной ситуации, наверное, лучше нам встретиться в более спокойном месте, может, у вас дома? Согласен, сказал Перейра, но только не у меня дома, хватит с меня, встретимся в час дня в кафе «Орхидея», это вас устроит? Вполне, сказал Монтейру Росси, в час дня в кафе «Орхидея». Перейра пожал ему руку и сказал «до свиданья». Он решил, что пойдет домой пешком, благо дорога шла вниз. День был чудесный, к счастью, дул легкий ветерок с Атлантики. Однако он был не в том состоянии, чтобы оценить всю прелесть погожего дня. На душе было неспокойно, и ему хотелось поговорить с кем-нибудь, хотя бы с отцом Антониу, но отец Антониу весь день проводил у постели своих больных. И тут он подумал, что можно было бы пойти к себе и поболтать с порт-

ретом жены. Тогда он снял пиджак и медленно направился к дому, утверждает он.

13

Перейра не спал ночь и закончил перевод «Оноры» Бальзака, сделав некоторые сокращения. Перевод был трудным, но вышло довольно гладко, по его мнению. Он проспал всего три часа, с шести до девяти утра, потом встал, принял холодную ванну, выпил кофе и пошел в редакцию. На лестнице он столкнулся с консьержкой, которая сделала постную мину, молча кивнув ему. Он вполголоса ответил «здравствуйте». Вошел в свою комнату, сел за письменный стол и набрал номер доктора Косты, своего врача. Здравствуйте, доктор, сказал Перейра, говорит Перейра. Как вы себя чувствуете? — спросил доктор Коста. У меня одышка, ответил Перейра, не могу подниматься по лестнице и боюсь, что набрал еще килограмма два, а при ходьбе чувствую сердцебиение. Слушайте, Перейра, сказал доктор Коста, я работаю один день в неделю в клинике талассотерапии в Пареде, почему бы вам не лечь туда на несколько дней? Лечь в больницу, зачем? — спросил Перейра. Затем, что в этой клинике хорошее медицинское обслуживание, кроме того, там

лечат ревматизм и болезни сердца, используя природные средства, делают ванны из водорослей, всякие массажи и процедуры для похудания, а главное — там работают замечательные врачи, получившие образование во Франции, вам нужно и отдохнуть немного, и побыть под наблюдением врачей, Перейра, и клиника в Пареде — это как раз то, что вам нужно; если хотите, я могу позвонить, и вам приготовят отдельную палату, прямо хоть с завтрашнего дня, уютную комнату с видом на море, здоровый образ жизни, ванны из водорослей, лечебные морские купания, а я буду навещать вас по крайней мере раз в неделю, там *есть*, правда, и туберкулезные больные, но их держат в отдельном корпусе, так что никакой опасности заразиться. О, если вы об этом, то я не боюсь туберкулеза, утверждает, что ответил ему, Перейра, я всю жизнь прожил с туберкулезницей, и ее болезнь никак не сказалась на мне, вопрос не в этом, а в том, что мне поручили вести страницу культуры, которая выходит по субботам, и я никак не могу оставить редакцию. Слушайте, Перейра, сказал доктор Коста, выслушайте меня внимательно, Пареде находится на полпути между Лисабоном и Кашкаишем, отсюда это каких-нибудь десять километров, так что, если вам

нужно писать ваши статьи, вы можете спокойно сочинять их в Пареде и посылать в Лисабон, там есть служащий, который каждое утро будет, если надо, отвозить их в город, к тому же вы говорите, что страница культуры выходит один раз в неделю, значит, достаточно написать пару больших статей, и считайте, что у вас есть задел на две недели вперед, и ещея хочу сказать вам, что собственное здоровье дороже, чем культура. Вы правы, согласился Перейра, но две недели — это слишком много, чтобы передохнуть, мне хватит и одной. Во всяком случае, это лучше, чем ничего, заключил доктор Коста. Перейра утверждает, что они сошлись на том, что он ляжет на неделю в клинику талассотерапии, и препоручил доктору Косте забронировать для него палату с завтрашнего дня, но просил учесть, что сначала он должен поставить в известность главного редактора, чтобы все было по правилам. Он повесил трубку и позвонил в типографию. Он сказал, что рассказ Бальзака надо печатать с продолжением, в двух-трех номерах, так что материала для страницы культуры хватит на несколько недель вперед. А как быть с «Памятными датами»? — спросил метранпаж. Никаких памятных дат пока что, сказал Перейра, и не посылайте за ними в

редакцию, потому что после обеда меня гам не будет, я оставлю материал в запечатанном конверте в кафе «Орхидея», что рядом с еврейской мясной лавкой. Потом он позвонил на телеграф и попросил соединить его с гостиницей на водах в Бусаку. Он попросил позвать к телефону главного редактора «Лисабона». Господин редактор сейчас в парке, загорает, ответил дежурный, должен ли я его беспокоить? Побеспокойте его, пожалуйста, сказал Перейра, скажите, что звонят из редакции отдела культуры. Главный редактор подошел к телефону и сказал в трубку: Алло, главный редактор слушает. Господин редактор, сказал Перейра, я перевел и сократил рассказ Бальзака, и его хватит на два или три выпуска, звоню вам сказать, что собираюсь лечь на неделю в клинику талассотерапии в Пареде, с сердцем не совсем хорошо, и врач советует подлечиться, вы меня отпускаете? А как же газета? — спросил главный. Как я вам уже сказал, она обеспечена материалом, по крайней мере, на две-три недели вперед, утверждает, что ответил на это, Перейра, и потом, я буду в двух шагах от Лисабона, во всяком случае, я оставлю вам телефон клиники и, если, не дай бог, что случится, тотчас примчусь в редакцию. А что ваш практикант? — спросил редактор. Не

может ли он подменить вас на это время? Лучше бы этого не делать, ответил Перейра, он сдал мне пару некрологов, но сомневаюсь, в какой мере можно будет использовать их, поэтому на тот случай, если умрет кто-нибудь из великих, я сам разберусь. Не возражаю, сказал редактор, лечитесь себе на здоровье, доктор Перейра, во всяком случае, у меня есть зам, и он может решить все вопросы, если возникнет такая необходимость. Перейра сказал «до свиданья» и просил передать поклоны любезной сеньоре, с которой он имел честь познакомиться. Он повесил трубку и посмотрел на часы. До встречи в кафе «Орхидея» оставался почти час, и он хотел первым делом прочесть статью о Д'Аннунцио, которую не успел посмотреть накануне вечером. Перейра может привести ее как свидетельство, потому что она у него сохранилась. Там говорилось: «Ровно пять месяцев тому назад в восемь часов вечера, первого марта 1938 года скончался Габриеле Д'Аннунцио. Тогда в нашей газете еще не было страницы культуры, но вот настало время, и пора, наверное, вспомнить сегодня о нем. Был ли Габриеле Д'Аннунцио, чье настоящее имя, заметим, Рапаньетта, великим поэтом? Трудно судить, ибо его творения еще слишком живы для

нас, его современников. Наверное, будет уместнее говорить о нем как о человеке, образ которого неотделим для нас от Д'Аннунцио-поэта. Прежде всего он был прорицателем. Любил роскошь, светскую жизнь, велеречивость, действие. Он был декадентом в полном смысле слова, великим сокрушителем моральных устоев и большим любителем порока и эротики. От немецкого философа Ницше он усвоил миф о сверхчеловеке, но свел его к идеалу эстетствующей личности, чья воля к власти проявляет себя через создание многоцветных узоров в калейдоскопе собственного неповторимого бытия. Убежденный противник мира между народами, он ратовал за вступление Италии в мировую войну, сам принимал участие в военных действиях и совершал дерзкие вылазки, как, например, полет над Веной в 1918 году, когда он разбрасывал над городом итальянские листовки. По окончании войны он организовал поход на Фиуме и захватил город, но был выдворен оттуда итальянскими войсками. Уединившись в Гардоне, на своей вилле, которую он назвал Vittoriale degli italiani,[9] он вел беспорядочную жизнь декадента, разменивая ее на

[9] Примечания: 9
Памятник в честь итальянских побед (ит.)

мимолетные увлечения и любовные похождения. Он благосклонно относился к фашизму и к военным кампаниям. Фернанду Песоа назвал его „соло на тромбоне“ и, по всей вероятности, был недалек от истины. Действительно, его голос, который доносится до нас, не похож на звуки нежной скрипки, это громовой глас духового инструмента, голос трубы, пронзительный и напористый. Перед нами далеко не образцовая жизнь, поэт-горлопан, сплетение человеческих изъянов и компромиссов. Герой, не достойный подражания, и только ради этого мы и решились сегодня вспомнить о нем». Подпись: Roxy.

Перейра подумал: никуда не годится, ну просто никуда. Он взял папку с надписью «Некрологи» и вложил страничку туда. Он не знает, зачем он это сделал, можно было спокойно выбросить статью в корзину, а он вместо этого взял и сохранил. Он жутко злился и, чтобы прийти немного в себя, решил уйти из редакции и пойти в кафе «Орхидея». Когда он вошел в кафе, первое, что он увидел, были рыжие волосы Марты. Она сидела за столиком в углу, рядом с вентилятором, спиной к дверям. На ней было то же платье, что в тот вечер, на празднике на Праса да Аллегрия, с бретельками, сходящимися крест-накрест на спине. Перейра от-

метил, утверждает он, какие великолепные у нее плечи, мягкие, красиво очерченные, безупречных линий. Он обошел столик и остановился напротив нее. О, доктор Перейра, произнесла Марта как ни в чем не бывало, Монтейру Росси никак не смог сегодня, так что я вместо него. Перейра сел за столик и спросил Марту, выпьет ли она аперитиву. Марта ответила, что не откажется и с удовольствием выпила бы сухого портвейна. Перейра подозвал официанта и заказал два сухих портвейна. Ему, конечно, не следовало пить, но ведь завтра все равно ложиться в больницу, и там он будет сидеть на диете целую неделю. Итак? — спросил Перейра, после того как официант принес их заказ. Итак, подхватила Марта, думаю, всем сейчас приходится тяжело, вот он и поехал в Алентежу и какое-то время останется там, оно даже к лучшему, что несколько дней его не будет в Лисабоне. А *его* двоюродный брат? — осторожно спросил Перейра. Марта посмотрела на него и улыбнулась. Я знаю, вы тогда здорово выручили Монтейру Росси и его брата, сказала Марта, вы просто чудо, доктор Перейра, и должны быть вместе с нами. Перейра почувствовал легкое раздражение, утверждает он, и снял пиджак. Милая сеньорина, сказал Перейра, я — не

с вами и не с ними, я сам по себе, не говоря уж о том, что, в сущности, я даже не знаю, кто такие вы и кто такие они, я — журналист и занимаюсь культурой, вот только что закончил перевод Бальзака и знать ничего не хочу про ваши дела, поймите, я не занимаюсь хроникой текущих событий. Марта отпила глоток портвейна и сказала: Мы тоже не занимаемся хроникой, доктор Перейра, и мне хочется, чтобы вы усвоили одно: мы живем Историей. Перейра, в свою очередь, тоже отпил глоток портвейна и сказал: Видите ли, сеньорина, История — емкое слово, я читал в свое время и Вико, и Гегеля и знаю, что История — это не тот зверь, которого можно приручить и одомашнить. Но вы, наверное, не читали Маркса, возразила Марта. Его я не читал сознательно, сказал Перейра, меня он совершенно не интересует, надоели все эти гегельянцы, сколько можно, и потом, сеньорина, позвольте я повторю вам еще раз то, что уже сказал: я думаю только о себе и о культуре, это и есть мой мир. Анархический индивидуалист? — спросила Марта. Если это не секрет, что вы под этим понимаете? — спросил Перейра. О господи, сказала Марта, только не рассказывайте мне, что вы не знаете, кто такие апархо-индивидуалисты, вон их сколько в Испа-

нии, весь мир заговорил теперь о них, впрочем, держатся они действительно героически, хотя немного дисциплины тоже не помешало бы, правда, это мое личное мнение. Послушайте, Марта, сказал Перейра, я пришел в кафе не затем, чтобы разглагольствовать о политике, как я уже говорил, и не раз, политика совершенно меня не интересует, поскольку я занимаюсь по преимуществу культурой, у меня было здесь свидание с Монтейру Росси, а вы пришли и заявляете, что он в Алентежу зачем он поехал в Алентежу?

Марта оглянулась по сторонам, будто искала глазами официанта. Может, съедим что-нибудь? — спросила Марта, у меня потом свидание в три часа. Перейра подозвал Мануэля. Они заказали два омлета с зеленью, потом Перейра повторил свой вопрос Так что же все-таки делает в Алентежу Монтейру Росси? Он уехал туда со своим братом, ответила Марта, а тот получил неожиданный приказ, потому что главным образом из Алентежу хотят добровольцами ехать в Испанию, в Алентежу существует давняя демократическая традиция, и там много анархо-индивидуалистов вроде вас, доктор Перейра, в общем, работы хватает, короче, Монтейру Росси уехал туда вместе с братом, потому что основной набор добровольцев

именно оттуда. Хорошо, сказал Перейра, пожелайте ему успешной вербовки от моего имени. Официант принес омлеты, и они принялись за еду. Перейра повязал вокруг шеи салфетку, взял кусочек омлета и сказал: Слушайте, Марта, завтра я ложусь в талассотерапевтическую клинику под Кашкаишем, у меня не все в порядке со здоровьем, передайте Монтейру Росси, что его статья о Д'Аннунцио никуда не годится, на всякий случай оставляю вам телефон клиники, где я пробуду неделю, звонить лучше всего во время завтрака, обеда или ужина, а теперь скажите мне, где находится Монтейру Росси в данный момент. Марта понизила голос и сказала: Сегодня вечером *он* будет в Порталегри, остановится у друзей, но не стоит спрашивать его адрес, к тому же это не его постоянный адрес и ночевать он будет то здесь, то там, он должен все время разъезжать, так что, скорее всего, сам попытается связаться с вами. Хорошо, сказал Перейра, протягивая ей карточку, вот мой телефон, клиника талассотерапии в Пареде. Мне пора, доктор Перейра, сказала Марта, извините, но у меня свидание, а ехать еще через весь город.

Перейра встал из-за стола и простился с ней. Марта ушла, надев свою вязаную шапочку из про-

стых ниток. Перейра провожал ее взглядом стоя, залюбовавшись красивым силуэтом в лучах солнечного света. Он почувствовал прилив бодрости и даже повеселел, но почему, сам не знает. Тогда он сделал знак Мануэлю, который подошел мгновенно и спросил, не желает ли он рюмочку после обеда. Но ему просто хотелось пить, потому что день был неимоверно жарким. Поколебавшись с минуту, он сказал, что, пожалуй, ограничится лимонадом. Он попросил принести ему лимонада, холодного-прехолодного, и побольше льда, утверждает Перейра.

14

На следующий день Перейра проснулся рано, утверждает он. Он выпил кофе и собрал свой маленький чемодан, положив туда «Contes du lundi»[10] Альфонса Доде.

Вдруг придется на пару дней задержаться, подумал он, а Доде был как раз тем автором, который замечательно подходил для рассказов, публикуемых в «Лисабоне». Он направился к выходу, остановился перед карточкой жены и сказал ей: Вчера вечером я виделся с Мартой, невестой Монтейру Росси, у меня такое впечатление, что эти ребята попадут в беду, собственно, уже попали, но я к их делам не имею никакого отношения, мне нужно лечиться морскими купаниями, их прописал мне доктор Коста, к тому же в Лисабоне дышать нечем, свой перевод «Онорины» Бальзака я доделал, так что сегодня и поеду, сяду в поезд, доеду до станции Каиш де Содре, и тебя я забираю с собой, с твоего позволения. Он взял портрет и положил его в чемодан, но лицом вверх, потому что его жене при жизни всегда не

---

[10] Примечания: 10
Рассказы по понедельникам (фр.)

хватало воздуха, и он подумал, что и портрету его тоже, наверное, будет недоставать. Затем он спустился на площадь перед Собором, поймал такси и поехал на вокзал. Доехав до вокзальной площади, он вышел и решил перекусить в «Бритиш бар дель Каиш». Он знал, что в этом баре часто собирались писатели, и рассчитывал встретить кого-нибудь. Он вошел в бар и сел за столик в углу. За столиком рядом действительно обедали прозаик Аквилину Рибейру с Бернарду Маркешем, графиком-авангардистом, тем, кто иллюстрировал лучшие журналы португальского авангарда. Перейра поздоровался с ними, и те кивнули ему в ответ. Хорошо было бы сесть с ними за один стол, подумал Перейра, рассказать, с какой резкой критикой Д'Аннунцио он столкнулся не далее чем вчера, и послушать, что они на это скажут. Но писатель и художник были настолько поглощены беседой друг с другом, что Перейра не отважился помешать им. Он понял, что Бернарду Маркеш не желает больше рисовать, а писатель собирается за границу. Это его совсем обескуражило, утверждает Перейра, потому что он никак не ожидал, что такой писатель может покинуть свою страну. За все то время, что он пил лимонад и поедал свои любимые морские ракушки,

Перейра расслышал лишь несколько отдельных фраз. В Париж, говорил Аквилину Рибейру, жить можно только в Париже. Бернарду Маркеш соглашался с ним и говорил: Мне предлагали тут работу в разных журналах, но я вообще не хочу рисовать, кошмарная страна, не хочу работать ни на кого. Перейра прикончил свои ракушки, допил лимонад, вышел из-за стола и задержался перед столиком, где сидели писатель и художник. Приятного времяпрепровождения вам, господа, сказал он, позвольте представиться, я — доктор Перейра, редактор страницы культуры в газете «Лисабон», вся Португалия гордится такими талантами, как вы, вы нам нужны.

Затем он вышел на слепящий полуденный свет и направился на перрон. Он взял билет до Пареде и спросил, далеко ли это. Служащий сказал, что совсем недалеко, и он обрадовался. Это был поезд на Эшторил, и в поездах этого направления ездили в основном отдыхающие. Перейра сел с левой стороны, чтобы видеть море. Вагон в такое время был практически пустой, и Перейра выбрал кресло, какое хотел, приспустил штору, чтобы солнце не било в глаза, потому что сидел он с южной стороны, и стал смотреть на море. Он задумался о своей жизни, но говорить на эту

тему не собирается, утверждает он. Лучше он скажет о том, что море было спокойно и на пляже было много народу. Перейра задумался, сколько же времени прошло с тех пор, как он купался в последний раз, и ему показалось, что вечность. Ему вспомнились те времена в Коимбре, когда он ездил на окрестные пляжи в О порту, Гранже или, скажем, в Эшпинью, там еще были казино и клуб. Вода на этом северном побережье была страшно холодной, но он мог плавать часами поутру, пока университетские товарищи, озябшие, в пупырышках, дожидались его на берегу. Потом они одевались, надевали свои пиджаки по последней моде и отправлялись в клуб играть в бильярд. Все оглядывались на них, а хозяин клуба встречал словами: А вот и наши студенты из Коимбры, и давал им лучший бильярдный стол.

Перейра очнулся, когда они подъезжали к Санту-Амару. Это был красивый, изрезанный бухтами пляж, и виднелись тенты в синюю с белым полосу. Поезд остановился, и Перейра решил выйти и искупаться, а потом можно будет сесть на следующий поезд. Он не смог удержаться. Перейра затрудняется объяснить, откуда взялся этот внезапный порыв, возможно, оттого, что он думал о тех временах в Коимбре и о купаниях

в Гранже. Он вышел со своим маленьким чемоданчиком и прошел через подземный переход на пляж. Дойдя до песка, он снял ботинки и носки и так пошел дальше, неся чемодан в одной руке, а ботинки — в другой. Он сразу же увидел спасателя, загорелого парня, который, лежа на топчане, наблюдал за купающимися. Перейра подошел к нему и сказал, что хотел бы кабину для раздевания и купальный костюм напрокат. Спасатель смерил его взглядом с головы до ног и нехотя буркнул: Не знаю, найдутся ли плавки вашего размера, в общем, ищите сами, вот вам ключ от кладовки, займете первую кабину, она у нас самая большая. И он спросил, как показалось Перейре, не без ехидства: Спасательный круг нужен? Я отлично плаваю, ответил Перейра, возможно, получше вас, так что не волнуйтесь. Он взял ключи от кладовки и от раздевалки и пошел туда. Кладовка была забита всякой всячиной: буйки, надувные круги, рыболовная сеть с пробковыми поплавками, купальные принадлежности. Он стал рыться среди купальников в надежде найти костюм старого фасона, сплошной, который бы закрывал грудь и живот. Один такой он нашел и надел его. Он был тесноват и шерстяной, но других подходящих не оказалось.

Он оставил чемоданчик и вещи в раздевалке и пошел к морю. На утрамбованном прибоем песке какие-то молодые люди играли в мяч, и Перейра обошел их. Он входил в воду медленно, неспешно, чтобы кольцо прохлады постепенно охватывало тело. Затем, когда вода дошла ему до пупка, он нырнул и поплыл медленным, размеренным кролем. Он заплыл далеко, до буйка. Схватившись за спасательный буек, он перевел дыхание, почувствовал сильную одышку и бешеные удары сердца. Я — сумасшедший, подумал он, не плавал целую вечность и с ходу бросаюсь в воду, как спортсмен. Он отдохнул, держась за буй, и потом перевернулся на спину. Перед глазами стояло небо дикой, пугающей синевы. Перейра восстановил дыхание и поплыл к берегу медленным брассом. Проходя мимо спасателя, он не мог отказать себе в удовольствии и сказал: Как видите, обошелся без круга, не знаете, когда следующий поезд на Эшторил? Спасатель посмотрел на часы. Через четверть часа, ответил он. Отлично, сказал Перейра, тогда пойду переодеваться, а вы подходите получить с меня за прокат, времени остается в обрез. Он переоделся в кабине, вышел, рассчитался с парнем, пригладил редкие волосы маленькой расческой, которую носил в

бумажнике, и простился. До свидания, сказал он, и приглядывайте за теми ребятами, что играют в мяч, по-моему, они не умеют плавать и мешают отдыхающим.

Он прошел сквозь подземный переход и присел на каменную скамейку под навесом. Услышав звук приближающегося поезда, он посмотрел на часы. Поздно, подумал он. в клинике его ждали, наверное, к обеду, в больницах обедают рано. И он подумал. — что теперь поделаешь. Но чувствовал он себя хорошо, свежим и отдохнувшим, поезд тем временем подъезжал к станции, и на больницу оставалась масса времени, ведь он собирался пробыть там не меньше недели, утверждает Перейра. Когда он приехал в Паредe, было около половины третьего. Он сел в такси и попросил отвезти его в клинику талассотерапии. В туберкулезную? — спросил таксист. Не знаю, ответил Перейра, в ту, что на набережной. Тогда это совсем близко, вы можете дойти пешком. Послушайте, сказал Перейра, я устал тащиться по такой жаре, и потом, свои чаевые вы получите.

Клиника талассотерапии оказалась зданием розового цвета с большим парком вокруг, сплошь пальмы. Больничный корпус расположился наверху, на скалистой горе, и от него вела лестница

к шоссе и дальше вниз — до самого пляжа. Перейра с трудом поднялся по этой лестнице и вошел в холл. Его встретила толстая, краснощекая женщина в белом халате. Я — доктор Перейра, сказал Перейра, вам должен был звонить мой врач, доктор Коста, чтобы мне оставили палату. Ой, доктор Перейра, сказала женщина в белом халате, мы ждали вас к обеду, что ж вы так поздно, вы пообедали? По правде говоря, я съел только ракушки на вокзале, признался Перейра, и довольно голоден. Тогда идите за мной, сказала женщина в белом халате, столовая уже закрыта, но там Мария даш Дореш, она даст вам что-нибудь поесть. Она провела его в обеденный зал, просторное помещение с высокими окнами, выходящими на море. Зал был совершенно пуст. Перейра сел за один из столиков, и к нему подошла женщина в переднике, с довольно-таки заметными усиками. Меня зовут Мария даш Дореш, сказала женщина, я повариха, могу поджарить вам что-нибудь. Камбалу, если можно, ответил Перейра, спасибо. Он заказал также лимонад и с удовольствием пил его маленькими глотками. Он снял пиджак и повязал салфетку поверх рубашки. Мария даш Дореш принесла жареную рыбу. Камбала коичилась, сказала она, я принесла вам орату.

Перейра с удовольствием принялся за еду. Ванны из водорослей у нас в семнадцать часов, сказала повариха, но если вы устали и хотите вздремнуть, то можно начать с завтрашнего дня, вашего врача зовут доктор Кардосу, он придет к вам в палату в шесть вечера. Замечательно, сказал Перейра, пожалуй, я и в самом деле прилягу.

Он поднялся в отведенную ему палату, номер двадцать два, его чемодан был уже там. Закрыл ставни, почистил зубы и лег в кровать, не переодевшись в пижаму. Дул легкий приятный ветерок с Атлантики, он проникал сквозь ставни и слегка надувал занавески. Перейра заснул почти тотчас же. Ему приснился сон, сон из его молодости, будто он был на пляже в Гранже и плавал в океане, который казался бассейном, на краю этого бассейна его ждала бледненькая девчушка с полотенцем в руках. Наплававшись, он выходил из воды, а сон продолжался, сои был действительно замечательный, но Перейра предпочитает не касаться его продолжения, потому что его сон не имеет никакого отношения ко всей этой истории, утверждает он.

15

В половине седьмого он услышал, что в дверь стучат, но проснулся еще до того, утверждает он. Ом лежал и рассматривал полоски света и тени на потолке, падающие от жалюзи, думал про «Онорину» Бальзака, про раскаяние, думал, что ему тоже надо бы покаяться, а в чем, он не знал. Ему захотелось вдруг поговорить с отцом Антониу, потому что ему-то он мог поведать, что хочет покаяться, да не знает в чем, а только томится желанием покаяния, так он сказал бы ему, или же его увлекала сама идея раскаяния, кто знает?

Кто там? — спросил Перейра. На прогулку! — ответил голос сестры за дверью. Доктор Кардосу ждет вас в холле. Перейра не хотел идти ни на какую прогулку, утверждает он, но все-таки поднялся, распаковал вещи, надел туфли на веревочной подошве, полотняные брюки и просторную рубашку цвета хаки. Он поставил портрет жены на стол и сказал ему Ну, вот я и здесь, в Клинике талассотерапии, а надоест, так уеду, хорошо еще догадался захватать с собой Альфонса Доде, смогу немного попереводить для

газеты. Помнишь, нам особенио нравился у Доде «Le petit chose»,[11] мы читали его в Коимбре, и он растрогал нас обоих, то был рассказ про детство, и, наверное, мы мечтали тогда о ребенке, которого потом так и не было, что поделаешь, в общем, «Рассказы по понедельникам» я привез сюда и думаю подобрать оттуда что-нибудь подходящее для «Лисабона», вот, а теперь прости, мне надо идти, должно быть, доктор уже ждет, посмотрим, что это за методы талассотерапии, пока, до скорого.

Спустившись в холл, он увидел господина в белом халате, который сидел и смотрел в окно. Перейра подошел к нему. Это был мужчина между тридцатью пятью и сорока, со светлой бородкой и голубыми глазами. Добрый вечер, сказал врач с кроткой улыбкой, я — доктор Кардосу, а вы, надо думать, доктор Перейра, я ждал вас, сейчас по расписанию наши пациенты гуляют по пляжу, но мы можем поговорить и здесь или выйти в парк, как скажете. Перейра ответил, что ему действительно не очень хотелось идти сейчас на пляж, он сказал, что днем уже был на пляже, и рассказал, как купался в Санту-Амару. О,

[11] Примечания: 11
Малыш (фр.)

замечательно, воскликнул доктор Кардосу, я думал, что мне достанется более трудный пациент, но вижу, что природа еще влечет вас. Я увлекся скорее воспоминаниями, сказал Перейра. В каком смысле? — спросил доктор Кардосу. Потом я, наверное, смогу объяснить, но не сегодня, может быть, завтра.

Они вышли в сад. Пройдемся? — предложил доктор Кардосу, это будет на пользу и вам, и мне. За пальмами, что росли среди камней и песка, начинался роскошный парк. Перейра шел следом за доктором Кардосу, который был не прочь поговорить. На все то время, что вы здесь, вы полностью в моих руках, мне надо будет разговаривать с вами, узнавать ваши привычки, и вы ничего не должны скрывать от меня. Спрашивайте все что хотите, с готовностью ответил Перейра. Доктор Кардосу сорвал травинку и стал ее покусывать. Начнем с питания, сказал он, как вы обычно питаетесь? Утром пью кофе, ответил Перейра, потом обедаю, потом ужимаю, как все, ничего особенного. А что вы обычно едите, спросил доктор Кардосу. Я имею в виду, какой диеты вы придерживаетесь? Ем яйца, чуть было не ответил Перейра, потому что моя служанка дает мне с собой яичницу с хлебом, а в кафе «Орхидея» не

дают ничего другого, кроме омлетов с зеленью. Но он вдруг устыдился и ответил иначе. Еда самая разнообразная, сказал Перейра, мясо, рыба, овощи, ем я умеренно и питаюсь рационально. А ваша полнота, когда она начала проявляться? — спросил доктор Кардосу. Несколько лет назад, ответил Перейра, после смерти жены. А как насчет сладкого, вы много едите сладкого? Не ем вообще, ответил Перейра, я не люблю сладкое, пью только лимонады. Что за лимонады? — спросил доктор Кардосу. Натуральный напиток из выжатого лимона, сказал Перейра, я очень его люблю, он хорошо освежает и, по-моему, полезен для желудка, у меня часто бывают расстройства. Сколько стаканов в день? — спросил доктор Кардосу. Перейра задумался на минуту. По-разному, ответил он, сейчас, когда лето, стаканов десять. Десять стаканов лимонада в день! — воскликнул доктор Кардосу, но, доктор Перейра, по-моему, это безумие, а скажите, пожалуйста, вы сахар туда кладете? Я сыплю его в стакан, на полстакана лимонного сока полстакана сахара. Доктор Кардосу выплюнул травинку, которую жевал все это время, и, сделав протестующий жест, изрек: С сегодняшнего дня с лимонадом покончено, мы заменяем его минеральной водой, лучше

негазированной, но если вы любите газированную, пусть будет газированная. Под кедрами в парке была скамейка, и Перейра опустился на нее, вынуждая тем самым доктора Кардосу тоже сесть. Извините меня, доктор Перейра, оказал доктор Кардосу, но теперь я хотел задать вам один интимный вопрос: а как у вас с сексуальной активностью? Перейра поднял глаза к вершинам деревьев и сказал: Не понял, поясните. С женщинами, пояснил доктор Кардосу, встречаетесь ли вы с женщинами, живете ли нормальной половой жизнью? Послушайте, доктор, сказал Перейра, я — вдовец, уже немолод, и у меня довольно ответственная работа, у меня нет ни времени, ни желания искать себе женщин. Даже доступных? — спросил доктор Кардосу, ну, не знаю, может, эпизодически, какое-нибудь приключение, женщина легкого поведения, словом, от случая к случаю? Нет, ничего такого, сказал Перейра и достал сигару, спросив, можно ли ему курить. Доктор Кардосу разрешил. Конечно, не очень хорошо при вашем-то сердце, но если вы не можете обойтись без этого, то курите. Я закуриваю оттого, что ваши вопросы меня смущают, признался Перейра. Тогда я задам вам еще один нескромный вопрос, сказал доктор Кардосу, у вас

бывают ночные поллюции? Не понимаю вопроса, сказал Перейра. Гм, сказал доктор Кардосу, я имею в виду, бывают ли у вас эротические сны, во время которых наступает оргазм, вы видите эротические сны, что вам снится? Слушайте, доктор, сказал Перейра, мой отец всегда учил меня, что наши сны — самое личное, что только может быть у человека, и их никому нельзя рассказывать. Но вы здесь на лечении, и я ваш врач, возразил доктор Кардосу, ваша психика взаимосвязана с вашим телом, и мне нужно знать, что вы видите во сне. Я часто вижу во сне Гранжу, признался Перейра. Это женщина? — спросил доктор Кардосу. Это местность, сказал Перейра, пляж недалеко от Опорту, я бывал там в молодости, когда учился в Коимбре, а сразу за ним Эшпиньо, модный тогда пляж, с бассейном и казино, я часто плавал там и играл в бильярд, потому что там был прекрасный бильярдный зал, туда же ходила и моя невеста, на которой я потом женился, очень больная девушка, но в то время она еще не знала о своей болезни, только жаловалась на страшные головные боли, то была замечательная пора моей жизни, и я часто вижу ее во сне, возможно, потому, что мне нравится видеть эти сны. Хорошо, сказал доктор Кардосу,

на сегодня достаточно, вечером я хотел бы ужинать с вами за одним столом, поговорим о том о сем, я внимательно слежу за литературой и знаю, что ваша газета отводит много места французским писателям девятнадцатого века, вы знаете, я учился в Париже, я человек французской культуры, за ужином я расскажу вам о программе на завтра, встретимся в столовой в восемь часов. Доктор Кардосу встал и попрощался с ним. Перейра остался сидеть и стал разглядывать вершины деревьев. Простите, доктор, сказал он вдогонку, я обещал загасить сигару, но сейчас мне захотелось выкурить ее до конца. Делайте как вам больше нравится, отозвался доктор Кардосу, диету мы начнем с завтрашнего дня. Перейра остался в одиночестве и продолжал курить. Он подумал, что доктор Коста, который был, между прочим, его давним знакомым, никогда не стал бы задавать таких сугубо личных вопросов, очевидно, молодые врачи, которые учились в Париже, совершенно другие. Перейра запоздало осознал, до какой степени это его смутило и озадачило, но, поразмыслив, решил, что не стоит обращать внимание на такие вещи и что клиника, наверное, какая-то особенная.

16

В восемь часов, минута в минуту, доктор Кардосу уже сидел за столом в обеденном зале. Перейра тоже пришел вовремя, утверждает он, и направился к нему. Он был одет в серый костюм с черным галстуком. В столовой собралось человек пятьдесят, все пожилые. Несомненно, все старше его и в основном супружеские пары, которые приходили вместе и садились рядом, за один стол. От этого он немного воспрял духом, утверждает он, потому что осознал, что, в сущности, был одним из тех, кто помоложе, и почувствовать себя наконец не таким уж старым было приятно. Доктор Кардосу улыбнулся ему, собираясь встать, но Перейра жестом руки остановил его, мол, не стоит беспокоиться. Значит, доктор Кардосу, сказал Перейра, на время ужина я снова в ваших руках. Стакан минеральной воды на пустой желудок — золотое правило гигиены питания, сказал доктор Кардосу. Газированной, попросил Перейра. Газированной, уступил доктор Кардосу и наполнил его стакан. Перейра выпил его с чувством легкого отвращения, и ему сразу захотелось лимонада.

Доктор Перейра, спросил доктор Кардосу, не поделитесь ли вашими планами, что вы собираетесь печатать на странице культуры в «Лисабоне», мне очень понравилась там статья о Песоа в «Памятных датах» и рассказ Мопассана, прекрасный перевод. Это мой перевод, ответил Перейра, но я не люблю подписывать свои переводы. Напрасно, возразил доктор Кардосу, свои работы надо подписывать, тем более такие значительные, а на будущее что готовит ваша газета? Сейчас вам скажу, доктор Кардосу, ответил Перейра, в следующих трех или четырех номерах будет рассказ Бальзака, рассказ называется «Онорина», не знаю, читали ли вы его. Доктор Кардосу отрицательно покачал головой. Это рассказ про раскаяние, сказал Перейра, замечательный рассказ про раскаяние, тем более интересный, что я его читаю в автобиографическом ключе. Раскаяние великого Бальзака? — усомнился доктор Кардосу. Перейра на минуту задумался. Извините, доктор Кардосу, что спрашиваю вас об этом, сказал Перейра, сегодня днем вы сказали, что учились во Франции, какое образование вы получили, если не секрет? Я закончил медицинский факультет и получил две специальности, врача-диетолога и психиатра. Не вижу никакой связи между двумя

этими профессиями, утверждает, что заметил ему, Перейра, извините, но я не вижу связи. Связь, разумеется, есть и, возможно, даже более тесная, чем принято думать, сказал доктор Кардосу, не знаю, можете ли вы представить себе, сколько нитей связывает наше тело и нашу психику, а их ведь гораздо больше, чем вы можете вообразить, так на чем мы остановились? Вы говорили, что рассказ Бальзака — автобиографический? О, этого я не хотел сказать, возразил Перейра, я хотел сказать, что прочел его в автобиографическом ключе, что узнал в нем себя. В раскаянии? — спросил доктор Кардосу. В каком-то смысле да, сказал Перейра, в том смысле, что есть некоторые точки соприкосновения, я бы сказал, пограничные точки, правильнее было бы, наверное, определить это так.

Доктор Кардосу сделал знак официантке. Сегодня мы будем есть рыбу, сказал доктор Кардосу, я бы советовал вам взять рыбу на решетке или отварную, но можно попросить, чтобы приготовили по-другому. Рыбу на решетке я уже ел в обед, начал оправдываться Перейра, а вареную не люблю, слишком уж напоминает больничную еду, а хотелось бы думать, что ты в гостинице, так что с большим удовольствием я взял бы камбалу

alla mugnaia.[12] Отлично, сказал доктор Кардосу, значит, камбалу «от мельничихи» с тушеной морковью, и мне то же самое.

И затем он продолжил: раскаяние в пограничном смысле — что это значит? То, что вы изучали психологию, побуждает меня обсудить это с вами, сказал Перейра, наверное, лучше было бы поговорить об этом с отцом Антониу, со священником, но, может, он и не понял бы, ведь священники ждут от нас исповеди и признания вины за собой, а я не чувствую себя виноватым в чем-либо конкретном и тем не менее испытываю желание покаяться, ну прямо какая-то тоска по раскаянию. Думаю, что нужно разобраться в этом вопросе более глубоко, сказал доктор Кардосу, и если вы хотите сделать это с моей помощью, я в вашем распоряжении. Понимаете, сказал Перейра, это странное ощущение, оно находится где-то на периферии моего сознания, поэтому я и назвал его пограничным, все дело в том, что, с одной стороны, я вполне доволен той жизнью, которую прожил, я доволен тем, что учился в Коимбре, что женился на больной женщине, которая всю жизнь провела в санаториях, что я в течение

[12] Примечания: 12
Mugnaia — мельничиха (ит.)

стольких лет вел отдел происшествий в солидной газете и что теперь я согласился быть редактором отдела культуры в скромной вечерней газете, однако при всем при этом у меня такое чувство, вроде стремления раскаяться в прожитой жизни, не знаю, достаточно ли понятно я говорю.

Доктор Кардосу начал есть камбалу по-деревенски, и Перейра последовал его примеру. Для того чтобы разобраться, мне надо знать больше подробностей о вашей жизни за последние месяцы, сказал доктор Кардосу, может, там было какое-то событие? Событие в каком смысле? — спросил Перейра. Что вы хотите этим сказать? Событие — это термин психоанализа, сказал доктор Кардосу, не то чтобы я полностью полагался на Фрейда, ибо сам я сторонник синкретизма, но в том, что касается события, он, безусловно, прав: событие — это происшествие, которое оказывается в нашей жизни тем, что переворачивает прежние устои или выводит нас из состояния равновесия, в общем, событие — это факт, который случается в реальной жизни и оказывает влияние на жизнь психическую, поэтому вам следует подумать, было ли в вашей жизни событие подобного рода. Я познакомился с одним человеком, утверждает, что ответил ему, Перейра, собственно,

даже с двумя — с молодым человеком и с девушкой. Расскажите поподробней, сказал доктор Кардосу. Хорошо, сказал Перейра, дело в том, что для страницы культуры мне нужны были некрологи, написанные заранее, об известных писателях, которые могут умереть со дня на день, а человек, с которым я познакомился, защитил диплом о смерти, правда частично его списав, но поначалу мне показалось, что он понимает, что такое смерть, так вот, я взял его в качестве практиканта, чтобы он сочинял для меня заблаговременные некрологи, и что-то подобное он для меня написал, я платил ему из своего кармана, потому что не хотел обременять лишними расходами газету, но все это оказалось совершенно непубликабельным, потому что мальчик думает только о политике и любой некролог пишет как политическую листовку, откровенно говоря, я-то считаю, что все эти идеи: там фашизм социализм, гражданская война в Испании и прочее в том же духе — вбила ему в голову его девушка, а я, как я вам уже говорил, заплатил ему. В этом нет ничего страшного, сказал доктор Кардосу, в конце концов вы рискуете только деньгами. Не в этом дело, утверждает, что согласился с ним, Перейра, а в том, что я засомневался: а вдруг эти ребята

правы? В таком случае, должно быть, они правы, сказал примирительно доктор Кардосу, но судить их будет История, а не вы, доктор Перейра. Все так, сказал Перейра, однако, если правы они, то моя жизнь теряет всякий смысл: бессмысленно было учиться на филологическом факультете в Коимбре и считать, что литература — самая важная вещь в мире, бессмысленно быть редактором отдела культуры в какой-то вечерке, где ты не можешь высказать собственное мнение и вынужден печатать французские новеллы девятнадцатого века, бессмысленно все, и от этого хочется раскаяться во всем, словно ты уже другой человек, а не тот Перейра, который всю жизнь занимался журналистикой, как будто я должен от чего-то отречься.

Доктор Кардосу подозвал официантку и заказал две мачедонии без сахара и без мороженого. Хочу спросить вас одну вещь, сказал доктор Кардосу, вы слыхали про medicins-philosophes?[13] Не думаю, сказал Перейра, нет, не знаю, кто они? Самые крупные из них — это Теодюль Рибо,[14] и

---

[13] Примечания: 13
Врачей-философов (фр.)

[14] Примечания: 14
Теодюль Рибо (1839–1916) — французский психолог, философ, основатель всемирно известной французской школы психопатологии.

Пьер Жане[15] сказал доктор Кардосу, по их трудам я и учился во Франции, это врачи-психологи, но в то же время они философы, они создали теорию, которую я нахожу очень интересной, теорию конфедерации душ. Расскажите мне об этой теории, сказал Перейра. Ну, хорошо, сказал доктор Кардосу; неверно думать, будто существует некая «единица» сама по себе, вне связи с неисчислимым множеством собственных «я», это иллюзия, притом весьма наивная, восходящая к христианскому представлению о единой душе, доктор Рибо и доктор Жане смотрят на личность как на объединенный союз различных душ, поскольку внутри нас имеются разные души, не так ли, некая конфедерация душ, которая ставится под контроль одного «я-гегемона». Доктор Кардосу сделал небольшую паузу и продолжал: То, что называется нормой, или нашей сущностью, или нормальным человеком, это всего лишь результат, а не предпосылка, и зависит он от контроля «я-гегемона», за которым закрепилась эта функция в конфедерации наших душ;

[15] Примечания: 15

Пьер Жане (1859–1947) — французский психолог и психиатр, руководитель кафедры психологии в Коллеж де Франс (Париж); его концепция психологии личности пользуется значительным влиянием в западной психологии.

в том случае, когда появляется другое «я», более сильное и более могущественное, это другое «я» ниспровергает «я-гегемона» и заступает на его место, беря на себя руководство когортой душ или лучше сказать конфедерацией, и это главенство удерживается до тех пор, пока не будет ниспровергнуто другим «я-гегемоном» или путем прямого нападения, или же путем длительного подтачивания. Возможно, заключил доктор Кардосу, что после длительного подтачивания в вас объявился новый «я-гегемон», который поднимает голову в конфедерации ваших душ, доктор Перейра, и вы ничего не сможете с ним поделать, а можете только следовать ему в дальнейшем.

Доктор Кардосу доел свою мачедонию и вытер рот салфеткой. Так что же мне остается делать? — спросил Перейра. Ровным счетом ничего, ответил доктор Кардосу, просто ждать, возможно, что «я-гегемон», который пребывает сейчас в вас, после длительного подтачивания, после стольких лет, что вы провели, занимаясь журналистикой и хроникой происшествий, считая литературу самой главной вещью в мире, возможно, что этот «я-гегемон» берет на себя управление конфедерацией ваших душ, так дайте ему выйти на поверхность, тем более что вы и не можете сделать ничего

другого, вам это все равно не удастся, и вы только и будете делать, что конфликтовать с собой, так что, если хотите раскаяться в прожитой жизни, кайтесь себе на здоровье, хотите рассказать все священнику, расскажите, в общем, доктор Перейра, если вы начинаете думать, что те ребята правы и что до сих пор ваша жизнь была бесполезной, значит, так и считайте, может быть, с этого момента и впредь ваша жизнь перестанет вам казаться бесполезной, отдайтесь во власть вашего нового «я-гегемона» и не компенсируйте свои терзания едой и лимонадами с таким количеством сахара.

Перейра кончил есть мачедонию и снял салфетку, которую повязал вокруг шеи. Ваша теория очень интересна, сказал он, я обдумаю ее; с удовольствием выпил бы кофе, что вы на это скажете? Кофе вызывает бессонницу, сказал доктор Кардосу, предпочитаете не спать — дело ваше, ванны из водорослей у нас два раза в день, в девять утра и в пять вечера, хорошо бы не пропустить утреннюю ванну, мне кажется, что ванна из водорослей пойдет вам на пользу.

Спокойной ночи, тихо сказал Перейра. Он встал из-за стола и направился к выходу. Сделав несколько шагов, он обернулся. Доктор Кардосу

улыбался ему. Я буду ровно в девять, утверждает, что сказал ему, Перейра.

17

Перейра утверждает, что в девять утра он спустился по лестнице, ведущей к морю, и вышел на больничный пляж. Песчаную бухточку окаймлял скалистый берег, и в нем были выдолблены два огромных каменных бассейна, которые наполнялись и переполнялись по прихоти океанских волн. Чаши этих бассейнов кишели водорослями, длинными, толстыми, блестящими, которые образовывали на поверхности воды плотную ряску, и какие-то люди бултыхались там. Рядом с бассейнами прилепились два деревянных домика, выкрашенных голубым, — раздевалки. Перейра увидел доктора Кардосу, который наблюдал за пациентами и давал указания, какие движения им делать. Перейра подошел к нему и поздоровался. Он был в хорошем настроении, утверждает он, и ему тоже захотелось погрузиться в один из этих бассейнов, при том что на пляже было довольно прохладно, да и температура воды, наверное, была не самой подходящей для купания. Он попросил доктора Кардосу раздобыть ему какой-нибудь купальный костюм,

потому что свой он забыл взять, оправдывался он и спросил, не может ли тот подобрать ему костюм старого фасона, из тех, что закрывают полностью живот и частично грудь. Доктор Кардосу покачал головой. К сожалению, доктор Перейра, сказал он, вам придется преодолеть вашу стеснительность, благотворное действие водорослей сказывается, главным образом, в результате прямого контакта с эпидермисом, необходимо, чтобы они массировали вам живот и грудь, вам надо будет надеть короткий костюм, купальные трусы. Перейра смирился и зашел в раздевалку. Он повесил свои брюки и рубашку цвета хаки в шкафчик и вышел. Было довольно-таки прохладно, воздух еще не успел прогреться, зато бодрил. Перейра попробовал воду ногой, и вопреки его ожиданиям она оказалась не такой уж ледяной. Он осторожно вошел в воду, слегка содрогаясь от отвращения ко всем этим водорослям, которые обвивались вокруг его тела. Доктор Кардосу подошел к краю бассейна и начал его инструктировать. Двигайте руками, как будто вы делаете зарядку сказал он, тогда водоросли будут массировать вам живот и грудь. Перейра отчаянно выполнял все команды, пока не почувствовал, что задохся. Тогда он остановился, вода доходила

ему до подбородка, и начал снова поднимать и опускать руки, но уже медленно и осторожно. Как спали сегодня? — спросил его доктор Кардосу. Хорошо, ответил Перейра, только читал допоздна, я взял с собой рассказы Альфонса Доде, вы любите Доде? Я плохо его знаю, признался доктор Кардосу. Думаю перевести одну вещь из «Рассказов по понедельникам» и попробовать напечатать ее в «Лисабоне», сказал Перейра. Расскажите, про что? — сказал доктор Кардосу. Ну, сказал Перейра, рассказ называется «La derniere classe»,[16] там говорится о школьном учителе в одной французской деревеньке в Эльзасе, его ученики — крестьянские дети, бедные ребята, которые должны целыми днями работать в поле и пропускают все уроки, учитель в отчаянии. Перейра сделал несколько шагов вперед, чтобы вода не попадала ему в рот. Наконец, продолжал он, наступает последний день занятий, Франко-прусская война закончена, и учитель ждет, потеряв всякую надежду, что хоть кто-нибудь из учеников появится в классе, и вдруг приходит все мужское население деревни, крестьяне, деревенские старики, они приходят отдать дань уважения

[16] Примечания: 16
Последний урок (фр.)

учителю-французу накануне его отъезда, они знают, что завтра их земля будет оккупирована немцами, и тогда учитель пишет на доске: «Да здравствует Франция!» — и выходит со слезами на глазах, оставив сильно разволновавшийся класс. Перейра сбросил две длинные водоросли, повисшие у него на плечах, и спросил: Что вы на это скажете, доктор Кардосу? Замечательный рассказ, ответил доктор Кардосу, по не знаю, как расценят сегодня в Португалии надпись «Да здравствует Франция!», учитывая теперешние времена, как знать, может, вы освобождаете дорогу для нового «я-гегемона», доктор Перейра, мне кажется, в вас проглядывает новый «я-гегемон». Да что вы, доктор Кардосу, сказал Перейра, это же рассказ девятнадцатого века, рассказ о далеком прошлом. Да, сказал доктор Кардосу, но независимо от этого все равно против Германии, а Германию нельзя трогать в такой стране, как наша, вы обратили внимание, какое приветствие ввели теперь на официальных манифестациях, все вытягивают в приветствии руку, как нацисты. Посмотрим, сказал Перейра, ведь «Лисабон» — независимая газета. И затем спросил: Можно уже выходить? Еще десять минут, остановил его доктор Кардосу, раз уж вы здесь, то не торопи-

тесь, время для этой процедуры еще не вышло, но простите, что значит независимая газета в Португалии? Газета, не связанная ни с каким политическим движением, ответил Перейра. Допустим, сказал доктор Кардосу, но главный редактор вашей газеты, дорогой мой доктор Перейра, — человек этого режима, он появляется на всех официальных мероприятиях, а как он вскидывает руку, такое впечатление, будто только что метнул копье. Это верно, сказал Перейра, но, по сути, человек он неплохой, а что касается страницы культуры, то тут он предоставил мне все права. Ему так удобнее, возразил доктор Кардосу, поскольку есть предварительная цензура, то каждый день, перед тем как выйти, гранки вашей газеты проходят через imprimatur[17] и если что-нибудь не так, то будьте спокойны, этого не напечатают, в лучшем случае оставят пробел на странице, мне уже приходилось видеть португальские газеты с большими белыми пятнами, и зло берет, и такая тоска.

Все понимаю, сказал Перейра, мне тоже попадались такие газеты, однако с «Лисабоном» этого ни разу еще не случилось. Но может, произнес

---

[17] Примечания: 17
Специальное разрешение цензора на публикацию (лат.)

доктор Кардосу игривым тоном, это будет зависеть от того «я-гегемона», который возьмет верх в вашей конфедерации душ. И потом продолжил: Знаете, что я вам скажу, доктор Перейра, если вы хотите помочь вашему «я-гегемону», который понемногу начинает высовываться, то, наверное, вам лучше уехать, покинуть эту страну, думаю, у вас будет меньше конфликтов с самим собой, и, по существу, ничто не мешает вам сделать это, вы серьезный профессионал, прекрасно знаете французский язык, без жены, без детей, что вас удерживает здесь? Прошлое, сказал Перейра, ностальгия по прошлому, а вы, доктор Кардосу, почему не вернетесь во Францию? Не исключаю для себя такую возможность, ответил доктор Кардосу, я поддерживаю связь с клиникой талассотерапии в Сан-Мало и, может, в конце концов и решусь. А теперь можно уже выходить? — спросил Перейра. Время вышло, а мы и не заметили, сказал доктор Кардосу, ваша процедура длилась на пятнадцать минут дольше, чем положено, идите одевайтесь, как насчет того, чтобы пообедать вместе? С превеликим удовольствием, ответил Перейра.

В тот день Перейра обедал в обществе доктора Кардосу и по его совету взял отварную треску.

Они говорили о литературе, о Мопассане и о Доде, о Франции и о том, какая это великая страна. А потом Перейра ушел к себе в палату и отдохнул с четверть часа, вздремнул немного, а затем начал разглядывать полосы света и тени от жалюзи на потолке. Ближе к вечеру он встал, принял душ, оделся, повязал черный галстук и сел перед портретом жены. Я встретил тут одного умного врача, сказал он портрету, его зовут доктор Кардосу, он учился во Франции и рассказал мне про свою теорию человеческой души, даже не свою, а французских философов; оказывается, в нас существует целая конфедерация душ, и время от времени появляется «я-гегемон», который берет на себя управление конфедерацией, и доктор Кард осу утверждает, что я сбрасываю своего «я-гегемона», как змеи сбрасывают кожу, и что этот «я-гегемон» изменит мою жизнь; не знаю, насколько этому можно верить, и, по правде говоря, он меня не очень-то убедил, ну да ладно, посмотрим.

Потом он сел за стол и начал переводить «Последний урок» Доде. Он привез с собой Ларусса, который очень ему помогал. Но перевел он всего одну страницу, потому что, во-первых, не хотел торопиться, и, во-вторых, потому что с этим рас-

сказом ему не было одиноко. И действительно, всю ту неделю, что он оставался в клинике талассотерапии, он проводил вторую половину дня за переводом рассказа Доде, утверждает он.

То была замечательная неделя — диета, процедуры, отдых и постоянное общение с доктором Кардосу, с которым они вели оживленные и интересные беседы, в основном о литературе. То была неделя, пролетевшая как одно мгновение; в субботу в «Лисабоне» был напечатан первый отрывок «Онорины» Бальзака, и доктор Кардосу похвалил его. Главный редактор не позвонил ни разу, что означало, что в редакции все в порядке. Монтейру Росси также ни разу не объявился, и Марта тоже. В последние дни Перейра почти и не вспоминал о них. И когда он вышел из клиники и ждал поезда на Лисабон, он чувствовал себя бодрым, в хорошей форме и похудел на четыре килограмма, утверждает он.

18

Перейра вернулся в Лисабон, и почти весь август прошел так, как будто вообще ничего не случилось. Служанка пока не возвращалась, он нашел в почтовом ящике открытку от нее, где говорилось: «Вернусь в середине сентября, так как у сестры варикозное расширение вен и ей будут делать операцию, всего вам доброго. Пьедаде».

Он снова хозяйничал один в своей квартире. Погода, к счастью, переменилась, и было не так жарко. По вечерам поднимался порывистый ветер с Атлантики, и уже нельзя было выходить без пиджака. Он вернулся в редакцию и не нашел там никаких особых перемен. Консьержка встречала его без обычной постной мины и здоровалась более приветливо, но внизу на лестнице по-прежнему стоял этот отвратительный запах кухни. Корреспонденции почти не было. Он вынул счет за свет и переслал его в главную редакцию. Потом было письмо из Шавиша от одной пятидесятилетней сеньоры, которая сочиняла сказки для детей и предлагала одну из них для «Лисабона». Сказка была про фею и эльфов

и не имела никакого отношения к Португалии, должно быть, она ее переписала из какого-нибудь ирландского сборника. Перейра написал ей вежливое письмо, объясняя, что было бы лучше, если бы она черпала вдохновение из португальского фольклора, потому что, писал он ей, «Лисабон» обращается к португальским читателям, а не к англосаксонским. К концу месяца пришло письмо из Испании. Оно было на имя Монтейру Росси, и в адресе было указано: «Доктору Перейре для Монтейру Росси, улица Родригу да Фонсека, *66,* Лисабон, Португалия». У Перейры возникло искушение распечатать его. Он почти забыл про Монтейру Росси или, по крайней мере, так считал, и ему казалось невероятным, что молодой человек просил писать ему на редакцию культуры «Лисабона». В конце концов он вложил письмо в папку с надписью «Некрологи» в запечатанном виде. Днем он обедал в кафе «Орхидея», однако не брал больше омлетов с зеленью и лимонадов, потому что доктор Кардосу запретил их, а брал рыбные салаты и пил минеральную воду. «Онорина» Бальзака была напечатана полностью и имела большой успех у читателей. Перейра утверждает, что получил даже две телеграммы, одну из Тавиры и одну из Эштремоша, в которых

говорилось: в первой — что рассказ великолепный, а в другой, что раскаяние — это то, о чем все мы должны подумать, и обе заканчивались словами благодарности. Перейра подумал, что кто-то, наверное, прочел письмо из бутылки, как знать, и приготовился к окончательной редактуре рассказа Альфонса Доде. Главный редактор позвонил однажды утром, чтобы поздравить его с переводом Бальзака, потому что, сказал он, в главную редакцию хлынул поток восторженных писем. Перейра подумал, что главный редактор не мог прочесть письма из бутылки, и внутренне порадовался. В сущности, это и в самом деле было шифрованное послание, и кто готов был слушать, до того оно и доходило. Ну а сейчас, доктор Перейра, спросил главный редактор, что вы сейчас готовите новенького? Я только что закончил перевод рассказа Доде, ответил Перейра, и надеюсь, что он тоже будет встречен одобрительно. Надеюсь, это не «Арлезианка», среагировал главный, с удовольствием обнаруживая одно из немногих своих познаний в области литературы, этот рассказ немножко ose,[18] и я не знаю, примут ли его наши читатели. Нет, ограничился Перей-

[18] Примечания: 18
Смелый, дерзкий (фр.)

ра коротким ответом, это рассказ из сборника «Рассказы по понедельникам», и называется он «Последний урок», не знаю, читали ли вы его, это патриотический рассказ. Не читал, ответил главный редактор, но если патриотический, то годится, сейчас нам нужен патриотизм, патриотизм — это хорошо. Перейра простился с ним и повесил трубку. Он взял со стола рукопись, собираясь нести ее в типографию, но снова зазвонил телефон. Перейра был в дверях и уже надел пиджак. Алло, сказал женский голос, это Марта, мне нужно повидаться с вами. Перейра почувствовал, как у него упало сердце, и он сказал: Марта, как поживаете, как дела у Монтейру Росси? Потом все расскажу, доктор Перейра, сказала Марта, где я могу вас увидеть сегодня вечером? Перейра на секунду задумался и чуть было не ответил, что у него, но потом подумал, что лучше все-таки не у него, и сказал: В кафе «Орхидея», в восемь тридцать. Договорились, сказала Марта, я остригла волосы и выкрасилась в блондинку, встретимся в кафе «Орхидея» в восемь тридцать, в общем, у Монтейру Росси все нормально, и он передает вам статью.

Перейра вышел, направляясь в типографию, но чувствовал, что ему не по себе, утверждает он. Он

подумал даже вернуться потом и переждать час, остававшийся у него до встречи, в редакции, но передумал, поняв, что ему необходимо зайти домой и принять холодную ванну. Он взял такси и попросил свернуть в крутую улочку, чтобы подъехать к самому дому, обычно таксисты неохотно соглашались карабкаться по этой дороге, потому что трудно было разворачиваться после, так что Перейре пришлось пообещать чаевые, так как он чувствовал себя совсем без сил, утверждает он. Он вошел в дом и первым делом наполнил ванну холодной водой. Погрузившись в нее, он хорошенько растер живот, как учил его доктор Кардосу. Затем надел халат и вышел в прихожую, остановившись перед портретом жены. Снова объявилась Марта, сказал он ему, кажется, она остригла волосы и выкрасилась в блондинку, кто знает зачем, принесет мне статью от Монтейру Росси, но сам Монтейру Росси, очевидно, все еще занят своими делами, эти ребята очень меня беспокоят, гм, ну да ладно, потом расскажу тебе продолжение. В восемь тридцать, утверждает Перейра, он вошел в кафе «Орхидея». Единственное, благодаря чему он узнал Марту в той худой, коротко стриженной блондинке, что сидела напротив вентилятора, было ее неизменное платье,

иначе он ни за что не узнал бы ее. Марта выглядела совершенно не похожей на себя: короткие светлые волосы, челочка и завитки на ушах придавали ее облику вид беспечной иностранки, скорее всего француженки. И потом, она похудела, наверное, килограммов на десять. Ее плечи, мягких, округлых линий, которые запомнились Перейре, торчали двумя костлявыми лопатками, как цыплячьи крылья. Перейра сел напротив нее и сказал: Добрый вечер, Марта, что с вами? Решила изменить внешность, ответила Марта, в определенных обстоятельствах возникает такая необходимость, вот и у меня возникла необходимость стать другим человеком.

Кто знает почему, но Перейре захотелось задать ей вопрос. Он не может объяснить, почему его задал. Может, потому, что она была слишком яркой блондинкой и выглядела слишком неестественно и он с трудом опознал в ней ту девушку, с которой когда-то познакомился, может, потому, что она постоянно оглядывалась украдкой, как будто ждала кого-то или боялась чего-то, но факт тот, что Перейра спросил ее: Вас зовут по-прежнему Марта? Для вас я, конечно, Марта, ответила Марта, по у меня французский паспорт и меня зовут Лиз Делонэ, по профессии я художница и

приехала в Португалию писать акварелью пейзажи, но главная цель поездки — туризм.

Перейре вдруг страшно захотелось заказать омлет с зеленью и выпить лимонаду. А не взять ли нам пару омлетов с зеленью? — спросил он Марту. С удовольствием, ответила Марта, но сначала я выпила бы сухого портвейна. Я тоже, сказал Перейра, и заказал два сухих портвейна. В воздухе чувствуется беда, сказал Перейра, У вас неприятности, Марта? Выкладывайте все начистоту. Можно сказать и так, ответила Марта, но мне нравятся такие неприятности, от них становится легче, в сущности, это и есть жизнь, которую я выбрала для себя. Перейра развел руками. Ну, раз вы всем довольны, сказал он, то, значит, и Монтейру Росси тоже, а стало быть, и он в опасности, могу себе представить, ведь он так и не появлялся с тех пор, что с ним? Я могу говорить за себя, но не за Монтейру Росси, сказала Марта, я отвечаю только за себя, он до сих пор не связался с вами, потому что у него были сложности, он еще не вернулся в Лисабон, ездит по всему Алентежу, и, должно быть, его сложности посерьезнее моих, деньги, во всяком случае, ему по-прежнему нужны, поэтому он и прислал вам статью, говорит, что для «Памятных дат», если хотите, можете

дать деньги мне, а я уж позабочусь, как передать их Монтейру Росси.

Как же, как же, его статьи, хотел было ответить Перейра, некрологи или памятные даты, все одно, я только и делаю, что плачу ему из своего кармана, Монтейру Росси, не понимаю, почему я не уволю его, я предлагал ему стать журналистом, прочил карьеру. Но ничего такого он не сказал. Достал бумажник и вынул две банкноты. Передайте ему от меня, сказал он, и давайте сюда статью. Марта вынула из сумочки листок и протянула ему. Послушайте, Марта, сказал Перейра, хочу вас заверить, что в некоторых вещах вы можете рассчитывать на меня, даже при том что я предпочел бы оставаться в стороне от ваших дел, как вы прекрасно знаете, я не интересуюсь политикой, во всяком случае, если услышите что-нибудь от Монтейру Росси, скажите, чтобы звонил, может, я смогу и ему в чем-то помочь, по-своему. Вы большая подмога для всех нас, доктор Перейра, сказала Марта, паше дело вас не забудет. Они доели омлеты, и Марта сказала, что не может больше задерживаться. Перейра простился с ней, и Марта ушла, изящно выскользнув на улицу. Перейра остался один за столиком и заказал еще лимонаду. Обо всем этом ему хоте-

лось поговорить с отцом Антониу или с доктором Кардосу, но отец Антониу в такое время уже, несомненно, спал, а доктор Кардосу находился в Пареде. Он допил лимонад и расплатился. Что происходит? — спросил он у официанта, когда тот подошел. Все покрыто мраком, ответил Мануэль, покрыто мраком, доктор Перейра. Перейра положил руку на рукав официанта. Покрыто мраком, в каком смысле? — спросил он. А то вы не знаете, что творится в Испании, ответил официант. Не знаю, сказал Перейра. Вроде кто-то из крупных французских писателей выступил с заявлением о франкистских репрессиях в Испании, сказал Мануэль, в Ватикане разразился скандал. А как фамилия того французского писателя? — спросил Перейра. Гм, ответил Мануэль, теперь уже и не вспомню, да вы наверняка знаете этого писателя, его зовут Бернан, Бернадет, что-то в этом роде. Бернанос, воскликнул Перейра, его фамилия Бернанос?! Точно, ответил Мануэль, его зовут именно так. Это великий католический писатель, я знал, что он займет такую позицию, у него

железная мораль,[19] с гордостью сказал Перейра. И подумал: а что, если напечатать в «Лисабоне» пару глав из «Journal d'un cure de campagne»,[20] который еще не переводился на португальский?

Он простился с Мануэлем, оставив ему щедрые чаевые. Ему очень хотелось поговорить с отцом Антониу, но отец Антониу спал в этот час, потому что каждый день поднимался в шесть утра и шел служить заутреню в церкви Благодарения, утверждает Перейра.

---

[19] Примечания: 19

Ж. Бернанос в памфлете «Великие кладбища в лунном свете» (1938) обвинил католическую церковь и европейскую финансовую буржуазию в том, что они допустили гражданскую войну в Испании и усиление фашизма.

[20] Примечания: 20

«Дневник сельского священника» (фр.) — роман Ж. Бернаноса (1936).

19

На следующее утро Перейра встал чуть свет, утверждает он, и отправился к отцу Антониу. Он застал его в ризнице, когда тот снимал с себя облачение после службы. Воздух в ризнице был свежим и прохладным, а стены увешаны образами и обетными дарами.

Здравствуйте, отец Антониу, сказал Перейра, вот и я. Перейра, проворчал отец Антониу, давно тебя не видать, куда ты подевался? Я был в Пареде, начал оправдываться Перейра, провел неделю в Пареде. В Пареде? — воскликнул отец Антониу, и что ты там делал, в Пареде? Я был в клинике талассотерапии, ответил Перейра, принимал ванны из водорослей и лечился там разными природными средствами. Отец Антониу попросил помочь ему снять ризу и сказал: Вечно ты что-нибудь надумаешь. Я похудел на четыре килограмма, продолжал Перейра, и познакомился с врачом, который рассказал мне про одну интересную теорию о душе. Ради этого ты и пришел ко мне? — спросил отец Антониу. Отчасти да, согласился Перейра, но и о другом

хотел поговорить тоже. Тогда говори, сказал отец Антониу. Гм, начал Перейра, это теория двух французских философов, которые также и психологи, они утверждают, что у нас не одна-единственная душа, а некая конфедерация душ, которой управляет один «я-гегемон», и всякий раз, когда этот самый «я-гегемон» сменяется, мы приходим в состояние некоторой нормы, но норма эта не постоянная, а изменчивая. Послушай, что я тебе скажу, Перейра, сказал отец Антониу, я францисканец, человек простой, и сдается мне, что ты впадаешь в ересь, душа человека едина и невидима и дана нам от Бога. Да, не унимался Перейра, но если на место души, как хотят того французские философы, мы подставим слово «личность», то и ереси никакой не будет, я убежден, что в нас не одна-единственная личность, а множество личностей, которые уживаются вместе под руководством одного «я-гегемона». Мне представляется эта теория лукавой и опасной, запротестовал отец Антониу, личность зависит от души, а душа едина и невидима, а от твоих речей веет ересью, И тем не менее я ощущаю, что за последние месяцы стал другим, признался Перейра, я думаю о вещах, о которых раньше никогда бы не задумался, и совершаю поступки, которых

раньше никогда бы не совершил. Наверное, с тобой что-то случилось, сказал отец Антониу. Я познакомился с двумя людьми, сказал Перейра, с одним молодым человеком и с девушкой, и, познакомившись с ними, наверное, изменился. Бывает, сказал отец Антониу, люди влияют друг на друга, так что бывает. Не понимаю, как они могут влиять на меня, сказал Перейра, это два бедных романтика без всякого будущего, уж скорее я должен бы влиять на них, это я их поддерживаю, а парня практически содержу, только и делаю, что даю ему деньги из своего кармана, я взял его в качестве практиканта, но он не написал мне ни одной статьи, которую можно было бы напечатать, послушайте, отец Антониу, как вы думаете, может, мне стоит исповедаться? Ты совершил плотский грех? — спросил отец Антониу. Единственная плоть, которую я знаю, это та, что я ношу на себе, ответил Перейра. Тогда послушай, Перейра, сказал отец Антониу, давай не будем тратить понапрасну мое время, потому что для исповеди мне нужно сосредоточиться, а я не хочу переутомлять себя, скоро мне надо будет идти к моим болящим, давай поговорим про то, и про другое, и про твои дела вообще, но без таинства исповеди, а просто по-дружески.

Отец Антониу сел на церковную скамью, и Перейра устроился рядом. Выслушайте меня, отец Антониу, сказал Перейра, я верую в Бога, всемогущего Отца нашего, причащаюсь, соблюдаю заповеди и стараюсь не грешить, и если я не каждое воскресенье хожу в церковь, то это не от неверия, а только от лени, я считаю себя добрым католиком и принимаю всем сердцем наставления Церкви, однако сейчас я переживаю некоторое смятение и, несмотря на то что работаю журналистом, совершенно не осведомлен в том, что происходит в мире, сейчас я особенно подавлен, потому что мне кажется, что начинается серьезная полемика по поводу позиции французских писателей-католиков в отношении гражданской войны в Испании, и я хотел, чтобы вы меня немного просветили, отец Антониу, потому что вы в курсе этих дел, а я хотел бы знать, как мне правильно вести себя, чтобы не стать еретиком. На каком свете ты живешь, Перейра? — воскликнул отец Антониу. Ну, попытался оправдать себя Перейра, дело в том, что я был в Пареде, и потом, этим летом я не купил ни одной зарубежной газеты, а из португальских газет многого не вычитаешь, единственные новости, которые я узнаю, — это те, о чем болтают в кафе.

Перейра утверждает, что отец Антониу поднялся со скамьи и встал против него с таким выражением, которое он счел грозным. Послушай, Перейра, сказал он, сейчас тяжелый момент и каждый должен сделать свой выбор, я человек Церкви и должен подчиняться иерархии, но ты свободен в своем личном выборе, даже будучи католиком. Тогда объясните мне, что к чему, взмолился Перейра, потому что мне тоже хочется сделать свой выбор, но я не в курсе событий. Отец Антониу высморкался, скрестил на груди руки и сказал: Ты знаешь дело баскского священства? Нет, не знаю, признался Перейра. Все началось с баскского священства, сказал отец Антониу, после бомбежки Герники баскские священники, которые считались самыми правоверными христианами во всей Испании, взяли сторону республиканцев. Отец Антониу высморкал нос, будто бы он разнервничался, и продолжал: Весной прошлого года двое известных французских писателей, Франсуа Мориак и Жак Маритен,[21] опубликовали манифест в защиту басков. Мориак! — воскликнул Перейра, я же говорил, что надо написать на будущее некролог Мориаку,

[21] Примечания: 21

Жак Маритен (1882–1973) — французский религиозный философ, один из наиболее влиятельных представителей современного неотомизма.

он — молодчина, но Монтейру Росси так и не удосужился написать его. Кто такой Монтейру Росси? — спросил отец Антониу. Это практикант, которого я взял на работу, сказал Перейра, но он не в состоянии написать мне ни одного некролога тем писателям — католикам, которые заняли правильную политическую позицию. Но почему ты собираешься писать ему некролог? — спросил отец Антониу, бедный Мориак, оставь его доживать свой век, он нам еще пригодится, зачем ты его хоронишь? О, если вы об этом, то я не собираюсь его хоронить, сказал Перейра, надеюсь, что он протянет до ста лет, но представим себе на минутку, что не сегодня-завтра он умирает, тогда, по крайней мере в Португалии, найдется газета, которая сможет воздать ему своевременную дань, и этой газетой будет «Лисабон», но ради бога, извините меня, отец Антониу, что перебиваю, продолжайте, пожалуйста. Хорошо, сказал отец Антониу, но проблема осложнилась из-за Ватикана, который заявил, что тысячи испанских верующих были убиты республиканцами, что баскские католики являются «красными христианами» и должны быть отлучены от церкви, что и было сделано, и к этому присоединился Поль Клодель, тоже католический писатель, который

написал оду «Aux Martyrs Espagnols»[22] в качестве поэтического предисловия к одной вонючей пропагандистской брошюрке, выпущенной каким-то националистом в Париже. Клодель, сказал Перейра, Поль Клодель? Отец Антониу опять высморкал нос. Именно он, сказал отец Антониу, вот ты, как бы ты его охарактеризовал, Перейра? Так сразу и не скажешь, ответил Перейра, он тоже католик, но занял иную позицию, в общем, тоже сделал свой выбор. Что значит так сразу не скажешь, Перейра? — воскликнул отец Антониу, этот Клодель сукин сын, вот он кто, мне жалко, что приходится говорить такие слова в святом месте, лучше бы я сказал их тебе на площади. А потом? — спросил Перейра. Потом, продолжал отец Антониу, другие иерархи испанского священства во главе с кардиналом Гомой, архиепископом Толедским, приняли решение обратиться с открытым письмом к епископам всего мира, понимаешь, Перейра, как будто епископы всего мира такие же фашиствующие, как и они сами, и заявляют, что тысячи верующих христиан в Испании взялись за оружие на свой страх и риск, чтобы защищать религию. Да, ска-

---

[22] Примечания: 22
Испанским мученикам (фр.)

зал Перейра, но испанские мученики, убийство верующих. Отец Антониу замолчал на некоторое время и потом сказал: Возможно, они и мученики, но все они замышляли против республики, и потом, вот что я тебе скажу республика-то была конституционной, народ за нее проголосовал, а Франко совершил государственный переворот, он просто бандит. А Бернанос, спросил Перейра, как связан со всем этим Бернанос? Ведь он тоже католический писатель. Он единственный, кто по-настоящему знает Испанию, сказал отец Антониу, с тридцать четвертого и до прошлого года он находился в Испании, писал о франкистских зверствах, Ватикан терпеть его не может, потому что он истинный свидетель. Знаете, отец Антониу, сказал Перейра, я собираюсь напечатать одну-две главы в «Лисабоне» из его «Дневника сельского священника», как вам такая идея? Идея сама по себе замечательная, ответил отец Антониу, да сомневаюсь, позволят ли тебе печатать его, Бернаноса не очень-то жалуют в нашей стране, он не особенно любезно отозвался о батальоне Вириато, о португальском военном контингенте, отправленном в Испанию сражаться за Франко, а теперь извини меня, Перейра, я должен идти в больницу, больные ждут.

Перейра встал и откланялся. До свидания, отец Антониу, сказал он, простите, что отнял у вас столько времени, в следующий раз приду к вам на исповедь. Незачем, возразил отец Антониу, сначала изволь совершить какой-нибудь грех, тогда и приходи, не отнимай у меня времени понапрасну.

Перейра вышел и с трудом поднялся по улице Импренса Насьональ. Дойдя до церкви Святого Мамеда, он присел на скамейку на маленькой площади перед церковью. Сначала перекрестился на церковь, потом вытянул ноги, решив передохнуть в тенечке. Он бы с удовольствием выпил лимонаду, и рядом как раз было кафе. Но удержался. Решил просто посидеть в тени и снял ботинки, чтобы ноги тоже проветривались. Потом он направился медленным шагом в сторону редакции, погрузившись в воспоминания. Перейра утверждает, что размышлял о своем детстве, детство он провел в Повоа ду Варзим, с дедушкой и бабушкой, счастливое детство, ему, во всяком случае, казалось, что счастливое, но о своем детстве он говорить не будет, потому что, утверждает он, оно не имеет никакого отношения ни к самой этой истории, ни к тому августовскому дню на исходе лета, когда он чувствовал себя

в полном смятении.

На лестнице он застал консьержку, которая приветливо поздоровалась с ним и сказала: Сегодня никакой почты для вас и звонков тоже. Что значит никаких звонков? — изумился Перейра, вы что входили в редакцию? Нет, сказала Селеста с торжествующим видом, но сегодня утром приходили служащие с телефонной станции в сопровождении комиссара и перевели ваш Телефон на номер телефона консьержки, они говорили, что, когда в редакции никого нет, кому-то надо отвечать на звонки, а я, сказали они, человек надежный. Даже сверхнадежный для этой публики, хотел ответить Перейра, но ничего не сказал. Спросил только: А если мне самому нужно будет позвонить? Будете звонить через диспетчера, ответила Селеста, явно довольная собой, и вашим диспетчером теперь буду я, мне вы будете называть номера, с кем хотите поговорить, можно подумать, что мне это очень надо, доктор Перейра, я работаю целое утро и должна еще приготовить обед на четверых, потому что на мне четыре рта, ну ладно дети, им все сойдет, а муж у меня очень разборчив в еде, приходит из квестуры в два часа дня голодный как волк, а при этом очень разборчив. Это чувствуется по запахам,

которые стоят у нас на лестнице, ответил Перейра и не проронил больше ни слова. Он вошел в свою редакцию, снял трубку с рычага и вынул из кармана листок, который накануне вечером вручила ему Марта. Это была статья, написанная от руки синими чернилами с надписью вверху «Памятные даты». В ней говорилось: «Восемь лет тому назад, в 1930 году умер в Москве великий поэт Владимир Маяковский. Он застрелился из пистолета из-за несчастной любви. Он был сыном егеря. Еще в ранней молодости вступил в большевистскую партию, трижды подвергался аресту, и его пытала царская полиция. Он широко пропагандировал революционную Россию и принадлежал к движению русских футуристов, которые в политическом отношении отличаются от итальянских футуристов, так, например, он совершил турне по своей стране на поезде, читая по деревням свои революционные стихи. Народ встречал их с энтузиазмом. Он был художником-графиком, поэтом, писал для театра. Его произведения не переведены на португальский язык, по их можно купить на французском языке в книжном магазине на Руа ду Оуру в Лисабоне. Он был другом великого кинорежиссера Эйзенштейна, вместе с которым работал над рядом

фильмов. Он оставил нам свое необъятное литературное наследие — прозу, стихи, пьесы. Мы отдаем сегодня дань памяти Маяковскому, великому демократу и ярому противнику царизма».

Перейра почувствовал, при том что было не так уж жарко, как на шее у него выступает испарина. У него было сильное желание выбросить эту статью в корзину, абсолютно дурацкую статью. Но вместо этого он открыл папку с надписью «Некрологи» и вложил ее туда. Потом надел пиджак и решил, что пора идти домой, утверждает он.

20

В ту субботу в «Лисабоне» вышел перевод «Последнего урока» Альфонса Доде. Цензура спокойно пропустила эту вещь, и Перейра подумал, утверждает Перейра, что, выходит, можно было написать «Да здравствует Франция!», а доктор Кардосу был не прав. В этот раз Перейра тоже не подписал свой перевод. Он утверждает, что сделал так, потому что ему казалось нехорошо, чтобы подпись редактора отдела культуры стояла под текстом очередного рассказа, читатели бы сразу догадались, что страницу культуры, по существу, делает он один, а это его угнетало. Это был вопрос чести, утверждает он.

Перейра прочел рассказ и остался вполне доволен, было десять часов утра, воскресенье, а он был уже в редакции, потому что встал очень рано, он начал переводить первую главу «Дневника сельского священника» Бернаноса и работал с увлечением. В этот момент зазвонил телефон. Перейра взял за правило выключать его, потому что с тех пор, как телефон перевели на консьержку, ему было противно, что она соединяет его, но

в то утро он забыл его выключить. Алло, доктор Перейра, раздался голос Селесты, вас просят к телефону, звонят из клиники талассоперии из Пареде. Талассотерапии, поправил ее Перейра. Да, что-то в этом роде, ответил голос Селесты, будете говорить или сказать, что вас нет? Соедините меня, сказал Перейра. Послышался щелчок коммутатора, потом чей-то голос сказал: Алло, это говорит доктор Кардосу, попросите, пожалуйста, доктора Перейру. Я слушаю, ответил Перейра, здравствуйте доктор Кардосу, рад вас слышать. Я тоже рад вас слышать, сказал доктор Кардосу, как вы себя чувствуете, доктор Перейра, соблюдаете мою диету? Стараюсь, ответил Перейра, стараюсь, хотя это и не просто. Послушайте, доктор Перейра, сказал доктор Кардосу, я еду сейчас в Лисабон, вчера я прочел рассказ Доде, он действительно замечательный, хотел бы обсудить его с вами, не пообедать ли нам сегодня вместе? Вы знаете кафе «Орхидея»? — спросил Перейра, это на улице Алешандре Эркулану, сразу за еврейской мясной лавкой. Знаю, знаю, сказал доктор Кардосу, в котором часу, доктор Перейра? В тринадцать, ответил Перейра, если вас это устраивает. Отлично, сказал доктор Кардосу в тринадцать часов, до скорого. Перейра не сомневался, что Селеста

слышала весь разговор, но это не имело большого значения, он ведь не сказал ничего такого, из-за чего бы надо бояться. Он продолжал работу над переводом первой главы романа Бернаноса, но на этот раз выключил телефон, утверждает он. Он работал до без четверти час, утверждает он, потом надел пиджак, сунул галстук в карман и вышел из редакции.

Когда он пришел в кафе, доктора Кардосу еще не было. Перейра попросил накрыть столик около вентилятора и сел за этот стол. В качестве аперитива он заказал лимонад, потому что очень хотелось пить, но без сахара. Когда официант принес лимонад, он спросил: Какие новости, Мануэль? Самые противоречивые, ответил официант, похоже, что в Испании установилось некоторое равновесие, националисты захватили Север, но республиканцы одерживают победы в центре, вроде бы Пятнадцатая интернациональная бригада отличилась в боях под Сарагосой, центр в руках республиканцев, а итальянцы, которые на стороне Франко, наоборот, оказались не на высоте. Перейра улыбнулся и спросил: А вы за кого, Мануэль? Когда за тех, когда за других, ответил Мануэль, потому что силы есть и у тех, и у других, но эта история с нашими ребятами из

«Вириато», которые отправились воевать против республиканцев, мне не нравится, в сущности, у нас тоже республика, мы скинули короля в тысяча девятьсот десятом, так что не вижу причин, почему надо бороться против республики. Справедливо, согласился Перейра.

В этот момент вошел доктор Кардосу. Перейра привык видеть его в белом халате, и теперь, в обычном костюме, тот показался ему гораздо моложе, утверждает он. На докторе Кардосу были рубашка в полоску и светлый пиджак, похоже, в нем он слегка запарился. Доктор Кардосу улыбнулся ему, и Перейра тоже улыбнулся в ответ. Они пожали друг другу руки, и доктор Кардосу сел за столик. Великолепно, доктор Перейра, сказал доктор Кардосу, великолепно, рассказ действительно замечательный, никогда бы не подумал, что у Доде такая мощь, приехал поздравить вас, только жаль, что вы не подписали свой перевод, мне хотелось видеть ваше имя в скобочках под рассказом. Перейра терпеливо объяснил ему, что он поступил так из скромности, вернее, из гордости, потому что не хотел, чтобы читатели догадались, что эту страницу целиком и полностью делает он, будучи ее же редактором, он хотел, чтобы создавалось впечатление, будто у

него есть и другие сотрудники, словом, чтобы газета выглядела как положено, короче: он поступил так ради «Лисабона».

Они заказали два рыбных салата. Перейра предпочел бы взять омлет с зеленью, но не осмелился спросить омлет в присутствии доктора Кардосу. Вероятно, ваш новый «я-гегемон» набирает очки, заметил, между прочим, доктор Кардосу В каком смысле? — спросил Перейра. В том смысле, что вы сумели-таки написать «Да здравствует Франция!», сказал доктор Кардосу, хотя и не от своего имени. Да, я получил удовлетворение, согласился Перейра и, изображая из себя хорошо информированного человека, добавил: А знаете, Пятнадцатая интернациональная бригада одерживает верх в центре Испании, похоже, она героически сражалась за Сарагосу. Не обольщайтесь особенно, доктор Перейра, заметил доктор Кардосу, Муссолини направил на подмог) Франко подводные лодки, причем немало, а немцы поддерживают его с воздуха, так что республиканцам не справиться с ними. Зато их поддерживает Советский Союз, возразил Перейра, интернациональные бригады, народы всех стран, которые устремились в Испанию на помощь республиканцам. Я бы не стал особенно обольщаться,

повторил доктор Кардосу, хочу вам сказать, что я договорился с клиникой в Сан-Мало и через две недели уезжаю туда. Не оставляйте меня, Доктор Кардосу, хотелось сказать Перейре, прошу вас, не оставляйте меня. Но вместо этого он сказал: Не оставляйте нас, доктор Кардосу, не оставляйте наш народ, стране нужны такие люди, как вы. К сожалению, правда такова, что эта страна не нуждается в них, ответил доктор Кардосу, или, по крайней мере, я не нуждаюсь в ней, поэтому я думаю, что лучше мне уехать во Францию до катастрофы. Катастрофы? — спросил Перейра, до какой катастрофы? Не знаю, ответил доктор Кардосу, я жду катастрофы, общей катастрофы, но не хочу запугивать вас, доктор Перейра, вероятно, вы вырабатываете вашего нового «я-гегемона», и ему нужен покой, а я, пожалуй, уже пойду, да, кстати, как поживают ваши ребята? Те ребята, с которыми вы познакомились и которые работают на вашу газету. Со мной работает только один, ответил Перейра, но он не написал мне еще ни одной проходной статьи, представляете, одну из них он посвятил памяти Маяковского, революционера-большевика, сам не понимаю, почему продолжаю платить ему за совершенно непубликабельные статьи, наверное, потому, что

он в беде, в этом-то я не сомневаюсь, и девушка его тоже в беде, и получается, что я — их единственная опора. Вы им помогаете, сказал доктор Кардосу, это я заметил, но меньше, чем могли бы на самом деле, быть может, если одержит верх ваш новый «я-гегемон», тогда вы сделаете для них больше, доктор Перейра, простите за прямоту. Но вы поймите, доктор Кардосу, сказал Перейра, я взял этого мальчика, чтобы он писал заблаговременные некрологи и заметки к памятным датам, но он приносил мне до сих пор бредовые революционные статьи, как будто не понимает, в какой стране мы живем, я все время платил ему из своего кармана, потому что не хотел вводить в лишние расходы газету и впутывать в это дело главного редактора, я спрятал его кузена, бедняга, судя по всему, воюет в Испании, в интернациональных бригадах, я и теперь продолжаю посылать ему деньги, а он разъезжает по Алентежу что я еще могу сделать, спрашивается? Вы могли бы поехать туда и разыскать его, сказал как нечто само собой разумеющееся доктор Кардосу. Поехать за ним! — воскликнул Перейра, искать его по всему Алентежу, когда он переезжает, скрываясь, с места на место, где я, по-вашему, буду искать его, если даже не знаю,

где он обретается? Его девушка наверняка знает, сказал доктор Кардосу, уверен, что его девушка знает адрес, только не говорит, потому что не до конца доверяет вам, доктор Перейра, однако вы могли бы завоевать ее доверие, если бы перестали осторожничать, у вас очень сильное суперэго, доктор Перейра, и это суперэго ведет борьбу с вашим новым «я-гегемоном», из-за этой битвы, которая происходит в вашей душе, вы оказались в конфликте с самим собой, вам необходимо расстаться со своим суперэго, отпустить его на все четыре стороны за ненадобностью. Но что же тогда останется от меня? — спросил Перейра. Я такой, какой есть, со своими воспоминаниями, со своей прожитой жизнью, с памятью о Коимбре и о моей жене, с прошлым репортера из отдела происшествий большой столичной газеты, что же останется тогда мне? Работа скорби,[23] сказал доктор Кардосу, это фрейдистское понятие, вы уж извините, но я эклектик, беру от всех понемногу, необходимо проработать скорбь, нужно распрощаться с вашей прошлой жизнью и начать жить настоящим, человек не может жить так, как живете вы, думая только о прошлом. Но как же

[23] Примечания: 23

Понятие «работа скорби» (нем. Tnuerarbeit) введено З. Фрейдом и статье «Скорбь и меланхолия».

быть с моими воспоминаниями, спросил Перейра, со всем тем, что я прожил? Это все останется при вас, ответил доктор Кардосу, но только как воспоминание и не будет больше так беззастенчиво заполонять ваше настоящее, вы живете, проецируя себя в прошлое, как будто вы все еще в Коимбре тридцать лет назад, как будто ваша жена все еще жива, если так будет продолжаться, вы превратитесь в фетишиста воспоминаний, станете, чего доброго, разговаривать с фотографией жены. Перейра вытер рот салфеткой, понизил голос и сказал: Я уже разговариваю, доктор Кардосу. Доктор Кардосу рассмеялся. Я видел портрет вашей жены у вас в палате в больнице, сказал он, и еще подумал: этот человек мысленно разговаривает с портретом жены, он еще не проработал свою скорбь, именно так я и подумал тогда, доктор Перейра. На самом деле я разговариваю не мысленно, добавил Перейра, а в полный голос, рассказываю ему обо всем, а портрет будто бы отвечает мне. Это фантазии, навязанные вам вашим суперэго, сказал доктор Кардосу, вы должны говорить обо всем этом с кем-нибудь другим. Но мне не с кем разговаривать, признался Перейра, я один, у меня есть друг, который преподаст в университете в Коимбре, я поехал повидаться с ним

на водах в Бусаку и уехал оттуда на следующий же день, потому что больше не мог его выносить, все университетские профессора сейчас подлаживаются под политическую конъюнктуру, и он в этом смысле не исключение, потом, есть еще консьержка в редакции, Селеста, но она — осведомительница, а теперь еще и сидит на коммутаторе, остается, конечно, еще Монтейру Росси, но он скрывается от властей. Это с ним вы познакомились, с Монтейру Росси? — спросил доктор Кардосу. Да, это мой практикант, ответил Перейра, тот паренек, что пишет для меня статьи, которые нельзя публиковать. Вы все-таки найдите его, повторил доктор Кардосу, как я вам уже говорил, разыщите его, доктор Перейра, он молод, за ним будущее, вам необходимо общение с молодым человеком, что с того, что он пишет статьи, которые нельзя опубликовать в вашей газете, перестаньте общаться с прошлым, вам необходимо общаться с будущим. Как хорошо сказано, сказал Перейра, «общаться с будущим», мне бы никогда не пришло в голову так выразиться. Перейра заказал еще один лимонад без сахара и продолжал: И потом, это могли бы быть вы, доктор Кардосу, мне нравится говорить с вами, и я с удовольствием говорил бы с вами и

впредь, но вы нас покидаете, вы оставляете меня, оставляете в полном одиночестве, и у меня нет никого, кроме портрета моей жены, как вы могли догадаться. Доктор Кардосу допил кофе, который принес ему Мануэль. Я могу разговаривать с вами в Сан-Мало, если вы приедете навестить меня, сказал доктор Кардосу, никто не сказал, что эта страна создана для вас, и потом, здесь слишком много воспоминаний, постарайтесь выбросить ваше суперэго на свалку и дайте дорогу вашему новому «я-гегемону», может, нам удастся еще встретиться при Других обстоятельствах, и вы будете уже другим человеком.

Доктор Кардосу настоял на том, что за обед заплатит он, и Перейра охотно позволил ему это сделать, утверждает он, потому что после того, как он отдал накануне вечером те две банкноты Марте, его кошелек изрядно отощал. Доктор Кардосу встал и попрощался с ним. До скорой встречи, доктор Перейра, сказал он, надеюсь, что еще увижу вас во Франции или в какой другой стране, мир велик, и прошу вас, дайте простор вашему новому «я-гегемону», он должен родиться, должен утвердить себя.

Перейра встал и тоже простился с ним. Он смотрел, как тот удаляется, и испытывал такую

щемящую тоску, будто это расставание было непоправимым. Он думал о неделе, проведенной в клинике талассотерапии в Паредe, о своих беседах с доктором Кардосу, о своем одиночестве. И когда доктор Кардосу вышел из дверей и скрылся в перспективе улицы, он почувствовал, что остался один, совсем один, и подумал, что когда ты совсем один, то наступает момент соизмерить себя с собственным «я-гегемоном», который стремится управлять когортой душ. Но если он и подумал так, мысли эти не приносили ему успокоения, наоборот, он ощущал страшную тоску, а почему, и сам не знает, но то была ностальгия и по прожитой жизни, и по будущей, утверждает Перейра.

21

На следующий день утром Перейра был разбужен телефонным звонком, утверждает он. Он еще спал и видел сон, сон, который, казалось, снился ему всю ночь, такой бесконечный счастливый сон, но он считает, что рассказывать его не стоит, потому что сон этот не имеет никакого отношения к данной истории.

Перейра мгновенно узнал голос сеньорины Филипы, секретарши главного редактора. Здравствуйте, доктор Перейра, нежно проворковала Филипа, соединяю вас с господином главным редактором. Перейра окончательно проснулся и сел, свесив ноги с кровати. Здравствуйте, доктор Перейра, сказал главный редактор, это ваш главный редактор. Здравствуйте, господин главный редактор, ответил Перейра, как отдохнули? Отлично, сказал главный редактор, отлично, курорт в Бусаку действительно замечательное место, но разве я вам не говорил, ведь мы, если не ошибаюсь, уже разговаривали после. Ах да, конечно, сказал Перейра, мы с вами говорили по телефону, когда вышел рассказ Бальзака, извините, я не со-

всем проснулся и еще плохо соображаю. Бывает, временами люди действительно плохо соображают, сказал с некоторой жесткостью главный редактор, кажется, и с вами такое тоже бывает, доктор Перейра. Действительно, ответил Перейра, со мной это происходит главным образом по утрам, из-за перепадов давления. Его можно стабилизировать, взяв немного соли, посоветовал главный, немного соли под язык и никаких вам перепадов, но звоню я не для того, чтобы обсуждать ваше давление, доктор Перейра, дело в том, что вы никогда не показываетесь в главной редакции, вот в чем проблема, вы заперлись в своей каморке на Родригу да Фонсека и никогда не зайдете переговорить со мной, не поделитесь своими планами, вы все делаете самостоятельно. Это верно, господин главный редактор, сказал Перейра, извините, но вы сами предоставили мне полную свободу, вы сказали, что за страницу культуры отвечаю я, в общем, велели мне действовать самостоятельно. Самостоятельно, да, продолжал главный, но вам не кажется, что время от времени следовало бы связываться со мной. Это было бы полезно и для меня, сказал Перейра, потому что на самом деле я один и мне тяжело одному делать культуру, а вы сказали,

что культурой заниматься не хотите. А что ваш практикант? — спросил главный редактор, вы же говорили, что будто бы взяли практиканта? Да, ответил Перейра, но его статьи еще очень сырые, и потом, никто из стоящих писателей пока что не умер, а сам он молод и попросился в отпуск, наверное, поехал куда-нибудь на море, уже месяц как я не вижу его. Так увольте его, доктор Перейра, сказал главный редактор, что еще делать с практикантом, который не умеет писать и хочет отдыхать? Давайте дадим ему шанс, отозвался Перейра, собственно, ему еще только предстоит научиться ремеслу, у мальчика нет пока никакого опыта, пусть какое-то время еще побудет в учениках. В этот момент разговора включился нежный голос сеньорины Филипы. Прошу прощения, господин главный редактор, сказала она, вам звонят из правительства, по-моему, что-то срочное. Хорошо, доктор Перейра, сказал главный редактор, я перезвоню вам минут через двадцать, а вы пока просыпайтесь, приходите в себя и возьмите немного соли под язык. Если хотите, могу и я перезвонить вам. Нет, сказал главный редактор, мне надо поговорить с вами в спокойной обстановке, когда закончу, позвоню вам сам, до свидания.

Перейра встал и пошел принять быструю ванну. Он сварил себе кофе и съел соленый крекер. Потом оделся и вышел в прихожую. Звонил главный редактор, сказал он жене на портрете, такое чувство, будто он подбирается к добыче, а ухватить не может, не понимаю, что от меня хочет, но вцепится обязательно, а ты как считаешь? Жена на портрете улыбалась ему своей далекой улыбкой, и Перейра понял ее: ну да ладно, послушаем, чего от меня хочет наш главный, мне не в чем себя упрекнуть, по крайней мере по части газеты, единственное, что я там делаю, — перевожу французские новеллы девятнадцатого века.

Он сел за стол в гостиной и решил, что напишет статью памяти Рильке. Но если говорить начистоту, то в глубине души ему совершенно не хотелось писать о Рильке, этот элегантный сноб, который вращался в высшем обществе, ну его к черту, подумал Перейра. Он попробовал перевести несколько предложений из романа Бернаноса, но это оказалось труднее, чем он предполагал, во всяком случае поначалу, он только приступил к первой главе и еще не успел войти в ритм повествования. В этот момент и зазвонил телефон. Здравствуйте еще раз, доктор Перейра, послышался ласковый голос сеньорины Филипы,

соединяю вас с господином главным редактором. Перейра ждал несколько секунд, и потом низкий и прерывающийся голос главного сказал: Итак, доктор Перейра, на чем мы остановились? Вы говорили, что я заперся в своей редакции на улице Родригу да Фонсека, господин главный редактор, сказал Перейра, но это помещение, в котором я работаю, где я делаю культуру, я просто не представляю, что мне делать у вас в газете, никого из журналистов я не знаю, я работал репортером много лет назад и в другой газете, но вы же не захотели доверить мне хронику, а поручили культуру, и с политическими обозревателями у меня нет никаких контактов, не понимаю, что я буду делать, если стану приходить в главную редакцию. Это все, что у вас наболело, доктор Перейра? — спросил главный редактор. Извините, господин главный редактор, сказал Перейра, я не имел в виду изливать вам душу, а хотел только высказать свои доводы. Ну хорошо, сказал главный редактор, тогда задам вам один простой вопрос: почему у вас никогда не возникает потребности прийти и потолковать со своим главным редактором? Потому что вы сами сказали, что культура — это не ваше дело, господин главный редактор, ответил Перейра.

Послушайте, доктор Перейра, сказал главный редактор, не пойму, то ли вы туговаты на ухо, то ли не желаете понимать, но дело в том, что я вызываю вас к себе, понимаете? Это вы должны время от времени добиваться встречи со мной, но в данный момент, поскольку вы туго соображаете, я вынужден просить вас о встрече со мной. Я в вашем распоряжении, сказал Перейра, полностью в вашем распоряжении. Ну хорошо, заключил главный редактор, тогда приходите в газету в семнадцать часов, а пока до свидания и всех вам благ. Перейра заметил, что вспотел. Он переодел рубашку, которая промокла под мышками, и думал пойти к себе в редакцию и посидеть там до пяти. Но, сказав себе, что в редакции делать ему совершенно нечего, да еще придется встречаться с Селестой и отключать телефон, он решил, что останется дома. Он вернулся за стол в гостиной и стал переводить Бернаноса. Роман, конечно, был сложным, и к тому же действие развивалось медленно, как знать, что скажут читатели «Лисабона», прочитав первую главу. Но, невзирая на это, он все-таки перевел пару страниц. Когда подошло время обеда, он решил, что приготовит что-нибудь сам, но в кухонном шкафу не оказалось никаких припасов. Тогда

он подумал, что можно было бы перекусить в кафе «Орхидея», даже попозже, а уже оттуда идти прямо в главную редакцию. Он надел светлый костюм с черным галстуком и вышел из дома. Сел в трамвай, доехал до Террейру ду Пасу и там пересел на Другой, до улицы Алешандре Эркулану. Когда он вошел в кафе «Орхидея», было около трех, и официант уже убирал столы. Заходите, доктор Перейра, радушно сказал Мануэль, для вас всегда найдется что-нибудь на кухне, небось еще не обедали, тяжелая у журналистов жизнь. О да, ответил Перейра, особенно у таких журналистов, как в этой стране, когда никто не знает, что происходит вокруг; так что слышно, Мануэль? Вроде бы английские корабли были обстреляны у берегов Барселоны, а за французским пассажирским судном гнались до самых Дарданелл все итальянцы, их подводные лодки, по этой части они сильны, что и говорить, их специализация. Перейра заказал лимонад без сахара и омлет с зеленью. Он сел рядом с вентилятором, но вентилятор в тот день не работал. Мы выключили его, сказал Мануэль, лето кончилось, слыхали, какая буря была сегодня ночью? Нет, не слышал, ответил Перейра, спал мертвым сном, и по мне, все еще жарко. Мануэль включил ему

вентилятор и принес лимонад. А немного вина, доктор Перейра, когда вы доставите мне такое удовольствие, принести вам бокал вина? Мне вредно вино из-за сердца, ответил Перейра, у тебя есть утренняя газета? Мануэль принес ему газету. В шапке стояло: «Скульптуры из песка на пляже в Каркавелоше. Министр Национального секретариата пропаганды открывает выставку юных скульпторов». В середине страницы была огромная фотография, на которой были изображены произведения юных скульпторов пляжа: сирены, лодки, корабли и киты. Перейра перевернул страницу. На развороте он прочел: «Доблестное сопротивление португальского контингента в Испании». Во врезке говорилось: «Наши солдаты отличились еще в одном сражении, с моря их поддержали итальянские подводные лодки». У Перейры не было никакого желания читать статью, и он бросил газету на стул. Он доел омлет и заказал еще один лимонад без сахара. Потом расплатился, встал, надел пиджак, который он до этого снял, и пошел пешком по направлению к центральной редакции «Лисабона». Когда он подошел к зданию, было без четверти пять. Перейра зашел в соседнее кафе и взял рюмку acquavite. Он не сомневался, что это плохо подействует на

сердце, по подумал: ну и ладно. Потом поднялся по парадной лестнице старинного дворца, в котором размещалась редакция «Лисабона», и поздоровался с Филиной. Пойду доложу о вас, сказала Филипа. Необязательно, ответил Перейра, сам доложусь, сейчас ровно пять часов, и господин главный редактор назначил мне на пять. Он постучал в дверь и услышал голос главного редактора, который сказал «войдите». Перейра застегнул пиджак и вошел. Главный редактор загорел, очень хорошо загорел, очевидно специально сидел на солнце в курортном парке. Вот и я, господин главный редактор, сказал Перейра, я в вашем распоряжении, можете высказать мне все, что хотели. Все — это еще мало, Перейра, сказал главный редактор, мы не виделись больше месяца. Мы виделись на водах, сказал Перейра, и мне показалось, что вы всем довольны. Отдых есть отдых, оборвал его главный редактор, не будем говорить про отдых. Перейра сел на стул перед его письменным столом. Главный редактор взял карандаш и стал крутить его на столешнице. Доктор Перейра, сказал он, давайте перейдем на ты, если не возражаете. Как вам будет угодно, ответил Перейра. Слушай, Перейра, сказал главный редактор, хотя мы знакомы не так давно, с

момента основания газеты, я знаю, что ты хороший журналист, почти тридцать лет отработал репортером, знаешь жизнь и, надеюсь, поймешь меня правильно. Попытаюсь, ответил Перейра. Ну так вот, сказал главный редактор, последнего я от тебя не ожидал. Чего именно последнего? — спросил Перейра. Панегирика в адрес Франции, сказал главный редактор, он вызвал большое неудовольствие в кругах, с которыми мы считаемся. Какой панегирик? — спросил Перейра с изумленным видом. Перейра, воскликнул главный редактор, ты напечатал рассказ Альфонса Доде, в котором говорится о войне с немцами и который заканчивается фразой «Да здравствует Франция!». Это рассказ девятнадцатого века, ответил Перейра. Рассказ девятнадцатого века, да, продолжал главный редактор, но все равно там говорится о войне с Германией, а ты не можешь не знать, Перейра, что Германия является нашей союзницей. Наше правительство не заключало никаких союзов, возразил Перейра, по крайней мере официально. Оставь, Перейра, сказал главный редактор, сам подумай, если не существует союзов, то существуют симпатии, большие симпатии, мы все воспринимаем так же, как Германия, и во внутренней политике, и во внешней, мы

поддерживаем испанских националистов, так же как и Германия. Но со стороны цензуры не было никаких возражений, попытался оправдать себя Перейра, они спокойно пропустили рассказ. В цензуре сидят лопухи, сказал главный редактор, невежды, главный цензор — человек, конечно, умный, мой друг, но он не в состоянии самолично просматривать гранки всех португальских газет, а остальные всего лишь чиновники, жалкие полицейские, которым платят за то, чтобы они не пропускали крамольных слов вроде социализм и коммунизм, они и не могли понять рассказа Доде, который кончается словами «Да здравствует Франция!», мы сами должны быть бдительными, сами должны быть осторожными, мы, журналисты, с нашим историческим и культурным опытом, сами должны следить за собой. За мной и без того следят, утверждает, что сказал на это Перейра, кто-то действительно следит за мной. Объясни мне, Перейра, сказал главный редактор, что ты хочешь этим сказать? Я хочу сказать, что у меня в редакции установили коммутатор, сказал Перейра, и теперь я не могу никому позвонить напрямую, все звонки идут через Селесту, консьержку этого дома. Но так делается во всех редакциях, возразил главный,

если тебя нет на месте, кто-то должен снимать трубку и отвечать вместо тебя. Да, сказал Перейра, но Селеста — осведомительница и работает на полицию, я в этом уверен. Оставь, Перейра, сказал главный редактор, полиция нас охраняет, бережет наш сон, ты должен быть благодарен ей. Я никому не должен быть благодарен, господин главный редактор, ответил Перейра, я благодарен только собственному профессионализму и памяти о моей жене. Мы все должны быть благодарны добрым воспоминаниям, снисходительно согласился главный редактор, но ты, Перейра, когда выпускаешь страницу культуры, должен сначала показывать ее мне, это мое требование, Но я вас заранее поставил в известность, что речь идет о патриотическом рассказе, настаивал Перейра, и вы поддержали меня, заверив, что патриотизм — это как раз то, что нужно в данный момент. Главный редактор закурил сигарету и почесал в голове. Про португальский патриотизм, сказал он, не знаю, улавливаешь ли ты, Перейра, что нужен португальский патриотизм, а ты только и делаешь, что печатаешь французские рассказы, но мы не симпатизируем французам, понимаешь? Нашим читателям нужна добротная страница португальской культуры, в Португалии

у тебя на выбор десятки писателей, в следующий раз подбери какой-нибудь рассказ Эсу ду Кейроша,[24] он-то хорошо знал Португалию, или Камилу Каштелу Бранку,[25] он много писал о любви и прожил бурную жизнь, в которой было место и любовным приключениям, и тюремным мытарствам, «Лисабон» не приветствует низкопоклонников, и ты должен искать собственные корни, вернуться на свою землю, как сказал бы Боррапоташ. Я не знаю, кто это, ответил Перейра. Один литературный критик-националист, пояснил главный редактор, работает в газете, которая конкурирует с нами, он утверждает, что португальские писатели должны вернуться на свою землю. Я никогда не покидал своей земли, сказал Перейра, я вбит в эту землю как клин. Согласен, сказал главный редактор, но ты обязан консультироваться со мной, прежде чем захочешь что-либо предпринять, не знаю, понял ли

---

[24] Примечания: 24

Ж. М. Эсу ду Кейрош (1843–1900) — португальский писатель, автор социально-обличительных романов «Преступление падре Амару», «Кузен Базилиу», «Знатный род Рамиреш» и других, испытал воздействие французской литературы, в частности Флобера.

[25] Примечания: 25

К. Каштелу Бранку (1825–1890) — плодовитый португальский романист и драматург, автор романов «Анафема», «Спасительная любовь», «Губительная любовь» и других и рассказов о сельской жизни — «Рассказы о провинции Миньо».

ты, о чем я говорю. Понял абсолютно все, сказал Перейра и расстегнул верхнюю пуговицу пиджака. Хорошо, заключил главный редактор, думаю, на этом наша беседа закончена, хотелось бы надеяться, что мы будем в контакте. Разумеется, сказал Перейра, и откланялся.

Когда он вышел, поднявшийся вдруг ветер сильно гнул верхушки деревьев. Перейра шел пешком, но потом остановился посмотреть, не подвернется ли такси. Он даже подумал было, не пойти ли ему поужинать в кафе «Орхидея», но изменил свое мнение и пришел к заключению, что лучше ехать домой и выпить кофе с молоком. Такси, как назло, не было, и ему пришлось прождать битых полчаса, утверждает он.

22

На следующий день Перейра остался дома, утверждает Перейра. Он встал поздно, позавтракал и отложил подальше роман Бернаноса, все равно в «Лисабоне» печатать его было нельзя. Он порылся по книжным полкам и наткнулся на полное собрание сочинений Камилу Каштелу Бранку. Выбрав рассказ наугад, он стал читать первую страницу. Гнетущее впечатление, там не было и близко той легкости и иронии, что у французов, это была мрачная и унылая история, сплошные неразрешимые вопросы и трагедии. Она быстро утомила Перейру. Ему хотелось поговорить с портретом жены, но он отложил разговор на потом. Тогда он сделал себе омлет без всяких приправ, съел его дочиста и пошел прилечь, мгновенно заснул и видел хороший сон. Потом он встал и сел у окна в кресло. Из его окон видны были пальмы в казарме напротив, и время от времени доносились звуки горна. Перейра не мог понять, что означали эти звуки, потому что в армии он не служил и для него они были бессмысленными сообщениями. Он стал

пристально рассматривать пальмовые ветви и подумал о своем детстве. Так он провел большую часть послеобеденного времени, думая о своем детстве, но это вещи, говорить о которых ему не хочется, потому что к данной истории они не имеют никакого отношения, утверждает он. Примерно около четырех он услышал звонок в квартиру. Перейра очнулся от дремоты, но не двинулся с места. Ему показалось странным, что кто-то звонит, он подумал, что, должно быть, это Пьедаде вернулась из Сетубала, сестру, наверное, прооперировали раньше срока. Звонок зазвонил снова, звонили настойчиво, дважды, две длинные протяжные трели. Перейра поднялся и нажал на рычажок, который открывал входную дверь внизу. Выйдя на площадку, он услышал, как медленно и плавно затворяется входная дверь и торопливые шаги по лестнице. Когда вошедший появился на площадке этажом ниже, Перейра не мог рассмотреть, кто это, потому что на лестнице было темно, а он стал хуже видеть.

Доброго здоровья, доктор Перейра, произнес голос, который Перейра узнал, это я, можно войти? Это был Монтейру Росси, Перейра пропустил его вперед и быстро закрыл за ним дверь. Монтейру Росси остановился в прихожей, в руках у

него была небольшая сумка, а на нем рубашка с короткими рукавами. Простите меня, доктор Перейра, сказал Монтейру Росси, потом я все объясню, в доме кто-нибудь есть? Консьержка в Сетубале, сказал Перейра, соседи этажом выше съехали, и квартира пока никому не сдана, а сами они переехали в Опорту. Как вы думаете, меня кто-нибудь видел? — спросил Монтейру Росси, все еще тяжело дыша. Не думаю, сказал Перейра, но почему вы здесь, откуда вы? Потом все объясню, доктор Перейра, сказал Монтейру Росси, но сначала мне надо принять душ и переменить рубашку, я падаю с ног. Перейра проводил его в ванную и дал чистую рубашку, свою рубашку цвета хаки. Она будет вам великовата, но ничего не поделаешь. Пока Монтейру Росси мылся, Перейра вышел в прихожую к портрету жены. Ему хотелось обо всем рассказать ей, утверждает он, например, о том, как на него вдруг свалился Монтейру Росси, и еще о многом другом. Но он не сказал ни слова, отложив разговор на потом, и вернулся в гостиную. Вышел Монтейру Росси после душа, потонув в широченной рубашке Перейры. Спасибо, доктор Перейра, сказал он, совсем валюсь с ног, столько надо бы вам рассказать, но я правда совсем без сил, мне бы поспать

часок-другой. Перейра проводил его в спальню и постелил пикейное покрывало поверх простыней. Ложитесь сюда и снимайте ботинки, нельзя спать в ботинках, потому что тело не отдыхает, и не волнуйтесь, я вас потом разбужу. Монтейру Росси лег на кровать, а Перейра прикрыл дверь и вернулся в гостиную. Он отложил в сторону рассказы Камилу Каштелу Бранки, и снова взялся за Бернаноса, решив перевести первую главу до конца. Раз нельзя напечатать в «Лисабоне», то ничего не поделаешь, подумал он, зато, может быть, удастся опубликовать отдельным изданием, и тогда у португальцев будет, по крайней мере, хорошая книга для чтения, серьезная, поучительная книга, где говорится о главном в жизни, и моральная польза от такой книги будет велика, подумал он.

В восемь часов Монтейру Росси еще спал. Перейра вышел на кухню, взбил четыре яйца, добавил туда ложку дижонской горчицы, щепотку оригана и майоран. Он хотел приготовить настоящий омлет с травами, потому что Монтейру Росси, наверное, проснется голодный как волк, подумал он. Он накрыл на двоих в гостиной, достал белую скатерть, поставил тарелки из сервиза Caldas da Rainha, который ему подарил

Сильва на свадьбу, и два подсвечника, вставив в каждый по свече. Потом пошел будить Монтейру Росси, но в спальню входил тихонько, потому что на самом деле ему было жалко будить его. Мальчик перевернулся во сне и лежал на боку, свесив руку с кровати. Перейра позвал его, но Монтейру Росси не просыпался. Тогда Перейра стал трясти его за руку, приговаривая: Монтейру Росси, пора ужинать, а то, если будете спать и дальше, ночью не уснете, так что давайте-ка просыпайтесь и поешьте. Монтейру Росси вскочил с кровати с перепуганным видом. Не волнуйтесь, сказал Перейра, это я, доктор Перейра, здесь вы в безопасности. Они пошли в гостиную, и Перейра зажег свечи. Пока он готовил омлет, он предложил Монтейру Росси баночку паштета, которая нашлась у него в шкафу, и из кухни спросил: Что с вами случилось, Монтейру Росси? Спасибо, ответил Монтейру Росси, спасибо вам за гостеприимство, доктор Перейра, и за деньги, что вы мне прислали, большое спасибо, мне их переправила Марта. Перейра поставил на стол омлет и повязал салфетку. Так что же, Монтейру Росси, спросил он, с вами все-таки случилось? Монтейру Росси набросился на еду, как будто не ел целую неделю. Не торопитесь, так можно подавиться,

сказал Перейра, не спешите, потом будет еще сыр, рассказывайте. Монтейру Росси проглотил кусок и сказал: Моего двоюродного брата арестовали. Где? — спросил Перейра. Неужели в том пансионе, что я для него нашел? Нет, конечно, ответил Монтейру Росси, его взяли в Алентежу, когда он набирал добровольцев из местных, а я чудом убежал. И теперь? — спросил Перейра. Теперь за мной охотятся, доктор Перейра, думаю, разыскивают меня по всей Португалии, вчера вечером я сел на автобус, доехал до Баррейру, оттуда на пароме, а уже от Каиша де Содре сюда пешком, у меня не было денег на билет. Кто-нибудь знает, что вы здесь? — спросил Перейра. Никто, ответил Монтейру Росси, даже Марта не знает, как раз с ней мне бы надо связаться, хотя бы сказать, что я в безопасности, потому что вы же меня не прогоните, доктор Перейра, правда? Вы можете оставаться здесь столько, сколько вам будет нужно, ответил Перейра, во всяком случае, до середины сентября, пока не вернется Пьедаде, это наша консьержка и моя служанка, Пьедаде, конечно, надежная женщина, но она — консьержка, а консьержки, знаете, любят поговорить с другими консьержками, словом, ваше присутствие не может остаться незамеченным.

Ну, сказал Монтейру Росси, до пятнадцатого-то я что-нибудь подыщу, хорошо бы уже сегодня поговорить с Мартой. Послушайте, Монтейру Росси, сказал Перейра, забудьте на время про Марту, пока вы у меня, вы не будете общаться ни с кем, ни о чем не думайте и просто отдыхайте. А вы чем занимаетесь, доктор Перейра, спросил Монтейру Росси, все еще пишете некрологи и статьи к памятным датам? Отчасти, ответил Перейра, но те статьи, что написали вы, не годятся для печати, все до одной, я сложил их в папку и держу в редакции, даже не знаю, почему не выброшу их. Пора мне признаться вам в одной вещи, тихо сказал Монтейру Росси, простите, что говорю об этом только теперь, но те статьи не все моей выделки. Как это понимать? — спросил Перейра. Ну, доктор Перейра, если говорить правду, то Марта мне помогала, отчасти статьи написаны его, там все основные идеи ее. Мне кажется, что это очень нехорошо, внушительно сказал Перейра. О, ответил Монтейру Росси, я не знаю насколько, но вы знаете, доктор Перейра, что кричат испанские националисты? Они кричат «да здравствует смерть», а я не умею писать о смерти, я люблю жизнь, доктор Перейра, один я ни за что бы не справился с некрологами, я не в состоянии

говорить о смерти, честное слово, не в состоянии. В сущности, я вас понимаю, утверждает, что ответил, Перейра, я и сам уже больше не могу.

Настала ночь, и от свечей исходил слабый свет. Не знаю, почему я все это делаю для вас, Монтейру Росси, сказал Перейра. Может быть, потому, что вы славный человек, ответил Монтейру Росси. Это было бы слишком просто, отозвался Перейра, на свете много славных людей, которые, однако, не стремятся навлечь беду на свою голову. Тогда не знаю, сказал Монтейру Росси, право, не знаю. Сложность в том, ЧТО я и сам не знаю, сказал Перейра, до недавнего времени я задавался многими вопросами, наверное, пора прекратить задавать их себе. Он поставил на стол вишню в вине, и Монтейру Росси наполнил свой стакан до краев. Перейра положил себе одну вишню и немного сиропа, потому что боялся нарушить диету.

Расскажите, как там было, попросил Перейра, что вы делали все это время в Алентежу? Мы облазили весь район, ответил Монтейру Росси, останавливались в наиболее надежных местах, там, где было брожение… Простите, перебил его Перейра, но мне показалось, что ваш двоюродный брат не очень подходит для этого, правда, я видел его всего один раз, но у меня сложилось

впечатление, что он не больно-то расторопный, я бы сказал, наоборот, слегка заторможенный, и потом, он даже не говорит по-португальски. Верно, сказал Монтейру Росси, но в мирной жизни он был наборщиком, знает, как обращаться с документами, и лучше всех умеет подделывать паспорта. Тогда мог бы и свой получше подделать, сказал Перейра, у него был аргентинский паспорт, но за версту видать, что фальшивый. Тот паспорт делал не он, возразил Монтейру Росси, его снабдили им в Испании. И в итоге? — спросил Перейра. Ну, ответил Монтейру Росси, в Порталегри мы нашли одну надежную типографию, и брат принялся за работу, поработали мы что надо, брат сделал кучу паспортов, большую часть мы раздали, а остальные не успели, и они остались у меня. Монтейру Росси взял сумку, которую оставил на кресле, и засунул туда руку Вот то, что у меня осталось, сказал он. Он выложил на стол пачку паспортов, их было штук двадцать. Вы — безумец, дорогой мой Монтейру Росси, сказал Перейра, разгуливаете с таким содержимым, как будто это кулек конфет, если вас найдут с этими документами, вы плохо кончите.

Перейра взял паспорта и сказал: Это я спрячу. Он подумал положить их в ящик стола, но это

показалось ему не слишком надежным местом. Тогда он пошел в прихожую и сунул их плашмя на книжную полку, как раз за портретом жены. Прости, сказал он портрету, но сюда никто не станет заглядывать, это самое надежное место в доме. Затем он вернулся в гостиную и сказал: Уже поздно, пожалуй, пора ложиться. Мне нужно связаться с Мартой, сказал Монтейру Росси, она волнуется, не знает, что со мной, наверное, решила, что меня тоже арестовали. Послушайте, Монтейру Росси, сказал Перейра, Марте завтра позвоню я, но с общественного телефона, а сегодня вам лучше не дергаться и ложиться спать, напишите мне номер телефона на этом листке. Даю вам два номера, сказал Монтейру Росси, если не отвечают по первому, то по второму должны ответить точно, если подойдет не она сама, спросите Лиз Делонэ, так теперь ее зовут. Это я знаю, сказал Перейра, я встречался с ней на днях, худая, как кошка, девушку совсем не узнать, такая жизнь ей явно не на пользу, Монтейру Росси, она губит свое здоровье, а теперь все, спокойной ночи.

Перейра задул свечи и спросил себя, зачем он ввязался в эту историю, зачем было принимать Монтейру Росси, зачем звонить Марте, зачем во-

обще встревать в дела, которые тебя не касаются. Может, потому, что Марта так исхудала и у нее торчали лопатки, будто два цыплячьих крыла? Может, потому, что у Монтейру Росси не было ни отца, ни матери и некому было дать ему кров? Может, потому, что он был в Пареде и доктор Кардосу рассказал ему свою теорию конфедерации душ? Этого Перейра не знал и ответить на этот вопрос не смог бы и теперь. Он решил, что лучше пойдет спать, потому что на следующий день собирался встать пораньше и четко спланировать день, но перед тем, как лечь, он вышел на минутку в прихожую взглянуть на портрет жены. Но он, Перейра, не разговаривал с ним, а только ласково помахал рукой, утверждает он.

23

В то утро на исходе августа Перейра встал в восемь часов, утверждает он. В течение ночи он просыпался несколько раз и слышал, как дождь барабанил по листьям пальм в казарме напротив. Он не припомнит, снилось ли ему что-нибудь, он спал неспокойно, просыпался, и что-то ему наверняка снилось, но что именно, не вспомнит. Монтейру Росси спал на диване в гостиной, он был в пижаме, которая практически служила ему простыней, учитывая ее размеры. Он спал свернувшись в клубок, будто озяб, и Перейра тихонько, чтобы не разбудить, прикрыл его пледом. Осторожно двигаясь по дому, чтобы не шуметь, он сварил себе кофе и вышел на угол в магазин. Купил четыре баночки сардин, дюжину яиц, помидоров, дыню, хлеба, восемь биточков из трески, уже готовых, только разогреть в духовке. Увидев потом висевший на крюке маленький сырокопченый окорок, обсыпанный красным перцем, Перейра купил его тоже. Решили пополнить свои запасы, доктор Перейра? — заметил ему лавочник. Да, знаете, ответил Перейра, слу-

жанка вернется не раньше середины сентября, она у своей сестры в Сетубале, так что приходится управляться самому, а ходить за покупками каждый день нет времени. Если хотите, могу порекомендовать вам одну хорошую женщину, она могла бы помочь по хозяйству, человек она порядочный и живет здесь недалеко, в сторону Грасы, у нее маленький ребенок, а муж бросил. Спасибо, не стоит, ответил Перейра, спасибо, сеньор Франсишку, но лучше не надо, не знаю, как посмотрит на это Пьедаде, знаете, как ревниво относятся служанки друг к другу, еще подумает, что ее в чем-то ущемляют, разве что зимой, идея сама по себе неплохая, но сейчас лучше уж я дождусь возвращения Пьедаде.

Перейра вернулся домой и разложил продукты в холодильном шкафу. Монтейру Росси спал. Перейра оставил ему записку: «На обед яйца с ветчиной или биточки из трески, их надо подогреть, можно на сковородке, но тогда добавив масла совсем немного, иначе расползутся, поешьте как следует и не волнуйтесь, буду к вечеру, Марте позвоню, Перейра».

Он вышел из дома и пошел в редакцию. Придя туда, он застал Селесту на месте, в ее будке, та возилась с календарем. Здравствуйте, Селеста,

сказал Перейра, что нового? Не было ни почты, ни звонков, ответила Селеста. Перейра приободрился, хорошо, что его никто не искал. Он поднялся в редакцию, выключил телефон, затем взял рассказ Камилу Каштелу Бранки и подготовил его для типографии. Около десяти он позвонил в газету, ему ответил ласковый голос сеньорины Филипы. Это доктор Перейра, сказал Перейра, мне нужно поговорить с главным редактором. Ну, слава богу, сказал главный, а то вчера я разыскивал вас, но вас не было в редакции. Вчера я неважно себя чувствовал, солгал Перейра, решил посидеть дома, было плохо с сердцем. Понимаю, доктор Перейра, сказал главный редактор, я только хотел поинтересоваться, что вы собираетесь давать на страницу культуры в следующих выпусках. Буду печатать рассказ Камилу Каштелу Бранки, ответил Перейра, как вы и советовали, господин главный редактор, португальского писателя девятнадцатого века, думаю, это то, что нужно, как по-вашему? Отлично, ответил главный, но я хочу, чтобы вы продолжали и рубрику памятных дат. Я собирался написать про Рильке, но пока еще не сделал этого, хотел получить сначала ваше добро. Рильке, сказал главный редактор, это имя мне о чем-то говорит. Райнер Мария Рильке,

объяснил Перейра, он родился в Чехословакии, но практически был австрийским поэтом, писал по-немецки, умер в двадцать шестом году. Послушайте, Перейра, сказал главный редактор, как я вам уже сказал, «Лисабон» превращается в низкопоклонническую газету, почему бы вам не отметить дату кого-нибудь из отечественных поэтов, Камоэнса например. Камоэнса? — переспросил Перейра, но Камоэнс умер в тысяча пятьсот восьмидесятом году, то есть больше четырех веков назад. Да, согласился главный редактор, но это наш великий национальный поэт, и он всегда актуален, знаете, что сделал Антониу Ферру, первый секретарь Комитета национальной пропаганды, в общем, министерства культуры? Он предложил объединить день рождения Камоэнса с Днем нации, мы будем праздновать одновременно и юбилей нашего великого эпического поэта, и День португальской нации, и вы могли бы отметить эту торжественную дату статьей о Камоэнсе. Но день рождения Камоэнса десятого июня, возразил Перейра, какой смысл отмечать его годовщину в конце августа? А тот, что десятого июня у нас еще не было страницы культуры, объяснил главный редактор, и об этом можно будет упомянуть в статье, и потом, знаете ли, отметить

день Камоэнса никогда не поздно, потому что это наш великий национальный поэт, и связать с Днем нации, достаточно ведь только намекнуть на эту связь, а уж читатели сами разберутся, что к чему. Но простите, господин редактор, отчаянно сопротивлялся Перейра, послушайте, что я скажу, ведь мы ведем свое начало от лузитан, потом пришли римляне и кельты, потом у нас были арабы, о какой португальской нации, простите, здесь может идти речь? О нашей португальской нации, ответил главный, простите, Перейра, но в ваших доводах мне слышится что-то нехорошее, мы открывали мир, мы совершили самые крупные кругосветные путешествия, когда все это было? — в шестнадцатом веке, мы были уже тогда португальцами, мы то, что мы есть, и это вы должны отмечать, Перейра. Потом главный редактор сделал паузу и продолжал: Последний раз я был с тобой на ты, не знаю, почему-то опять перешел на «вы». Как вам удобно, господин главный редактор, ответил Перейра, может, оттого, что вы говорите со мной по телефону. Возможно, сказал редактор, короче, слушай, Перейра, я хочу, чтобы «Лисабон» был стопроцентной португальской газетой и его страница *культуры* тоже, не хочешь отмечать День нации, отметь хотя бы

юбилей Камоэнса, это уже кое-что.

Перейра простился с главным редактором и повесил трубку. Антониу Ферру, подумал он, это чудовище Антониу Ферру, и самое скверное, что человек этот и Умен и хитер, подумать только, что он был другом Фернанду Песоа, гм, заключил он, однако и Песоа умел себе выбирать друзей. Он попробовал написать статью про Камоэнса и работал до двенадцати тридцати. Потом выбросил все в корзину. К черту Камоэнса, подумал он, тоже мне великий певец героизма португальцев, какого там, к черту, героизма, выругался про себя Перейра. Он надел пиджак и отправился в кафе «Орхидея». Придя в кафе, он сел за свой обычный столик. Мануэль подскочил к нему, и Перейра заказал рыбный салат. Он съел его не торопясь, совершенно не торопясь и потом пошел к телефону. Он держал в руках записку с номерами, которую дал ему Монтейру Росси. По первому телефону он долго слушал гудки, но никто не ответил. Тогда он набрал второй номер. Ответил женский голос. Алло, сказал Перейра, можно попросить сеньорину Делонэ? Я не знаю такой, осторожно ответил женский голос. Здравствуйте, повторил Перейра, мне нужно сеньорину Делонэ. А вы, простите, кто? — спросил женский голос.

Послушайте, сеньора, сказал Перейра, у меня срочное сообщение для Лиз Делонэ, позовите ее, пожалуйста. Здесь нет никакой Лиз, ответил женский голос, думаю, вы ошиблись, кто вам дал этот телефон? Не имеет значения, кто мне его дал, ответил Перейра, в общем, если я не могу поговорить с Лиз, то попросите тогда уж Марту. Марту? — удивился женский голос. Какую Марту? Март на свете много. Перейра вспомнил, что не знает фамилии Марты, и тогда он просто сказал: Марта — это такая худенькая девушка, блондинка, которая отзывается также на имя Лиз Делонэ, я ее друг и у меня для нее важное сообщение. К сожалению, сказал женский голос, здесь нет никакой Марты и никакой Лиз Делонэ, всего хорошего. В телефоне раздался щелчок, и Перейра остался с зажатой трубкой в руке. Он повесил трубку и вернулся за свой столик. Что-нибудь еще? — спросил мгновенно подскочивший Мануэль. Перейра попросил лимонаду с сахаром и потом спросил: Что интересного слышно? Узнаю сегодня в восемь вечера, сказал Мануэль, у меня есть друг, который слушает радио «Лондон», если хотите, завтра могу вам пересказать все новости.

Перейра допил лимонад и расплатился. Он вышел и направился в редакцию. Там он за-

стал Селесту, она сидела в своей конуре и опять изучала календарь. Есть что-нибудь? — спросил Перейра. Был один звонок, сказала Селеста, вам звонила какая-то женщина, но отказалась сказать, по какому вопросу. Она назвала свое имя? — спросил Перейра. Фамилия иностранная, ответила Селеста, и я ее не запомнила. Почему же вы ее не записали? — сделал ей замечание Перейра. Вы как главный диспетчер должны все записывать. Я и по-португальски-то плохо пишу, ответила Селеста, так что можете себе представить, как я запишу по-иностранному, фамилия у ней мудреная. У Перейры упало сердце, и он спросил: И что она вам сказала, Селеста? Она вам сказала что-нибудь? Она сказала, что хочет поговорить с вами и что она разыскивает сеньора Росси, странная фамилия, и я ей сказала, что здесь нет никакого Росси, а это отдел культуры «Лисабона», так что я позвонила в главную редакцию, потому что думала застану вас там, и хотела предупредить, но вас там не было, и я попросила передать, что вас спрашивала какая-то иностранная сеньора, какая-то Лизе, вдруг вспомнила, как ее звали. А что спрашивали сеньора Росси, вы им тоже сказали? — спросил Перейра. Нет, доктор Перейра, ответила Селеста с хитрющим видом,

а зачем? Этого я им не говорила, сказала только, что вас спрашивала какая-то Лизе, да вы не беспокойтесь, доктор Перейра, кому надо, тот вас найдет. Перейра посмотрел на часы. Было четыре часа дня. Он решил не подниматься в редакцию и простился с Селестой. Послушайте, Селеста, сказал он, я пойду домой, потому что неважно себя чувствую, если мне будут звонить, скажите, чтобы звонили домой, завтра я, скорее всего, тоже не приду, так что заберите мою почту.

Когда он пришел домой, было уже почти семь. Он долго просидел на лавочке у Террейру ду Пасу, глядел, как идет переправа на другой берег Тахо. Тот вечер на исходе августа был чудесным, и Перейра хотел насладиться им сполна. Он закурил сигару и жадно вдыхал дым. Он сидел на скамейке, обращенной к морю, глядя на реку, и к нему подсел нищий с гармоникой и сыграл несколько старинных коимбрских песен.

Когда Перейра вернулся домой, он не сразу увидел Монтейру Росси и, разумеется, переполошился, утверждает он. Но оказалось, что Монтейру Росси был в ванной и приводил себя в порядок. Я бреюсь, доктор Перейра, крикнул ему Монтейру Росси, выйду через пять минут. Перейра снял пиджак и накрыл на стол. Он поставил

тарелки Caldas da Rainha, те же, что и накануне вечером. Поставил две свечи, которые купил утром. Потом пошел на кухню и задумался, что бы приготовить на ужин. Кто знает почему, но ему пришла идея приготовить итальянское блюдо, хотя итальянской кухни он не знал. Он решил сочинить блюдо сам. Отрезал толстый кусок ветчины, нарезал ее маленькими кубиками, взбил два яйца, засыпал их тертым сыром и залил этим нарезанную ветчину, затем посыпал душицей и майораном, все тщательно перемешал и тогда поставил на огонь кастрюлю с водой для пасты. Когда вода начала закипать, он бросил туда спагетти, которые пролежали бог знает сколько у него в шкафу. Монтейру Росси вышел свежий, как роза, на нем была рубашка Перейры цвета хаки, просторная, как простыня. Вот, решил приготовить итальянское блюдо, сказал Перейра, не знаю, правда, насколько оно итальянское, возможно, чистая фантазия, но, по крайней мере, паста. Какая роскошь, воскликнул Монтейру Росси, сто лет не ел пасты. Перейра зажег свечи и разложил спагетти. Я пытался позвонить Марте, но по первому номеру никто не отвечает, а по второму подходит сеньорина, которая разыгрывает из себя дурочку, в конце концов я сказал,

что мне нужно Марту, но все безрезультатно, а когда пришел в редакцию, консьержка сказала, что меня спрашивали, вероятно это была Марта, но искала она вас, думаю, с ее стороны это было не очень благоразумно, возможно, что кто-то знает теперь, что я в контакте с ней, боюсь, как бы не возникло осложнений. И что мне теперь делать? — спросил Монтейру Росси. Если у вас есть более надежное место, то лучше вам уйти, а если нет, то оставайтесь здесь и посмотрим, ответил Перейра. Он поставил на стол вишню в вине и взял себе одну. Монтейру Росси наполнил свой бокал. В этот момент они услышали, что в дверь стучат. Это были решительные удары, как будто собирались вышибить дверь. Перейра спросил себя, как они смогли проникнуть в подъезд, и несколько секунд сидел не двигаясь. Стук в дверь не прекращался, становясь все более яростным. Кто там? — спросил Перейра, встав из-за стола. Что вам нужно? Открывайте, полиция, откройте дверь, или мы ее изрешетим пулями, ответил голос за дверью. Монтейру Росси стремительно бросился в спальню, успев только сказать: Документы, доктор Перейра, спрячьте документы. Они запрятаны надежно, успокоил его Перейра и вышел в прихожую открывать дверь. Проходя

мимо портрета жены, он ответил на ее далекую улыбку взглядом сообщника. Потом открыл дверь, утверждает он.

24

Их было трое, утверждает Перейра, в штатском и с пистолетами. Первый, кто вошел, был низенький и щуплый, с усиками и рыжеватой бородкой. Служба политической безопасности, сказал низенький и щуплый начальственным тоном, мы должны обыскать квартиру, ищем одного человека. Предъявите ваше удостоверение, потребовал в ответ Перейра. Низенький и щуплый повернулся к своим товарищам и сказал: Слыхали, ребята, как вам это нравится? Один из двоих приставил ко рту Перейры пистолет и сказал: А это сойдет тебе за удостоверение, пузан? Бросьте ребята, разве можно так обращаться с доктором Перейрой, он у нас классный журналист, работает в уважаемой газете, правда, немного слишком католик, не буду отрицать, но в целом держится правильной линии. И продолжал: Послушайте, доктор Перейра, не заставляйте нас зря терять время, мы тут не разговоры разговаривать пришли, к тому же, нам известно, что вы здесь ни при чем, вы-то человек порядочный, только не поняли, с кем имеете дело, доверились подозрительному типу, но я не

хочу вам доставлять неприятности, главное, не мешайте нам делать нашу работу. Я возглавляю отдел культуры в газете «Лисабон», сказал Перейра, и я хочу переговорить с кем-нибудь, хочу позвонить своему главному редактору, он знает, что вы здесь? Бросьте, доктор Перейра, ответил низенький и щуплый медоточивым голосом, вы что же, думаете, если полиции надо произвести свои действия, то мы станем предупреждать об этом вашего редактора, да что вы такое говорите? Но вы не полиция, упорствовал Перейра, вы не предъявили документов, вы в штатском, и у вас нет разрешения на то, чтобы войти в мой дом. Низенький и щуплый снова повернулся к двум громилам и с улыбочкой сказал: Хозяин дома упорствует, уж и не знаю, как переубедить его. Человек, который держал направленный на Перейру пистолет, резко ударил его наотмашь по лицу, и Перейра пошатнулся. Ну что ты, Фонсека, так нельзя, сказал низенький и щуплый, нельзя так грубо с доктором Перейрой, а то ты мне его вконец запугаешь, он человек хрупкий, несмотря на свою массу, интересуется культурой, интеллигент, его надо убеждать по-хорошему, а то еще обоссытся, Амбал, которого звали Фонсека, снова ударил Перейру по лицу, и Перейра снова

пошатнулся, утверждает он. Фонсека, рассмеялся низенький и щуплый, ты уж больно драчливый, за тобой глаз да глаз, а не то испортишь мне всю работу. Потом он обратился к Перейре и сказал: Доктор Перейра, как я уже сказал, против вас мы ничего не имеем, мы пришли преподать небольшой урок одному молодому человеку, который находится у вас в доме, этому человеку совершенно необходимо получить маленький урок, потому что он не знает, что такое идеалы Родины, он их растерял, бедняга, и мы пришли, чтобы помочь ему найти их. Перейра потер щеку и тихо сказал: Здесь никого нет. Низенький и щуплый огляделся по сторонам и сказал: Послушайте, доктор Перейра, облегчите нашу задачу, нам надо задать вашему молодому гостю несколько вопросов, мы проведем лишь небольшой допрос и постараемся помочь ему восстановить утраченные идеалы, большего нам не надо, только за этим мы и пришли. Тогда позвольте мне позвонить в полицию, настаивал Перейра, пусть приедут и заберут его в квестуру, там учиняют допросы, а не на квартире. Бросьте, доктор Перейра, сказал низенький и щуплый с ухмылочкой, вы не очень понятливы, ваша квартира идеальное место для приватного допроса вроде нашего, вашей консьержки нет,

соседи уехали в Опорту, тихий вечер, да этот особняк просто роскошь, гораздо более подходящее место, чем полицейский участок.

Потом он сделал знак громиле, которого называл Фонсекой, и тот затолкал Перейру в столовую. Мужчины огляделись вокруг, но никого не увидели, только накрытый стол с остатками еды. Маленький интимный ужин, доктор Перейра, сказал низенький и щуплый, вижу, что у вас был маленький интимный ужин со свечами и все такое, как это романтично. Перейра не ответил. Слушайте, доктор Перейра, сказал низенький и Щуплый с елейным выражением на лице, вы вдовец и с женщинами не встречаетесь, как видите, я все про вас знаю, уж не предпочитаете ли вы случаем молоденьких мальчиков, а? Перейра снова провел рукой по щеке и сказал: Вы низкий человек, и все это низость. Бросьте, доктор Перейра, продолжал низенький и Щуплый, мужчина есть мужчина, и вы тоже это прекрасно знаете, и когда мужчина встречает молоденького белокурого мальчика с хорошенькой жопкой, дело понятное. И потом уже жестким и решительным тоном добавил: Прикажете перевернуть весь дом или все-таки договоримся? Он там, ответил Перейра, в кабинете или в спальне. Низенький и щуплый

отдал приказ двум громилам. Фонсека, сказал он, особенно не рукоприкладствуй, не хочу потом лишней мороки, достаточно дать ему небольшой урок и узнать то, что мы хотим узнать, и ты тоже, Лима, веди себя хорошо, я знаю, что ты прихватил с собой дубинку и прячешь ее под рубашкой, но помни, по голове не бить, разве что по спине и по легким, не так опасно, да и следов не остается. Слушаемся, командир, ответили оба громилы. Они пошли в кабинет и закрыли за собой дверь. Ну хорошо, сказал низенький и щуплый, хорошо, доктор Перейра, пусть двое моих помощников делают свою работу, а мы с вами тут покалякаем пока. Я хочу позвонить в полицию, повторил Перейра. Что полиция? — засмеялся низенький и щуплый, полиция — это я, доктор Перейра, во всяком случае, здесь я за нее, знаете, наша полиция ночью спит, ведь что такое наша полиция — они защищают нас целый божий день, а ночью идут себе спать, потому что вымотались за день, кругом столько преступников, столько всяких личностей вроде вашего гостя, которые совсем потеряли чувство Родины, но скажите мне, доктор Перейра, зачем вам было встревать в эту заваруху? Я не встревал ни в какую заваруху, ответил Перейра, а только взял практиканта в

газету «Лисабон». Оно конечно, доктор Перейра, конечно, сказал низенький и щуплый, однако сначала вы должны были навести справки, посоветоваться с полицией или с вашим главным редактором, сообщить анкетные данные о вашем будущем практиканте, позвольте одну вишенку в вине?

Перейра утверждает, что при этих словах он встал со стула. До этого он сел, потому что почувствовал сильное сердцебиение, но в этот момент он встал и сказал: Я слышал крики, я хочу пойти и посмотреть, что происходит в моей комнате. Низенький и щуплый наставил на него пистолет. На вашем месте я бы этого не делал, доктор Перейра, сказал он, мои люди делают деликатную работу, и вам будет неприятно присутствовать при этом, вы человек чувствительный, доктор Перейра, интеллигент, и потом, у вас больное сердце, некоторые сцены вам просто противопоказаны. Я хочу позвонить своему редактору, упорствовал Перейра, дайте мне позвонить главному редактору. Низенький и щуплый усмехнулся. Ваш редактор сейчас спит, возразил он, не исключаю, что спит в объятиях какой-нибудь красивой женщины, знаете, ваш редактор настоящий мужчина, мужик с яйцами, не то что вы, бегаете тут за жопками

белокурых мальчиков. Перейра подался вперед и дал ему пощечину. Низенький и щуплый рванулся, ударил его рукояткой пистолета, и у Перейры показалась кровь на губах. А вот этого вам не следовало делать, доктор Перейра, сказал щуплый, меня просили отнестись к вам уважительно, но все имеет свои пределы, если вы совсем рехнулись, принимая в своем доме преступников, то я не виноват, я мог бы всадить вам пулю в глотку, и даже с большим удовольствием, но не делаю этого только потому, что меня просили быть обходительным с вами, так не злоупотребляйте, мое терпение ведь может и кончиться. Перейра утверждает, что в этот момент он услышал еще один сдавленный крик и бросился к дверям кабинета. Но низенький и щуплый преградил ему дорогу и оттолкнул его. Толчок оказался более сильным, чем рывок Перейры, и он отступил. Слушайте, доктор Перейра, сказал низенький и щуплый, не заставляйте меня прибегать к оружию, я с огромным удовольствием всадил бы вам пулю в глотку, а еще лучше в сердце, раз это ваше слабое место, но не делаю этого, потому что нам не нужны трупы, мы только пришли, чтобы дать урок патриотизма, вам тоже не помешало бы немножко патриотизма, одних только французов

и печатаете в своей газете. Перейра снова сел, утверждает он, и сказал: У одних только французов и хватает мужества в такое время, как наше. А я вам скажу, что все ваши писатели-французы дерьмо собачье, сказал низенький и щуплый, всех бы их к стенке и ссать на них сверху. Вы — грубый человек, сказал Перейра. Грубый, но патриот, ответил щуплый, не то что вы, доктор Перейра, который ищет себе пособников среди французских писателей.

В этот момент два громилы распахнули дверь. Они казались взвинченными, и вид у них был озабоченный. Парень не хотел говорить, сказали они, мы дали ему урок, пришлось применить силу, надо срочно линять. Наделали дел? — спросил низенький и щуплый. Не знаю, ответил тот, которого звали Фонсека, надо уходить. И он бросился к выходу, а его товарищ за ним. Слушайте, доктор Перейра, сказал низенький и щуплый, вы нас здесь не видели, и нечего юлить, прекратите ваши знакомства, учтите, что это был визит вежливости, а в следующий раз мы можем прийти за вами.

Перейра закрыл дверь на ключ и слышал, как они спускаются по лестнице. Потом кинулся в спальню и нашел Монтейру Росси распластан-

ным на ковре. Он стал хлестать его по щекам, приговаривая: Монтейру Росси, очнитесь, все уже позади. Но Монтейру Росси не подавал никаких признаков жизни. Тогда Перейра пошел в ванную, намочил полотенце и положил ему на лицо. Монтейру Росси, повторил он, все кончено, они ушли, очнитесь же. И тогда он заметил, что полотенце пропиталось кровью, и увидел, что волосы Монтейру Росси все в крови. Глаза у Монтейру Росси были широко открыты, и он смотрел в потолок. Перейра опять похлопал его по щекам, но Монтейру Росси не шевельнулся. Тогда Перейра пощупал у него пульс, но в жилах Монтейру Росси уже не было биения жизни. Перейра закрыл ему ясные, широко открытые глаза и накрыл лицо полотенцем. Потом вытянул ему ноги, чтобы они не закоченели в таком положении, как были, он вытянул их так, как должны быть вытянуты ноги у покойника. И подумал, что надо действовать быстро, очень быстро, потому что времени оставалось совсем мало, утверждает он.

25

Перейра утверждает, что ему пришла в голову безумная идея, но вдруг удастся ее осуществить, подумал он. Он надел пиджак и вышел. Перед Собором было кафе, которое работало допоздна, и там был телефон. Перейра вошел и огляделся по сторонам. В кафе сидела компания полуночников, которые играли в карты с хозяином. Официант, заспанный парнишка, скучал за стойкой. Перейра заказал лимонад, пошел к телефону и набрал номер клиники талассотерапии в Пареде. Он спросил доктора Кардосу. Доктор Кардосу уже пошел к себе в комнату, а кто его спрашивает? — сказал голос телефонистки. Доктор Перейра, сказал Перейра, мне необходимо срочно поговорить с ним. Сейчас попрошу, но вам придется немного обождать, сказала телефонистка, мне надо спуститься вниз. Перейра терпеливо ждал, пока доктор Кардосу возьмет трубку. Добрый вечер, доктор Кардосу, сказал Перейра, мне нужно сообщить вам одну важную вещь, но сейчас я сделать этого не могу. Что случилось, доктор Перейра, спросил доктор Кардосу, вы плохо себя

чувствуете? Чувствую я себя действительно плохо, но сейчас это не имеет значения, дело в том, что в моем доме произошло большое несчастье, я не знаю, прослушивается ли мой домашний телефон, но это не имеет значения, ничего больше я вам сказать не могу, но мне нужна ваша помощь, доктор Кардосу. Скажите, в чем она будет заключаться, сказал доктор Кардосу. Значит, так, доктор Кардосу, сказал Перейра, завтра в полдень я вам позвоню, а вы должны будете сделать мне одолжение, должны будете представиться большой шишкой из цензуры и сказать, что на моей статье есть виза цензора, больше ничего. Не понял, ответил доктор Кардосу. Послушайте, доктор Кардосу, сказал Перейра, я звоню вам из кафе и не могу дать никаких разъяснений, дома у меня такое, что вы даже не можете себе представить, но вы все узнаете, когда прочтете вечерний выпуск «Лисабона», там все будет написано черным по белому, но прежде вы должны оказать мне большую услугу, должны стоять на том, что моя статья получила ваше добро, вы меня поняли? Вы должны сказать, что португальская полиция не боится скандала, что это честная полиция и потому ей нечего бояться. Я вас понял, сказал доктор Кардосу, завтра в двенадцать буду ждать

вашего звонка.

Перейра вернулся домой. Он пошел в спальню и снял полотенце с лица Монтейру Росси. Он накрыл его простыней. Потом отправился в кабинет и сел за пишущую машинку. В качестве заголовка он написал: «Убит журналист». Затем, начав новую страницу, стал печатать: «Его звали Франсишку Монтейру Росси, по происхождению он был итальянец. Он сотрудничал с нашей газетой и писал для нее статьи и некрологи. Он писал о великих писателях и поэтах нашей эпохи, таких, как Маяковский, Маринетти, Д'Аннунцио, Гарсиа Лорка. Статьи эти не были опубликованы, но когда-нибудь, наверное, будут. Это был веселый молодой человек, который любил жизнь, но ему поручали писать о смерти, и от этого задания он не отказывался. Но сегодня ночью смерть настигла его самого. Вчера вечером, когда он ужинал у заведующего отделом культуры „Лисабона“, доктора Перейры, автора этих строк, трое вооруженных людей ворвались в квартиру. Они представились как полиция политической безопасности, но не предъявили никаких документов, подтверждающих их слова. Есть все основания сомневаться, что это была действительно полиция, потому что они были

одеты в штатское и потому, хочется надеяться, что в нашей стране полиция не пользуется такими методами. То были преступники, которые действовали в сговоре неизвестно с кем, и было бы неплохо, если бы власти разобрались в этом гнусном происшествии. Ими руководил худой человек невысокого роста, с усами и бородкой, которого двое других называли командиром. Если их имена не были вымышленными, то тех двоих звали Фонсека и Лима, оба высокие и крепкого телосложения, смуглые, без каких-либо признаков интеллекта на лице. В то время как худой человек невысокого роста держал под дулом пистолета автора этих строк, Фонсека и Лима загнали Монтейру Росси в спальню, чтобы произвести допрос, как заявили они. Автор этих строк слышал удары и сдавленные крики. Потом двое мужчин сказали, что сделали свою работу. Все трое стремительно покинули квартиру автора этих строк, угрожая расправой, если тот будет распространяться об этом факте. Автор этих строк направился в спальню, и ему не оставалось ничего другого, как констатировать смерть молодого Монтейру Росси. Он был забит до смерти: ударами, нанесенными дубинкой или рукояткой пистолета, они проломили ему череп.

Труп находится в настоящее время на третьем этаже по улице Руа да Саудаде, в квартире автора этих строк. Монтейру Росси был сиротой, и у него не было родственников. Он любил одну красивую и милую девушку, имени которой мы не знаем. Известно только, что у нее были волосы цвета меди и она любила искусство. Этой девушке, если она прочтет нас, мы приносим наши самые искренние соболезнования и передаем наш самый горячий привет. Мы призываем компетентные органы власти обратить серьезное внимание на случаи насилия, которые под их сенью, а возможно и при чьем-то соучастии, учащаются сегодня в Португалии». Перейра перечитал текст и внизу справа подписался: Перейра. Он поставил только свою фамилию, потому что все его знали так, только по фамилии, которой он подписывал все свои репортажи о происшествиях на протяжении стольких лет. Он отвел взгляд к окну и увидел, как над ветвями пальм в казарме напротив занимается рассвет. Раздались звуки горна. Перейра откинулся в кресле и задремал. Когда он проснулся, стоял уже день, и Перейра в панике посмотрел на часы. Он подумал, что надо торопиться, утверждает он. Он побрился, умылся холодной водой и вышел. Поймал такси перед Собором и поехал

в редакцию. В конуре под лестницей сидела Селеста, и она радушно поздоровалась с ним. Есть что-нибудь для меня? — спросил Перейра. Никаких новостей, доктор Перейра, ответила Селеста, единственное — это что мне дали неделю отпуска. И, показав ему календарь, продолжала: Я выйду на работу в следующую субботу, так что эту неделю вам придется обходиться без меня, сейчас государство заботится о самых слабых, в общем, о людях вроде меня, не зря же мы все сплотились. Постараемся как-нибудь пережить ваше отсутствие, тихо сказал Перейра и поднялся по лестнице. Он вошел в редакцию и взял из архива папку с надписью «Некрологи». Положил ее в свою кожаную сумку и вышел. Он остановился перед кафе «Орхидея» и подумал, что у него есть время зайти и выпить что-нибудь. Лимонад, доктор Перейра? — спросил расторопный Мануэль, пока он садился за столик. Нет, ответил Перейра, сухого портвейна, я люблю сухой портвейн. Это что-то новенькое, доктор Перейра, сказал Мануэль, да еще в такой час, во всяком случае, меня это только радует, значит, вам становится лучше. Мануэль налил ему бокал и оставил бутылку на столе. Послушайте, доктор Перейра, сказал Мануэль, я оставляю вам бутылку, вдруг вам захочется

еще, так пейте себе на здоровье, может, хотите сигару, так я мигом. Принеси мне легкую сигару, сказал Перейра, да, кстати, Мануэль, ты говорил, что твой друг слушает радио «Лондон», что нового? Вроде бы республиканцы их достают, сказал Мануэль, но знаете, доктор Перейра, он понизил голос, там говорили и о Португалии. А. так, сказал Перейра, и что же про нас говорят? Говорят, что мы живем при диктатуре, ответил Мануэль, и что полиция пытает людей. А ты что на это скажешь, Мануэль? — спросил Перейра. Мануэль почесал в затылке. А вы что скажете, доктор Перейра? — задал встречный вопрос Мануэль, вы ведь работаете в газете, а там разбираются. Скажу, что англичане правы, заявил Перейра. Он закурил сигару и расплатился, потом вышел и взял такси до типографии. Приехав туда, он застал метранпажа в полной запарке. Через час запускаем номер в машину, сказал метранпаж, это хорошо, доктор Перейра, что вы даете рассказ Камилу Каштелу Бранки, здорово, я читал его еще мальчишкой, в школе, но все равно здорово. Его надо сократить на одну колонку, сказал Перейра, у меня здесь статья, которая должна закрывать страницу культуры, это некролог. Перейра протянул ему страницу, метранпаж прочел ее и

почесал в голове. Доктор Перейра, сказал метранпаж, тут дело деликатное, вы приносите мне его в последний момент и без визы цензора, а речь идет, как мне кажется, о довольно серьезных вещах. Послушайте, сеньор Педру, сказал Перейра, мы знаем друг друга без малого тридцать лет, с того дня, как я начинал репортером в отделе происшествий в центральной газете Лисабона, У вас хоть раз были неприятности из-за меня? Нет, из-за вас не было, ответил метранпаж, но времена изменились, теперь не го что раньше, существует вся эта бюрократия, с которой я не имею права не считаться, доктор Перейра. Выслушайте меня, сеньор Педру, сказал Перейра, разрешение цензуры у меня есть, устное, полчаса назад я звонил из редакции и говорил с майором Лоуренсу, он не возражает. Все-таки лучше бы позвонить главному редактору, возразил метранпаж. Перейра тяжело вздохнул и сказал: Ну хорошо, тогда звоните ему сами, сеньор Педру. Он понял, что говорит с сеньориной Филипой. Главный редактор на обеде, сказал сеньор Педру, я говорил с секретаршей, она сказала, что тот будет не раньше трех. К трем тираж должен быть уже напечатан, сказал Перейра, мы не можем ждать до трех. Никак не можем, сказал метранпаж, прямо не знаю,

что делать, доктор Перейра. Послушайте, подсказал ему Перейра, самое лучшее — позвонить прямо в цензуру, может, сумеем поймать майора Лоуренсу Майора Лоуренсу? — воскликнул метранпаж, как будто испугавшись одного этого имени, разговаривать непосредственно с ним? Да это мой приятель, сказал Перейра с деланной небрежностью, я утром читал ему эту статью, и он был абсолютно согласен со мной, я общаюсь с ним каждый день, сеньор Педру, ведь это моя работа. Перейра снял трубку и набрал номер клиники талассотерапии в Пареде. Он услышал голос доктора Кардосу. Алло, майор? — сказал Перейра, это доктор Перейра из «Лисабона», я здесь, в типографии, чтобы вставить статью, которую читал вам сегодня утром, но метранпаж в нерешительности, потому что на ней нет письменной визы, попробуйте убедить его, даю вам его. Он протянул трубку и наблюдал за ним, пока тот говорил. Сеньор Педру начал кивать. Конечно, господин майор, говорил он, согласен, господин майор. Потом он повесил трубку и посмотрел на Перейру. Ну что? — спросил Перейра. Говорит, что португальской полиции нечего бояться скандала, сказал метранпаж, что кругом полно подонков, которых надо разоблачить, и что ваша

статья должна выйти сегодня, так он мне сказал. И потом добавил: Он мне сказал также: передайте доктору Перейре, чтобы он обязательно написал статью о душе, нам всем нужна такая статья, так он сказал, доктор Перейра. Наверное, пошутил, сказал Перейра, во всяком случае, завтра я у него сам спрошу.

Он оставил статью сеньору Педру и ушел. Он чувствовал себя без сил, и в животе у него страшно бурлило. Подумал, что неплохо бы съесть бутерброд в кафе на углу, но спросил только лимонад. Потом взял такси и попросил довезти его до Собора. В дом он входил с опаской, боясь, что кто-то дожидается его там. Но в доме никого не было, только мертвая тишина. Он зашел в спальню посмотреть на белую простыню, которой было накрыто тело Монтейру Росси. Потом взял маленький чемодан и положил туда самое необходимое и папку с некрологами. Пошел к книжному шкафу и стал просматривать паспорта, принесенные Монтейру Росси. Наконец он нашел один, то, что нужно. Это был замечательный французский паспорт, отлично сделанный, с фотографией толстого человека с мешками под глазами, и возраст совпадал. Его звали Будэн, Франсуа Будэн. Ему это показалось красивым

именем, Перейре. Он сунул паспорт в чемодан и взял портрет жены. Тебя я беру с собой, сказал он ему, тебе лучше поехать вместе со мной. Он положил его лицом вверх, чтобы легче дышалось. Потом огляделся вокруг и посмотрел на часы.

Надо было поторапливаться, «Лисабон» должен вот-вот выйти, и времени терять было нельзя, утверждает Перейра.

25 августа 1993

Примечание

Доктор Перейра впервые посетил меня однажды вечером в сентябре 1992-го. В то время он еще не звался Перейрой, еще не обрел определенных черт, а был чем-то расплывчатым, ускользающим и туманным, но уже тогда у него было твердое намерение стать героем романа. Это был пока что один персонаж в поисках автора.[26] Не знаю, почему он выбрал именно меня в качестве повествователя. Одно из возможных предположений, что за месяц до того, знойным августовским днем в Лисабоне я тоже нанес визит. Утром, купив местную газету, я прочел сообщение о том, что в госпитале Лисабонской Божьей Матери умер один престарелый журналист и проститься с телом можно будет в больничной часовне. Раскрывать имя этого человека я считаю неудобным. Скажу только, что то был человек, с которым я был шапочно знаком в Париже в конце шестидесятых, когда он, будучи португальским изгнанником, работал

---

[26] Примечания: 26

Аллюзия на известную пьесу Л. Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора».

в одной парижской газете. Человек этот был профессиональным журналистом у себя в Португалии в сороковые — пятидесятые годы, при диктатуре Салазара. Ему удалось сыграть злую шутку с салазаровской диктатурой, опубликовав в одной португальской газете убийственную статью против режима. Потом у него, естественно, возникли серьезные осложнения с полицией, и он вынужден был избрать путь изгнанника. Я знал, что после шестьдесят четвертого, когда в Португалии восторжествовала демократия, он вернулся в свою страну, но больше я его не встречал. Он перестал писать, вышел на пенсию, как он жил, не знаю, к сожалению, все забыли о нем. В тот период Португалия жила бурной жизнью страны, только-только обретающей демократию после пятидесяти лет диктатуры. То была молодая страна, и правили ею молодые. Никто не вспоминал больше о старом журналисте, который со всей решимостью оказал сопротивление салазаровской диктатуре.

Я пошел проститься с телом в два часа дня. В больничной часовне было пусто. Гроб стоял открытым. Тот господин был католиком, и на груди у него покоился деревянный крест. Я постоял подле гроба минут десять. Это был плотный, ско-

рее даже толстый старик. Когда я познакомился с ним в Париже, это был мужчина лет пятидесяти, легкий и стремительный. То ли старость, то ли тяготы жизни превратили его в тучного и вялого. В изножье гроба, на маленьком пюпитре, лежал раскрытый журнал с подписями посетителей. Там было всего несколько имен, но ни одного из них я не знал.

В сентябре, как я уже говорил, Перейра нанес мне ответный визит. Так, сразу, я даже не сообразил, что мне сказать ему, и тем не менее понимал, хотя и смутно, что тот расплывчатый образ, который представился мне под видом литературного персонажа, был символом и метафорой: этакая фантастическая транспозиция того старика журналиста, с которым я ходил проститься. Я был растерян, но принял его радушно. В тот сентябрьский вечер я смутно понимал, что одна душа, носившаяся в пространстве эфира, нуждается во мне, чтобы рассказать о себе, описать сделанный ею выбор, ее страдания и жизнь. В тот блаженный промежуток, который предшествует моменту засыпания и который является для меня самой неподходящей площадкой для приема посетителей, тем более из числа моих литературных персонажей, я сказал ему только, что пусть

заходит, что может довериться мне и рассказать свою историю. Он вернулся, и я сразу же нашел ему имя: Перейра. По-португальски Перейра значит «грушевое дерево» и, как все названия фруктовых деревьев, указывает на еврейское происхождение, точно так же как в Италии еврейские фамилии образуются от названий городов. Этим я хотел воздать дань народу, который оставил столь глубокий след в португальской культуре и претерпел столько несправедливостей от Истории. Но был и другой мотив, чисто литературного свойства, маленькая интермедия Элиота под названием «What about Pereira?»,[27] в которой две подруги постоянно упоминают в разговоре таинственного португальца по имени Перейра, о котором мы так ничего и не узнаем толком. О моем Перейре, напротив, я понемногу узнавал все больше и больше. Во время своих ночных визитов он подолгу рассказывал мне, что был вдовцом, что у него больное сердце и как он несчастлив. Что любит французскую литературу, в особенности католических писателей периода между двумя войнами, как, например, Мориака

[27] Примечания: 27

«Ну что Перейра?» (англ) — начальная строка «Фрагмента пролога» Т. С. Элиота. В переводе А. Я. Сергеева — «Как там Перейра?». См. Т.С.Элиот. Бесплодная земля. М., 1971, с. 87.

и Бернаноса, что одержим мыслью о смерти, что самым близким его конфидентом был францисканец, которого звали отец Антониу, которому он с робостью признавался, что он вероотступник, потому что не верит в воскресение плоти. А потом исповеди Перейры в сочетании с воображением автора этих строк доделали остальное. Я выбрал для Перейры решающий месяц его жизни — знойный месяц август 1938-го. Я мысленно вернулся в Европу накануне катастроф: Второй мировой войны, гражданской войны в Испании и наших собственных трагедий недавнего прошлого. И летом девяносто третьего, когда Перейра, ставший уже моим закадычным другом, рассказал мне свою историю, я сумел записать ее. Я написал ее в Веккьяно за два месяца — тоже знойных — напряженной, истовой работы. По счастливому стечению обстоятельств я закончил последнюю страницу 25 августа 1993 года. И мне захотелось запечатлеть эту дату на листе, потому что для меня это был знаменательный день: день рождения дочери. Мне это показалось знаком, знамением. В счастливый день рождения моего ребенка рождалась, благодаря силе и искусству письма, история одного человека. Возможно, в непостижимом переплетении событий, уготовленном нам богами,

все это тоже имеет свое значение.

Антонио Табукки